Ушедшим и потерявшим себя в лихие 90-е посвящается.

БОРИС КОРНЕВ

Тандем

Роман

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2012

Корнев Б.Ф. Тандем. – Роман. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2012. – 240 с.

ISBN 978-5-89566-119-2

Роман «Тандем» об ожиданиях и устремлениях на перепутье эпох. Есть ли шанс получить сразу всё? Можно ли при этом всё сохранить – мечту, семью, бизнес и самого себя?

В основе романа лежат реальные события. Наименования организаций и медицинских препаратов, а также фамилии персонажей вымышлены.

На обложке: Казимир Малевич. Две мужские фигуры (В белом и красном). Начало 1930-х годов

© Б.Ф. Корнев: текст, 2012
© А.В. Спиридонов: макет и оформление, 2012
© «Историческая иллюстрация», 2012

От автора

Надеюсь, что книга о людях на перепутье эпох расскажет не только о бизнесе с его наездами, рейдерством, корпоративным шантажом... Но куда от них денешься?! От того, как происходит первичное накопление капитала, зависит очень многое. И без такого набора «высоких технологий» пока ещё никто не обходился.

Для случайного участника нарождающихся рыночных отношений неизбежность выбора всегда опасна. Очень многие к таким поворотам судьбы не готовы. Они наталкиваются на разбросанные повсюду завлекающие игрушки, верят своим иллюзиям, переносят в бизнес обычные человеческие чувства: дружбу, ненависть, любовь... И это порождает ошибки. От укоренившейся привычки к трудностям и к постоянной борьбе на глазах обязательно появляются шоры, заслоняющие множество других возможностей для самовыражения. Тогда человек зачастую вынужден заниматься тем, что противоречит его изначальному предназначению.

Каждый ищет самого себя, как умеет, и Время постепенно всё больше раскрывает его суть. У одного это происходит быстрее, у другого – медленнее. Кому-то не хватает и целой жизни.

Иногда так хочется задержать этот «мгновений бег» и оглянуться...

Борис Корнев

Prince, n'enquerez de semaine
Où elles sont, ne de cet an,
Qu'à ce refrain ne vous remaine:
Mais où sont les neiges d'antan?

François Villon

Принц, не придумано аркана,
Чтоб задержать мгновений бег.
К чему ж крушиться постоянно:
«Где ныне прошлогодний снег?»

Франсуа Вийон
(перевод Ю.Б. Корнеева)

Пролог

У окна, занавешенного тяжёлыми шторами цвета бордо, в углу просторной комнаты стояло массивное кожаное кресло. Рядом – итальянский торшер с маленькой, но очень яркой лампочкой. Закрепленная на конце гибкой металлической дуги, она выглядывала откуда-то из-за спинки кресла. Её свет тонкой струйкой изливался точно на стол, где лежали свежие газеты и журналы. Если открыть дверь в кабинет, то сначала может показаться, что в нём никого нет.

Сухощавый невысокий мужчина средних лет как будто специально прятался от людей. Он был незаметен между высокими подлокотниками и огромной спинкой кресла, такой же окраски, что и шторы. Серый, почти пепельный цвет лица выдавал многочисленные, укоренившиеся в нём болезни.

В одной руке он держал большую прозрачную чашку с крепко заваренным чаем, а другой перелистывал газеты, читая заголовки и рассматривая фотографии. Его, в основном, интересовали только последние страницы – криминальная хроника. Мужчина то и дело осторожно ставил чашку с чаем на блюдце, медленно надевал очки в тонкой золотой оправе и углублялся в чтение.

Дверь в кабинет бесшумно приоткрылась. Кто-то, шурша войлочными тапочками по мозаике паркета из разноцветных пород дерева, тихо подплыл к середине комнаты.

– Ты что, не знаешь, что я во время завтрака газеты читать люблю? Где, кого убили. Кто где помер... Зачем меша-

ешь? – не высовываясь из своего убежища, нервным голосом произнёс мужчина.

– Пэтро Мыхайлович, – извиняясь, шёпотом промолвил вошедший, – я подумал...

– Ты?

– Я не так хотел сказать...

– Излагай, как положено. Всё равно испортил завтрак. Убери сначала овсянку – не доел. Опять молока добавили, добренькие за чужой счёт. Знаешь ведь, нельзя мне – язва!

Личный телохранитель известного криминального авторитета Петра Михайловича Филиппова был лицом особо приближённым, помощником и, своего рода, единственной «прокладкой» между главарём и всей его «империей». Выказав обиду от проявленного к нему недоверия, он унёс тарелку с почти нетронутой кашей, вернулся и, конфузясь, принялся излагать.

– Этот, ну, Фармацевт, которому вы денег дали... Он, то ли продал бизнес свой, то ли его прибрал кто. Короче, наши из ОБЭП говорят, что он теперь не у дел. А как отдавать будет? Вот я и подумал...

Хозяин приподнял голову и медленно снял очки.

– Виноват. В общем, есть сведения, что он намылился на сторону.

– Вот видишь, как всё хорошо, когда доклад ладно построен, – Петр Михайлович неожиданно соскользнул с кресла и уже стоял перед битюгом. От того разило дешёвым одеколоном, пуговицы его тщательно отутюженного двубортного костюма цвета булыжника были застёгнуты, короткий до невозможности галстук, неумело завязанный огромным узлом, непослушно высовывался из-за лацкана пиджака. Картину завершали мягкие, стоптанные шлёпанцы, надетые на босу ногу.

Охранник поспешно попятился назад к дверям. Ему хватало ума не надоедать своей тушей тщедушному, на первый взгляд, шефу. А тот быстро подошёл к антикварному телефонному аппарату, поднял массивную трубку и сразу же, не слушая ответа абонента, заговорил совсем другим голосом, тщательно подбирая слова, будто диктовал.

– Так. Первое: Валет и Бухгалтер – сегодня ко мне в двенадцать. К этому времени найти и аккуратно привезти Фармацевта. Второе: узнайте, где теперь обитает академик Максимов и ещё... Когда я, наконец-то, получу этот паршивый завод в Смоленске? Доложить сегодня же к вечеру.

Не дожидаясь ответа с другого конца провода, хозяин аккуратно опустил трубку на блестящие металлические рычаги и снова уселся в любимое кресло.

Петр Михайлович Филиппов, по кличке «Филя», не был вором в законе: слишком жил роскошно, но «свои» его уважали не меньше. Треть жизни он провёл на зоне, а в начале девяностых вдруг оказался востребованным крупным бизнесом. Недавно он вернулся в Россию на недельку-другую из Испании, где последние два года проживал постоянно, поправляя здоровье, утраченное в лагерях. Несмотря на отдалённость от множества конкретных дел, он везде умудрялся «контролировать справедливость».

Главным детищем был легальный нефтяной бизнес в Ямало-Ненецком округе. Он отвечал за него перед «своими». Это основной источник пополнения «общака» на Кипре. Остальное тоже важно, но всё-таки не в такой степени. Платежи от «середняков» за «крышу» и рейдерство – захват недвижимости или прибыльных предприятий – составляли лишь треть от общего дохода.

Бизнес Фармацевта Филиппов считал особенным. Ни земли, ни домов, ни нефти, ни газа – одни патенты – мало кто из «братвы» способен понять, что с ними делать. А он любил эту умную игрушку. Ещё бы! Вроде как нет ничего, а аудиторы из «Куперс энд Лайбранд» считают, что это «ничего» стоит сорок миллионов долларов. Один товарный знак – почти треть. Не говоря уже о целой сети сбыта по стране! Здесь за «крышу» Филя стабильно получал свои двадцать процентов.

Шестого августа 97-го года Петр Михайлович выдал Фармацевту очередной заём на развитие. Для этого он даже прилетел из Испании. И вот тебе раз! Прошла всего неделя, и что-то пошло не так. Теперь нужно разбираться.

В двенадцать все вызванные сидели в один ряд в приёмной «авторитетного предпринимателя» и ждали. Слева

Валет – неопределённого возраста робот в джинсовом костюме без переживаний и рефлексий, за ним Бухгалтер – грузный сердечник в тонком сером свитере, под семьдесят, которому, наверняка, нельзя расстраиваться. С краю, чуть поодаль, ближе к дверям в кабинет сидел нога на ногу Фармацевт – Василий Фёдорович Прохоров.

Это он от имени самой крупной на Северо-Западе фармацевтической компании вёл переговоры и принимал решения о подписании контрактов. Вообще все давно привыкли к тому, что главным в фирме был Прохоров. Не владелец компании по производству лекарств, которого никто никогда не видел, и не тот, кому собственник или генеральный директор выписали доверенность на управление, а именно он. Этот человек всегда произносил последнее слово, и оно выполнялось: появлялись контракты, приказы, подписи должностных лиц, выдавались нужные доверенности. Совсем не важно, что он – как бы никто. У него даже на визитке из дорогой бумаги с водяными знаками указан только номер телефона. Без фамилии, без должности, без адреса.

Телефон на столе помощника Филиппова молчал, не загорались никакие лампочки, но он вдруг встал и, будто повинуясь внутреннему голосу, открыл дверь кабинета, впуская всех троих к хозяину.

Пётр Михайлович стоял посередине комнаты, улыбаясь и раскрыв руки для объятий. Василий уверенно подошёл первым, поцеловался несколько раз с Филей и, не задавая вопросов, отошёл в сторону, ожидая, когда остальные облобызают своего кумира. Закончив всегда одинаковую процедуру приветствия, хозяин кабинета, ничуть не заботясь о приличии, вернулся к журнальному столу и уселся в любимое кресло. Все трое приглашённых нерешительно подошли к Филиппову.

– Уважаемый, – обратился Филя к Прохорову, – как бы мне «десяточку» вернуть обратно? Ведь я предупреждал, что даю без процентов и без бумаг, но уже через неделю в любой момент могу затребовать обратно. Ты же знаешь, у нас так принято.

– Заём в десять миллионов долларов! Хм! Петр Михайлович, ещё и неделя не прошла. Финансисты только-только отправили их по схеме, – попытался ответить Василий, почтительно наклонив голову и глядя в сторону сидящего в кресле.

– Вот и расскажи нам, Васенька, жутко тревожным людям, где их искать, случись что? – Филя показал рукой на своих помощников, а те в подтверждение слов хозяина стали выказывать явное любопытство и, конечно же, избыточную тревожность. Они прекрасно знали привычку Петра Михайловича устраивать спектакли при разборках с партнёрами или подопечными и всякий раз ему умело подыгрывали. Другие не приживались.

– Ну, что такое «случись что», Петр Михайлович? Мне нужно минимум две недели. Я буду каждую неделю платить проценты. Хм! Хоть пять в месяц...

– С чего, Василий?

– Как с чего? Я могу не двадцать, а двадцать пять годовых отдавать, пока работает заём. А?

– Смотри, не знает! – Филя даже расстроился от того, что Фармацевт, вроде как, не в курсе.

– Что не знаю? Да скажите вы, в чём дело-то?

– А ты сначала покажи, где гуляет наша «десяточка»? По какой такой схеме?

– Да я в этом мало чего петрю. Финансист всё придумал. Он в курса́х. Спросите его. Хм! Да в чём дело, чёрт побери? Что, всё стащили? Этого быть не может. Они у меня крепко схвачены. Шаг вправо, шаг влево – кранты!

Хозяин почувствовал неладное. Он повертел стоявшую на журнальном столе деревянную шкатулку, украшенную инкрустацией, потом решительно откинул крышку и вытащил оттуда сигарету. Не дожидаясь подхалимов с золотыми зажигалками, сам прикурил древним способом от спички. Резкий кисловатый запах табака напомнил всем любимую марку Петра Михайловича. Кубинские сигареты “Ligeros”, они же «Смерть под парусом», настрого запрещенные ему врачами.

В годы активной юности, когда он был обычным работягой на лесоповале, ему на воле всегда добывали эти сига-

реты и пересылали левомицетин. Бывало, простынет на болоте, озноб, температура – 38, достанет блатные таблетки, съест пару, запьёт самогоном, закусит тонкими ломтиками сырой медвежатинки, обмакнув их в томатную пасту, и давай смолить “Ligeros”, штука за штукой вынимая сигареты из пачки чёрного цвета с белым парусом посередине. Покурит, покурит, и опять за пилу. Простуда сама сбегала от такого пациента. Но и сердце гробилось за милую душу.

Теперь он курил только тогда, когда выделяемый адреналин от предчувствия беды можно было гасить другой, простой и понятной опасностью. Например, опасностью едкого дыма сигарет «Смерть под парусом» для его напрочь испорченных лёгких или язвы желудка.

Одного взгляда Филиппова, мельком брошенного на Валета между затяжками, было достаточно. Резкий, сверху вниз, короткий удар кулаком – и Василий, будто пластилиновый, как-то разом свернулся, получил ещё удар в подбородок и оказался на полу.

– Только без этого, – торопливо произнёс Филя, – только без этого. Мне ещё крови не хватало на паркете.

– Ты понял, ты? – закричал Валет, – Нет, ты понял, ты? – Он пинал ногами валявшегося на полу Фармацевта, при этом успевая виновато и в то же время с удивлением поглядывать на хозяина, как бы отвечая ему: «Ведь нет никакой крови. Что ж я дурной и не понимаю, как нужно работать с клиентом?»

– Уважаемый, – в дискуссию встрял Бухгалтер, – вы ведь не можете не знать. Так не бывает, извините. Напишите нам, пожалуйста, куда они пошли. Банк, номер счёта, реквизиты фирмы...

– Во, во! Напиши, пока пальчики целы, – добавил робот.

Фармацевт лежал на боку, скрючившись от боли, не способный ни на крик, ни на стон, и, тем более, на какие-то там слова. Вывих грудинного конца ключицы вызывал приступы удушья, а сломанный передний зуб больно, до крови, царапал десну.

– Васенька, ты же знаешь, надо ответить, – завораживающе прошептал Петр Михайлович. – Бизнес продал? Продал. А нас не спросил. Некрасиво это. Вот где теперь наша доля?

Филя замолк на секунду-другую, будто переживая, потом вдруг вспомнил что-то и продолжил.

– Деньги конкретные у меня взял? Взял. А где они теперь, эти деньги? Не зна-а-аешь. Не по понятиям, Васёк. – Филя наклонился к лицу Фармацевта и убедительно прошипел: – Кинуть вздумал?

Василий повернулся на спину. Пытаясь ответить авторитетному бизнесмену, он начал было раскрывать рот, но ничего не получалось. Изо рта на безукоризненно белую сорочку тонким ручейком стекала розовая пена. Она почти не впитывалась нейлоновой тканью и вот-вот могла сползти на пол. Валет испуганно взглянул на хозяина и, не дожидаясь худшего, принялся прямо ладонями собирать пену с лица Фармацевта, с сорочки и тут же выплёскивать на малиновую подкладку расстёгнутого пиджака.

Вошёл помощник с листочком бумаги.

– Пэтро Мыхайлович, принесли копию выписки из рээстра.

– Ну, и кто там теперь хозяйничает вместо дебилов этого охламона? – Филя вернулся в своё кресло, надел очки, бросил взгляд на документ и почему-то сразу понял, что компанию, которую на публике всегда представлял Василий Фёдорович Прохоров, быстренько прибрали к рукам, элементарно подменив реестр акционеров. И он даже догадывался, кто это сделал. Совсем недавно по большому блату ему показывали список «технологических» компаний, используемых известной в городе «сладкой парочкой»: бывший большой мент и такой же большой ФСБ-эшник. Оба были смотрящими по городу.

Ситуация просто перевернулась с ног на голову. Компания «Фарма-2» теперь к Василию отношения не имела. Её новые собственники назначили своего директора, и тот, засучив рукава, наверняка, уже лезет во все дыры и ищет деньги. Его деньги! Это отдельная проблема. Но кредитто... Уж больно нагло...

– Ты согласен со мной, Вася? – Филя вслух закончил свои рассуждения вопросом, направил на Прохорова свет

итальянской лампочки, посмотрел на то, что так неожиданно испортило интерьер его кабинета, и по телефону позвал двух амбалов. Продолжая сидеть в кресле, хозяин пальцем показал вошедшим охранникам на Василия, повернулся к Валету, задумался, перевёл взгляд на Бухгалтера и, закрепляя этим именно его ответственность, жёстко произнёс:

– Васеньку заберите к себе. Я должен знать, где деньги. Сегодня хочу знать. Край – завтра утром! А то новенькие быстро их сыщут. У них теперь все права. Поняли меня?

Челядь закивала головами и испарилась так же мгновенно, как и появилась. «Система работает безукоризненно», – подумалось Филиппову, но он вдруг вспомнил Прохорова, который посмел его прилюдно «кинуть», его ослепительно белую сорочку с нежно-розовыми разводами на груди, потом перевёл взгляд на узорный паркет, слегка поблёскивающий от падающего на него света единственной лампочки в кабинете, и снова расслабился.

Часть 1

1.

– Бр-р-ежнев! Бр-режнев! Бр-режнев, – тихо, но с силой выдавливала из себя пожилая женщина. Она сидела на первом сидении старенького автобуса, повернувшись лицом к окну, и всё время повторяла фамилию генсека. Не просто повторяла, а всякий раз с новой интонацией, сопровождая эти слова одинаковым движением руки с вытянутым вперёд указательным пальцем. Будто иглой пронзала кого-то. На пассажиров она не смотрела, а те старались отвернуться и делали вид, что ничего не слышат. За пять минут до конечной остановки автобус обычно притормаживал, водитель открывал дверь и выпускал никому не известную женщину. Оставаясь стоять на заснеженном тротуаре и, чего-то ожидая от тёмного, холодного, зимнего утра, она продолжала свой убедительный монолог. А пассажиры, уткнувшись в окна, провожали её испуганными взглядами.

Так повторялось изо дня в день. Автобус не венгерский, а наш, львовский. Поэтому зимой в нём было тепло, хотя всегда пахло бензином. С пяти утра он ездил по городу и собирал работников птицефабрики. В одном и том же месте «чокнутая» вместе с очередной группой пассажиров садилась в автобус, а через двадцать минут уверенно поднималась и шла к выходу. Все уже привыкли к ней, будто к заводскому гудку. Начиналась утренняя смена, и об этом забывали.

В убойном цехе птицефабрики начальником значилась Екатерина Павловна Нелидова. В год столетия со дня рождения Ленина, в декабре, у неё родилась дочь. Она назвала её Марией. Мать частенько потом говаривала в присутствии мужчин, что это её подарок к юбилею Ильича. При этом умудрялась делать вид, будто подарок относится, не пойми к какому. Тогда по телевизору и по радио чаще говорили о другом Ильиче. Мужа у Екатерины Павловны не было, так что девочка воспитывалась без отца.

Жили мать и дочь бедно, в деревянном двухэтажном доме на пять семей на окраине Ленинграда, в посёлке Горелово. Маша самостоятельно вставала каждое утро, собиралась и шла в школу. Когда уроки заканчивались, возвращалась домой и готовила обед. Мать добиралась до своего жилища только поздно вечером. После смены ей нужно было зайти в магазин и купить продукты. Уставшая и изнервничавшаяся, она еле успевала поесть то, что приготовила дочь, просмотреть её тетрадки, дневник, прочитать нотацию и тут же заснуть.

Рабочих на фабрике всегда не хватало. Чтобы хоть как-то заткнуть дыры в производстве семи тысяч голов птицы за смену, да и ради лишних денег, начальница цеха в школьные каникулы брала с собой Машу и её подруг. Сначала, ещё в автобусе, они минут двадцать украдкой наблюдали за «чокнутой». Потом, придя в цех, надевали ярко-зелёные береты из полиэтилена, белые халаты, фартуки из клеёнки, такие же зелёные, как и берет, резиновые перчатки, брали в руки вилки для потрошения куриц и приступали к экзекуции. Отрубали курам головы и вынимали потроха.

Единственное дельное, что перешло от матери к дочке, так это умение шить. Маша могла сшить брюки, платье, рубашку. Причём это занятие доставляло ей удовольствие. Всё-таки не дюралевый чан, наполненный потрохами от мёртвых куриц.

После восьмилетки Мария Нелидова поступила в Ленинградский ордена Знак Почёта техникум лёгкой промышленности и спустя два года уже умела моделировать и конструировать различные швейные изделия. Особенно хорошо она делала сложные выкройки, могла вышивать на различных отечественных и иностранных швейных машинках. Сразу после окончания учёбы Машу взяли на работу в кооператив. Там она времени зря не теряла – обзавелась клиентами. Пошли приличные деньги. Мария приоделась, зачастила с подругами в кино. Ей нравилось смотреть про путешествия, куда-нибудь далеко-далеко, в Южную Америку. Она всё время напевала одну и ту же песенку: «...Увижу ли Бразилию, Бразилию, Бразилию, увижу ли Бразилию до старости моей?».

Когда Маше исполнилось восемнадцать, от рака умерла её мать. Ведомственное жильё, разумеется, отобрали.

Договорившись с подругами, Нелидова почти каждую ночь спала на новом месте, всё время приговаривая: «Я как молодая каймановая ящерица. Та, хоть и обитает на Амазонке, а тоже в одном месте не зимует». Поначалу ей нравилась такая «романтика». «Можно даже и в шалаше, – говорила она подругам. – А что? Родителей нет, дома нет. Зато уже есть паспорт, можно голосовать. Вот свобода-то!». На самом деле бюллетень для голосования ей не давали, так как сначала нужно было получить прописку. Со старого места выписали, а нового-то не было.

В 90-м ей это надоело, и, наверное, от безысходности она решила сойтись с начинающим бизнесменом Игнатом. Парень был серенький, невыразительный, с короткой стрижкой, почти лысый, но при деньгах. В школе учился плохо, зато занимался фарцовкой: выменивал у иностранцев жевательную резинку, а потом толкал её своим одногодкам, аж, по рублю за пластинку. Так что бизнесу, вроде как, обучен ещё с малых лет.

Мария с Игнатом познакомились на кладбище. Оба недавно на «Красненьком» похоронили родных, а на Троицу случайно встретились. Могилы были почти рядом.

Теперь жизнь Маши сразу превратилась в бурный и неуправляемый поток. То много денег, то нет совсем. То все вокруг неё радуются и гуляют, как умеют, то прячутся от кредиторов и слоняются бледные и пришибленные. Всё больше молчат и собирают сумки с самым необходимым: бельём,

физкультурным костюмом и кроссовками. Это для тюрьмы, если не получится дружба с государством, или для «погружения», если понадобится скрываться от бандитов и кредиторов.

В начале лета девяносто второго им достался контейнер с растворимым кофе из Израиля. Голубые большие банки, чуть помятые и с красными буквами на иврите, ушли влёт. Люди покупали и не спрашивали, почему банки кривые – буквы нравились. А Игнату их отдали за полцены. Сразу «поднялись», приободрились и намылились съездить за границу. Стало быть, в Париж. Куда же ещё-то? Отправились в турагентство, заказали билеты на самолёт и два номера в самой дешёвой двухзвёздочной гостинице на Монмартре. Один для Игната с Марией, другой – для приятелей-компаньонов. Там же их уговорили купить ещё три экскурсии по Парижу.

И вот они топают по улицам города, о котором мечтали тогда все поголовно. Языкам не обученные, образованием не обременённые, простые донельзя и бесхитростные – всё на лицах написано. Как такие в бизнесе держатся? Уму непостижимо!

Наполнив сумки всякой мелочью из магазина «Тати», что на площади Республики, сели они на пароходик и давай глазеть по сторонам да слушать гида. Посмотрели направо – увидели остров Ситэ и Собор Парижской Богоматери. Вспомнили старый французский фильм: Квазимодо, Джину Лолобриджиду... Потом Сена поворачивала влево, а справа появилась площадь Согласия. От неё до площади Звезды тянулись Елисейские поля. Правда, они тянулись совсем в другую сторону, отдаляясь от пароходика. Перед мостом Александра III, слева – Дом Инвалидов. Почему инвалидов? Маша так и не поняла. Там похоронен Наполеон, но он же не инвалид. Туда же, будто специально, подложили сердце того самого маршала Груши, который не подоспел ему на помощь, и в результате Наполеон был разбит. Это все знали по фильму «Ватерлоо». Ну, ещё видели огромное Марсово поле, за ним здание ЮНЕСКО и круглые высокие башни Консьержери, где сидела Мария-Антуанетта и ждала, когда ей отрубят голову...

Довольно быстро всё услышанное выветрилось из головы. Они вылезли на берег около моста Йена. Там, совсем рядом, торчала высоченная и вся в огнях Эйфелева башня, как говорят, самая дорогая недвижимость в мире. У моста им показали место на реке, где несколько лет стояла красивая баржа, в которой жил не то Пьер Ришар, не то Ален Делон. Гид толком сама не знала. «Аленчика», конечно, все помнили, любили и потому сразу оживились. Маша не была исключением. Такие брюнеты с тонкими чертами лица и с синими глазами ей нравились. Ещё бы!

На башню Мария и Игнат не полезли, захотелось есть. Оторвались от своих приятелей и, не задумываясь, ввалились в первое попавшееся кафе. Уселись, им подали меню, уставились на иностранные слова, ничего не понимают. Первые два дня они питались в таких местах, где в меню рядом с названием блюда размещалась его фотография. А тут ничего такого не было. В общем, влетели! Да ещё оплаченную экскурсию пропустили на эту крашеную вышку, всю в заклёпках – тоже попали долларов на двадцать. Расстроились – паршиво на душе. Официант несколько раз ненавязчиво «проплывал» мимо, пытаясь сообразить, выбрали они что-нибудь или ещё пребывают в поиске?

Молодой бизнесмен из России не выдержал и, когда парень в красно-белой униформе подошёл в очередной раз, с достоинством поднял голову, строго глянул на официанта и, смотря ему прямо в рот, стал громко повторять одно и то же: «Ням-ням, ням-ням, ням-ням...» Причём, чтобы не казаться уж совсем ограниченным человеком, он это произносил, всякий раз с разной интонацией и наклоняя голову.

Нужно отдать должное персоналу кафе, готовому ко всему и прекрасно знакомому со вкусами туристов из России. Им принесли луковый суп в маленьких глубоких тарелочках, потом бараньи рёбрышки с соусом и зелёным горошком, а в конце – целый горшок с чёрными горячими ракушками. Там лежали мидии. И вкусно, и будет что вспомнить. Хлеба не дали. Ну уж, не без издержек! О вине вспомнили, но, как им показалось, поезд ушёл. Восхождение на башню закончилось. Нужно было отправляться всей

толпой на последнюю экскурсию, к «Сакре-Кёр», белеющему где-то сбоку над всем Парижем.

Устали. Устали шляться по музеям, слушать гида с его россказнями про французскую историю, про Наполеона, Дантона и Мирабо... Устали есть каждый день помногу одно и то же. Игната потянуло домой. Ему бы на природу, шашлычки, да водки холодненькой с селёдочкой и лучком. Вокруг ребята, гитара, в карты перекинуться...

Маша, наоборот, никогда до сих пор не бывавшая в музеях, поглощала новое, впитывала всё как сухая губка. Ей хотелось узнать у кого-нибудь, нашли потом погибшего французского лётчика или нет? Она даже запомнила полное имя автора «Маленького принца»: Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери! Ей бы ещё постоять в зале Лувра, где она увидела картину, на которой женщина любуется игрой младенцев в саду. «Вот бы такую жизнь!», – подумала Мария и, замечтавшись, остановилась.

Игнат схватил её за руку и потащил прочь от картины Рафаэля. Нужно было догонять остальных, и Маша вновь окунулась в кислую реальность. Одного из приятелей вырвало прямо на пол в зале, где висела картина с Джокондой. Ночью за картами перепили. Все люди, как люди. Ну и что, что пьяные, то есть, не трезвые! За билеты уплатили, идут себе ровненько, стараясь меньше шевелиться, только глазками зырк-зырк в разные стороны. А у этого бугая – всё не как у людей.

Сразу появилась женщина в белоснежном халате, резиновых перчатках и со специальной коляской. Из коробки с отверстиями она посыпала пол мелкими опилками и, не обращая внимания на окружавших её туристов, шваброй собрала в блестящий никелированный совок завтрак коллеги Игната по ночным картам, поместила всё это в красненькое пластмассовое ведёрко и исчезла.

Как ни уговаривала Маша своего бой-френда, ничего не помогало. Он досидел оставшиеся три дня в отеле, да и Машу никуда не пускал, чтобы та не тратила попусту деньги. Она, конечно, расстроилась. Ведь пройдёт время, и ей ещё нужно будет вытащить Игната в Бразилию. Это уж

обязательно. Она видела в кино, что там, в бассейне Амазонки водятся огромные ящерицы, которые глотают большие раковины. А те, может быть, даже с жемчужной горошиной.

– Дура! – отреагировала на её мечты соседка по автобусу. – Зачем тебе ящерица? Пусть твой просто жемчуга дарит, без всяких там ящериц. Зачем тебе ящерица-то? Чего с нею делать потом? А как доставать? Ты что! Реально – проблема!

В номере, в котором жили Маша и Игнат, по вечерам собирались все единомышленники по бизнесу. Однажды засиделись за пивом и картами, всю комнату прокоптили. Смотрят, дымок стелется над изящным диванчиком. Кто-то так спешил вернуться к игре, что просто бросил на диван недокуренную сигарету. Теперь там была дыра с блюдце. Все приуныли и сразу протрезвели. Конечно, возьмут денег за испорченный диван, а денежки-то уже заканчивались. Кто подушку предлагает положить на это место, кто плед купить и покрыть дыру. Мария всех удивила своей находчивостью и уверенностью.

– Значит, так! Слушай сюда! Идите в магазин, купите ножовку и полиэтиленовые мешки для одежды. Включим погромче телевизор с ихним роком, распилим диванчик на мелкие куски и вынесем за день всё это хозяйство, как и не было. – Бизнесмены, сами по себе почему-то выстроились в ряд и, вытянув вперёд пьяные головы, с сигаретами во рту, внимали «командиру». – Ты найдешь самый удобный мусорный павильон, – это она Игнату поручила, – там нужно оставить только содержимое мешков, а мешки опять вернуть в номер, – Маша усердно вдалбливала в головы картёжникам их незатейливые функции.

Началась круговерть. Мешки набивали одеждой и выносили из гостиницы, или хотя бы на другой этаж, чтобы горничная видела в них одежду. А между «пустыми» рейсами в таких же мешках выносили куски от распиленного дивана.

На следующий день пришла уборщица. Поглазела по сторонам, да как завопит. По-французски, конечно. Подо-

шла тётка-портье и с перепугу начала говорить почти по-русски. Мол, где диван-то? Ну, к полотенцам они уже привыкли, что их постояльцы из России уносят. К тапочкам, бутылочкам с шампунем или там к ровненько сложенным блестящим иголочкам с нитками... А тут целый диван!

Игнат не мог не поизгаляться. Он подошёл вплотную к уборщице и, повернувшись к ней спиной, отставил зад и похлопал себя по круглым ягодицам.

Выразительность жеста была убийственной. Обе француженки крепко задумались и покинули номер.

Так и завершилась встреча Марии с Парижем, с европейским искусством, с заграницей. И, наверное, последняя. Уж больно Игнат был не в себе. «Потерял время. Лучше бы затеял ещё что-нибудь купить-продать, пока здесь любовались могилами да домами».

Ленинградская квартира, которую Игнат купил после «прухи» с израильским кофе, была одновременно жильём, офисом и помещением для переговоров. На телефоне в коридоре сидела молодая секретарша с дипломом об окончании филологического факультета питерского университета и весело отвечала на звонки.

– Да. Штаб Деникина, слушаю вас. Кто? Одну минуточку...

– Кончай трепаться, – прерывал её Игнат. – Никого нет на месте. Понятно? Всё записывай и ничего больше не говори. Если Венгрия – сразу зови.

А секретарша всё равно не могла удержаться и в следующий раз кричала в трубку что-нибудь другое: «Штаб Первой конной армии», или «Бизнес-центр „Земляничная поляна“ имени товарища Бергмана».

Приближался Новый год, а венгерское шампанское так и не приходило. Почти все деньги туда вбухали, в эту «Мадам Помпадур». Ещё хорошо, что наняли рефрижератор за две тысячи долларов. Другие почти задарма подрядили обычные фуры с брезентовым верхом. Так им сейчас всё равно. Когда грузовики спустились в предгорья Татр, из-за перепада давления весь груз пропал: у всех бутылок, будто гусары погуляли, было срезано горлышко. Ну, а они вот ждут. Завтра уже Новый год. А ещё нужно растаможить, разгрузить и развезти по точкам.

Вообще-то все уже понимали, что влетели с этим шампанским. Как-то не задумывались раньше, что особенность этого товара в том, что он после 31-го декабря просто никому не нужен. Конечно, кроме аристократов или дегенератов, как ясно выразился народный артист в фильме «Бриллиантовая рука». Аристократов ещё пока нет, а вот вторых... На них только и надежда!

Пришло газированное зелье прямо под Новый год. Торговые точки его не берут – отправили на склад. Но денег больше не было, так что склад сняли неотапливаемый. Почти пустой: доски чьи-то, стройматериалы всякие, да вот ещё ящики с шампанским. Теперь придётся ждать до восьмого марта!

И надо же такому случиться, в феврале мороз – двадцать пять градусов. Охранник звонит в «Штаб Деникина» и просит послушать. В трубке раздавались частые щелчки, как на приборе для замера радиации.

– Это бутылки взрываются... Алё! Слушаете?.. Алё! Чего делать-то?– кричал на другом конце охранник.

Мария опять первая среагировала. Она выхватила трубку из рук незадачливого муженька и принялась отдавать чёткие команды:

– Жги чужие доски. Там ещё полиэтилен есть. Большие рулоны. Нужно натянуть сверху. Где хочешь, достань вентилятор или сам руками гони дым под полиэтилен...

Она вообще была женщина решительная. Это все уже познали на своей шкуре. Во-первых, подруга главного партнёра. Ну, а во-вторых, действительно, чаще всего дело говорила, хотя и не была в теме.

Взорвалась примерно треть всего товара. В остальных бутылках выпал осадок – их уже не продать. И опять эта Машка! Прямо гений какой-то! Она предложила все бутылки отвезти в рестораны и кафе и отдать за полцены.

– Правильно. Там, когда льют шампанское в бокалы, – сразу сообразила секретарша, – обычно закрывают бутылку белым полотенцем, чтобы не залапать, ну, там, чтобы

руки не мёрзли, а шампанское не грелось, и, ещё чтобы потом с горлышка капли снимать.

Как по команде все повернули головы и уставились на «штатного филолога». В глазах у бизнесменов светилось что-то среднее между удивлением и уважением. Они-то всегда считали, что полотенцем официант вытирает стол... или руки.

В один из дней во время февральских морозов Игнат вернулся домой хмурый и встревоженный.

– Всё, Машка, кранты.

По совершенно белому лицу Игната Мария решила, что бизнес её бой-френда совсем накрылся, и нужно срочно сваливать, а то порежут. Однако Игнат продолжал бубнить какую-то немыслимую ахинею, которую невозможно было понять. Маша велела ему начать сначала.

– Сердце кровь гонит по правой стороне тела, а в левую не докачивает, – членораздельно, но с трудом пояснил белый от испуга Игнат.

– Это как?

– Был сегодня на складе... Холодрыга! Одел дублёнку, зимние сапоги. Так вот всему телу тепло, а левой половине – как бы холодно.

– Это ты мне говоришь? Ну, ты и лох, Игнат, а ещё диплом купил. Я же тебе говорила, не бери дублёнку в арабском квартале. Не послушал, пожмотничал, вот теперь и расхлёбывай. Тоже, мне – с-е-е-рдце! Не докачивает! Дай сюда!

Маша взяла новенькую коричневую дублёнку, купленную в Париже, и, вывернув её наизнанку, рассмеялась. Один рукав, левый, был без настоящего меха. Так, какое-то подобие и только.

Время шло, а материальное благополучие молодого бизнесмена и его сотоварищей к лучшему не менялось. Мария всё чаще стала вспоминать Лувр, чудесную картину с маленькими детьми, от которой веяло спокойствием. Нужно было что-то делать. Нужно самой искать деньги, если Игнат-оболтус не может. Влечение к молодому и поначалу успешному предпринимателю с каждым днём выветривалось всё сильнее и сильнее.

Через месяц за долги пришлось отдать квартиру и переселиться в коммуналку. Секретарша из «Бизнес-центра „Земляничная поляна“» уволилась. Кроватей нет – раскладушки, нераспакованные сумки с одеждой. Игнат объявлялся на минуту-другую, весь пришибленный – постоянная беготня от кредиторов любого доконает. «Меня нет! Гоню металл в Бельгию», – то и дело слышала от него Мария. Потом он исчезал ещё на неделю. Потом ещё...

«Ну, достаточно, – уверенно сказала себе Мария, – наелась вдоволь. Надо срываться. А то с меня начнут требовать его долги. Ребёнка не хочет, поехать со мной в Бразилию не может, постоянно всем должен...» Плохо стало у неё на душе, совсем невмоготу, и она ушла.

2.

На Васильевском спуске сразу за собором Василия Блаженного, как всегда, свора машин. Все кого-то ждут. В бюро пропусков, слева от Спасской башни, изредка входят люди, задерживаются там минут на двадцать и, получив пропуск, чинно направляются прямо к посту у ворот. Вот появился опальный Ельцин. Он быстро прошёл к «жигулям» шестой модели, не без труда влез в машину, и она в ту же секунду покатила в сторону моста через Москву-реку.

Весь день мокрый снег. Его так много, что он, не успевая растаять, превращается в мокрую кашу. Для разнообразия попробуй, вылези из машины да пройдись туда-сюда. Наверняка простынешь! Начищенные чёрные туфли на тонкой кожаной подошве – это как раз то, что нужно. Десять минут – и уже нет никакого отличия: в обуви ты или только в мокрых носках.

Скоро будет девять месяцев, как тридцатилетнего юриста, бывшего партийного работника, Леонида Владимировича Малкина, пригласили в Институт биотехнологии и биорегуляции. Его директор, известный физиолог академик Леонид Александрович Максимов создавал первый в

стране акционерный Центр фармацевтики. А знающий юрист и спец по аппаратной работе стал у него вроде как за помощника.

Обращаться в Совет министров «с улицы», хоть по телефону, хоть письмецом – директор уже пробовал. И не раз! Не имеет никакого смысла! Малкин, как только появился в институте, сразу начал внушать крупному учёному одну незатейливую истину: «Если хочется что-то изменить, а тем более построить и получить на это деньги – нужно родить правительственное поручение. Только после того, как, обращаясь к кому-нибудь в Совмине, за словом „Здравствуйте“, прозвучат, к примеру, такие незатейливые звуки: „ПП – номер девять тысяч тридцать пять“, – вас станут хотя бы слушать». Кто не знает этих слов – пусть сидит дома, живёт обычной жизнью и не мечтает, о чём ни попадя и почём зря.

Леонид Александрович так жить не хотел. Ему постоянно чего-то не доставало. Казалось бы, чего ещё? По советским меркам всё есть: квартира, машина, дача, интересная работа, где его уважительно называют Академиком. И это чистая правда, хотя он всего лишь профессор и член-корреспондент. В Большой Академии так называли и действительных членов, и член-коров. И тем не менее Академик не мог существовать без ярких поступков, без того, чтобы не оставить свой заметный след на том пути, который выбрал ещё в юности.

Очень скоро Максимов сообразил, что родить это самое правительственное поручение – довольно сложное занятие, одних знаний, научных званий и учёных степеней недостаточно. Ещё перед тем, как отправить свою инициативу в правительство, придётся, как минимум, её оформить так, как положено у клерков. А как у них положено? Чёрт его знает!

В правительстве ему однозначно дали понять, что просто так, снизу вверх, она, инициатива эта, не летает. Для аппарата – это как надоедливая муха, которую нельзя прихлопнуть, а позволительно только гладить по головке. Гладить и гладить, до тех пор, пока рецепторы не исчезнут. Ах, они в лапках! Ну, пусть истопчет свои «лапки» до задницы. Тогда пусть «бродит» по кабинетам или ползает где-нибудь по стеклу – какая разница! Не жужжит и не отвлекает от важных государственных дел!

Вот если вдруг кто-нибудь на самом верху прикоснётся к этой инициативе, тогда совсем другое дело! Для чиновника любого уровня сразу появится основание прочитать непривычную для него бумажку. Бумажку, противную во всех отношениях, родившуюся где-то в самом низу, в дурной голове учёного или обывателя. Украшенная резолюцией, разноцветными штампами, большими синими цифрами установленных сроков и контрольными карточками с красными полосами, она наконец-то начинает привлекать к себе внимание, становится документом, правительственным поручением – «ПП», или попросту говоря «пэпэшкой».

Но и этого оказалось недостаточно. Пэпэшку в кабинетах всемогущего аппарата замыливали всем миром, стремясь, во что бы то ни стало свести её на нет. Не представлено, мол, то-то и то-то, и поэтому де в настоящее время согласиться с инициативой не представляется возможным. Вообще, конечно, – да, но в настоящее время – неа!

Не дать погубить правительственное поручение оказалось ещё более сложной задачей. Тут недостаточно просто удачи, наличия блата и более или менее вербализованной мечты. Потребовалась высочайшая толерантность и систематическое затыкание своего горла. Не дай Бог, если вдруг зазвучит в казённых кабинетах Белого дома или на Старой площади невинная мелодия твоей мечты. Не надо этого! Тут нужно быть полным циником. Или хотя бы уметь быть. Так, как это умел Малкин.

В этом смысле Леонид был плохой мишенью для уловок всяких там главных и ведущих специалистов департаментов правительства и министерств. Против них он всегда находил новые и всё более изощрённые ходы. Этому быстро учили в коридорах Смольного.

Малкин знал, к примеру, где на столе у зампреда правительства лежит в папке его документ, какой он по очереди, и когда этот уважаемый и очень занятой человек придёт на своё рабочее место. Знал, что большой начальник не успеет ознакомиться со всеми бумагами. Но знакомый помощник

именно в этот день обязательно подсунет ему письмо, подписанное Максимовым, и подложит заранее подготовленный проект резолюции. А секретарша, как только получит от своего босса рассмотренную почту, немедленно позвонит и на «птичьем» языке всё доложит симпатичному Лёнечке из Питера. Помощник-то мог ведь, обещая, и наврать ради своих, каких-нибудь корыстных целей. А милая, уже немолодая женщина, сидящая в приёмной и всё на свете знающая, ради таких же своих целей сообщит правду.

И всё-таки трудно молчать и не спорить, когда твою идею с ходу отвергают все, к кому она попадает. Наверное, от этого, как только в Москву – так у Малкина температура «тридцать восемь». Не пойми из-за чего – стоит только сесть в купе «Красной стрелы». «Это охранный механизм срабатывает в организме – так юрист сам себе объяснял необычное явление природы, ведь высокая температура убивает вредителей. Здесь этот механизм заранее включается. Ты ещё не прошёлся по кабинетам Совмина, где все говорят только „нет“, а озноб и жар уже – вот они!»

Сегодня Леонид приехал в Москву вместе с шефом. Предстояла встреча с зампредом. Нужно, чтобы тот позвонил вниз своему аппарату и сказал самые хорошие слова. А уж помощник академика тут как тут с разъяснениями и справками будет ждать под дверью кабинета любого, пусть самого маленького, но ответственного работника какого-нибудь министерства.

Справедливости ради нужно заметить, что ни разу после звонка зампреда или министра никто не исполнял то, что им говорил их начальник в присутствии Максимова. «Должно быть, научились у буржуев, – рассуждал Малкин, начитавшийся в детстве Бальзака. – Там один банкир де Тийе, отправляя просителя за деньгами к казначею, частенько забывал в своей разрешающей записке поставить закорючку над „и“ кратким. Для казначея это был сигнал: „Не давать!“ Пожалуй, у наших министров нужно бы поискать такой же тайный знак».

А вообще, вся надежда у чиновничьей братии только на то, что на второй или уж на третий раз никто не станет добиваться встречи с большим начальником. Действительно, чтобы по нескольку раз с одной и той же просьбой тыкаться в массивные дубовые двери высокого кабинета, нужно быть совсем бесчувственным и толстокожим.

Максимов был не тем и не другим, но просто очень настойчивым. К зампреду он шёл на приём в третий раз.

Помощник ждал своего шефа уже больше четырёх часов. «Выйти бы из машины, перекусить где-нибудь, – подумал Малкин. – Где тут! Во-первых, рядом с площадью нет ничего, а потом, пока найдёшь и доберёшься, точно ноги промочишь и простудишься. Заболеешь, тогда вообще остановится весь процесс. Да и туфли не для того надевал. А главное – ты уйдешь, а шеф придёт». В общем, юрист по профессии и аппаратчик по призванию продолжал упорно сидеть, иногда включая печку, чтобы совсем не застыть.

От тёплого воздуха и безделья на лице Малкина расплывалась мягкая нега. Невольно в голову стали приходить приятные мысли. Шеф уже всё завизировал у зампреда. Сам – без его походов по низам. А может, и вовсе всё удачно сложилось. Академик встретил своего знакомого – Управделами Совмина. Тот увидел, чья «пэпэшка», вместе глянули текст постановления, помычали, постонали... Вдруг ни с того ни с сего появляется сам генсек. Горбачёв вспоминает академика Максимова, берёт в руки проект постановления, сходу определяет, что это как раз то самое, что сейчас нужно стране, и по-хозяйски входит в кабинет к самому премьеру. Вот здорово-то!

Размечтался! Малкин чуть не проснулся от жуткой нереальности того, что ему привиделось. Чтобы они конкретное что-то сделали... Вот уж вряд ли! Он был в прошлом году на совещании в ЦК, вместе с шефом. Ни о чём совещание. Мол, какой бардак, перестройка буксует, и что теперь делать. А в итоге – пустые фразы: «Думаю, нам уда́лось провести хороший разговор. Главное – процесс пошёл. Нужно только его постепенно углу́бить». Единственное, что действительно тогда «уда́лось», так это, обходя все аппаратные нагромождения на пути к «телу», передать лично генсеку записку с предложениями Максимова.

3.

Ещё через час появился шеф. Модно одетый, с лёгкой сединой в волосах, невысокого роста, стройный для своих пятидесяти лет, он медленно, не обращая внимания на хлюпающий под ногами снег, протопал от Спасских ворот до машины, тихо открыл дверь и уселся в кресло чёрной «татры» справа от Леонида. Малкин сначала даже его не заметил, видимо, проспал или замечтался. Академик Максимов сосредоточенно молчал.

– Ну как, Леонид Александрович? Уда́лось? – подражая Горбачёву с ударением на «а» с опаской произнёс Малкин. Ему на всякий случай хотелось заранее сгладить возможную неудачу.

– Нужно иметь выдержку, – сквозь зубы прошептал шеф, глядя отрешённо вперед, на собор Василия Блаженного. Как будто всё это время он сидел и подсчитывал его одиннадцать куполов, а не пропадал целых пять часов за огромными кирпичными стенами Кремля. Через минуту Максимов продолжил медленно и задумчиво. – Вот, у Королёва во время рабочего запуска наших собачек все службы докладывают: «Пятнадцать секунд – полёт нормальный, двадцать секунд...» ну, и так далее. А уже у трёх служб далеко не всё в порядке. Но молчат. Понимают, что молчать плохо, но и крайним быть... А кто первый не выдержит, тот и крайний. У Сергея Павловича... – Шеф, не закончив фразы, покачал головой и вытер платком пот на лбу. – Не приходил ещё зампред. Все ждут. Часами ждут.

Помощник понимающе закивал головой, и только одна до невозможности приятная мысль принялась быстро крутиться в его мозгу, пытаясь выскочить наружу. Коль для аппарата нет вводных от зампреда, то и его роль в сегодняшней поездке постепенно сводится к нулю. Приятно осознавать, что тебе, такому великому, не обеспечен фронт работы. Теперь можно спокойно возвращаться в Питер и размышлять о более важном. Не о том, как облапошить или уболтать очередного чиновника, а о деле.

Малкин первым же поездом уехал в Ленинград, а Максимов на следующий день снова отправился к зампреду правительства, снова ждал его часа три, но вопрос свой всё-таки решил. Большой чиновник не стал звонить своим подчинённым, а вместо этого написал резолюцию. Резолюция – это, конечно, хорошо, но она обязательно порождает паузу – три дня на канцелярию. После нужно бы обязательно отследить, к кому именно поступил документ и поступил ли вообще.

В Ленинграде Леонид времени зря не терял. Для вернувшегося из Москвы Максимова он устроил ликбез по вопросу собственности и прав трудового коллектива.

– Вот смотрите, Леонид Александрович, – Малкин подошёл к доске, которая висела на стене кабинета директора института, и мелом нарисовал два круга. – Два государственных предприятия, к примеру, «Кировский завод» и «Ижорский», создали третье и наделили его всем своим имуществом. Это можно. В РСФСР есть такой закон, вернее Указ президента. – На доске снизу появился огромный третий круг. – Что тогда останется на балансе легендарных питерских объединений?

– Ну, тогда ничего не останется. Что же ещё останется, если всё отдать?

– В том-то и дело, что нет. На балансе этих «пустышек» цифра останется такая же, как и была. Только она не станки и здания будет отображать, а лишь ценные бумажки типа наших акций, полученные взамен этих станков, и ещё, пожалуй, стоимость резиновой печати и сейфа.

– Но собственность в новом предприятии всё равно государственная? – не унимался Максимов.

– Конечно! Какая же ещё? Но, если вы, Леонид Александрович, в качестве третьего учредителя вместе с «Кировским» и «Ижорским» заводами тоже вдруг решитесь вложиться в новое предприятие... хотя бы рубликом, – Леонид стал с таинственным видом постукивать мелом по третьему кругу.

– То там уже собственность станет смешанной, – сообразил Академик и сам написал в третьем круге слово «смешанная».

– Да, да! – уточнил Малкин, поделив третий круг на две очень неравные части, – на девяносто девять процентов государственная и на совсем немножко – частная. Но мы же знаем: где государственной собственности больше половины,– там всем распоряжается трудовой коллектив. Туда, как и в министерские предприятия, с Запада никого даже силком не затянешь.

– И то нужно сначала уйти из министерства – иначе ничего не разрешат. Ни «Кировскому», ни «Ижорскому».

– Но самое интересное дальше! – продолжал Малкин. – Представьте себе: чуть погодя, через час-другой, это новое, третье предприятие тоже захочет создать что-нибудь своё. – Леонид нарисовал четвёртый круг под третьим, соединив их белой линией, замолчал и с озорным блеском в глазах взглянул на Максимова.

– В этом предприятии... вся собственность будет... смешанная, на сто процентов, – медленно, будто обдумывая ответ на экзамене, произнёс Академик, произнёс и сам испугался того, что только что услышал. – А где же государственная?

– Государственная? А она там, в самом верхнем круге... она раньше была. Ведь если только из смешанной что-то мастерить, то откуда же взяться государственной? То есть всё можно скинуть в четвёртое предприятие, но не сразу, а обязательно побывав на секундочку в третьем...

Свои рассуждения Леонид не раз и не два излагал шефу, стараясь закрепить в нём понимание законности мероприятия. Ведь с этим он даже выступал на специальном семинаре перед офицерами КГБ. Контролирующие органы тогда ещё по-прежнему внимательно следили за бухгалтерскими проводками. А между тем, госсобственность по согласованной цене утекала сквозь пальцы в частный сектор экономики. По решению правительства, активы целого ведомства могли переходить в огромные ассоциации.

Конечно, можно не рисковать и не менять ничего в управлении отечественной фармацевтикой. Но тогда уже ставшее привычным отсутствие финансирования сверху приведёт к развалу целую отрасль, занятую разработкой и производством новейших лекарственных препаратов. Не аспирина или норсульфазола, а таких таблеточек, ампул и капсул, которые используют самые последние научные открытия в области биотехнологии и лечат диабет, слепоту, воспаление суставов, печень и поджелудочную железу... Не замедляют или, как говорят врачи, купируют негативные процессы, а именно лечат недуг.

Ещё месяц-другой и создатели этой «сказки», не получая зарплату, прекратят думать и начнут за «чёрный нал» впускать в помещения своих уникальных лабораторий разные ТОО и ИЧП, а в коридорах некогда уважаемых заведений резко запахнет продаваемыми в розницу колбасой, пивом и всякой бытовой химией.

В конце зимы девяностого, почти через девять месяцев после первой поездки Малкина и Академика в Москву, правительство наконец-то выпустило постановление о первом настоящем акционерном обществе в стране. Шеф тогда пропадал за границей в поисках будущих инвесторов и почти каждый день звонил в офис, пытаясь всё контролировать.

– Какой номер? – первое, что спросил Академик после того, как услышал, что документ подписан. Малкин обрадовался этому вопросу больше, чем самому факту выхода постановления. Ещё бы, академик, а как уважает мелочи! Это вселяло оптимизм. Легче будет вместе что-нибудь ещё смастерить.

– Пять, два, восемь.

– А дата? – не унимался дотошный ученик Королёва. – Дата, какая?

– Так я думал, вы знаете, Леонид Александрович...

– Что я должен знать?

– Ну как же! Мы ведь старались, – Леонид умел льстить. Это все знали. Но чтобы так... – Ровно в ваш день рождения, Леонид Александрович!

На другом конце была тишина. Видимо, проби́ло. Шеф не мог быстро остыть от сюрприза и «переварить» сделанный ему подарок. Он, как никто другой, понимал, как сложно выдать документ правительства с конкретной заказной датой. Даже если он уже подписан премьером неделю назад.

– Ну, ты мастер, тёзка! Готовься лететь в свою Францию, покупай лыжи – единственное, что смог выговорить разволновавшийся шеф.

4.

В детстве Леониду часто приходилось летать с родителями на самолёте. Они были геологами и всюду возили сына с собой. Ночью, перед самым рассветом, когда самолёт пролетал над горными хребтами Памира или Кавказа, через иллюминатор можно было увидеть внизу появляющиеся в темноте цветные пятна. Сперва ярко оранжевые, а потом превращающиеся в жёлтые. Будто бутоны огромных волшебных цветов, они постепенно раскрывались от тепла солнечных лучей. Скользя над поверхностью вращающейся им навстречу Земли, они сначала освещали заснеженные верхушки гор, и только потом светлое пятно расплывалось на всё предгорье.

Однажды в самолёте отец разбудил спящего мальчишку и показал ему эту красоту. С тех пор, пролетая над горами, Лёня всегда любовался чудесным таинством, волей-неволей ощущая свою сопричастность к чему-то огромному и важному. Это завораживало, тянуло к себе вновь и вновь. Картину хотелось созерцать долго, а не только те мгновения, которые дарил ночной полёт на высоте восьми тысяч метров.

Вскоре Лёнькиных родителей не стало. Это случилось летом 67-го на Памире. Раньше времени сработал заряд, заложенный в штольню. Так что обоих разом и завалило. Их даже не откапывали. Прикрепили на скале табличку с фамилиями и всё! «Владимир Борисович и Татьяна Родионовна Малкины – геологи». Оба – тридцать пятого года рождения.

После этой трагедии, руководство экспедиции долго искало родных семилетнего Лёньки. Осенью ему нужно было идти в школу, как раз к этому времени в Ленинграде отыскалась двоюродная тётка. Она жила одна в двух комнатах коммуналки на Васильевском острове и работала в райисполкоме Совета народных депутатов. К ней и отправили сироту. Проблем с оформлением опекунства у «советского работника» не возникло.

Жизнь текла ровно, без всплесков. Как всякий чиновник среднего звена, тётя всё время пропадала на работе, имела приличный оклад, прикрепление к поликлинике, где нет очередей, и паёк из палки сервелата, копчёных сосисок и ветки бананов. Друзей у неё не было, поэтому и гости редко захаживали. Лёня рос обычным дворовым мальчишкой. Футбол, карты, игра на деньги. Домашнее задание – это не для него. Успеет списать в школе перед уроками – хорошо, нет – тоже ничего страшного.

Школьные годы пролетели незаметно, особых знаний или интереса к чему-либо Леонид не выказал, поведением тоже не блистал. Частенько прогуливая уроки, он уезжал на трамвае на окраину города, далеко за Финляндский вокзал, в посёлок Озерки. Там лыжники спускались по длинным пологим склонам прямо к большому замёрзшему озеру. В будни народу было мало. Если мелькнёт кто, то чаще всего такой же, как он, прогульщик. Маленькие, не испытывавшие никакого страха или боязни сломать ногу или руку, они лихо скатывались на простых лыжах с петлёй для ботинка или валенка, частенько подпрыгивая тут и там на самодельных трамплинах.

Вспотевшие и довольные, надышавшиеся чистым воздухом, прогульщики отправлялись в ларёк, где продавали кофе из бачка. Там же прямо за стеклом автомат готовил румяные, пышущие жаром пончики. Они выдавливались из трубочки в виде скрученного теста, падали в миску с кипящим маслом, а уж оттуда продавщица их подцепляла вилкой, укладывала ровненько в ряд на большой поднос и посыпала сахарной пудрой. Пять копеек штука. Их брали помногу, так что автомат еле поспевал за аппетитом юных лыжников. Лёнька мог за раз съесть с десяток.

В школе тоже продавали пончики, но холодные, и они почти не пахли ничем. Таких много не съешь! И всё же рубль, который раз в неделю ему давала на завтраки тётка,

Леонид тратил исключительно на пончики. Купит штук двадцать и целеустремлённо жуёт целый день, все уроки подряд. Ну, может, один-два подарит кому. Зато потом всю неделю с утра до позднего вечера ничего не ест. Наверное, потому и тощий такой. Торчал один нос с горбинкой. Непослушные тёмные пряди волос, причёсанных на пробор, ещё больше подчёркивали его длину. Ну прямо Паганини!

За десять школьных лет у него сформировалась собственная система ценностей, на вершине которой «висел» огромный лозунг: «Здесь и сейчас!». Если сейчас есть возможность радоваться, вкусно пожрать, поспать или, к примеру, списать контрольную, то это и нужно делать, не задумываясь о том, что будет завтра. Всё, что будет потом, – неинтересно!

Когда пришло время поступать в институт, тётя решила за него все проблемы. Привела в райком партии, показала парня, рассказала про его геройски погибших родителей... Короче, дали ему рекомендацию для поступления в университет на юридический факультет как сироте – почти вне конкурса. Уже на втором курсе его избрали в комитет комсомола, а перед окончанием приняли в партию и оставили на кафедре.

В 87-м, опять же не без помощи тётушки, решившей устроить жизнь племяннику по простому принципу «Делай, как я!», Леонид пристроился работать в райком КПСС, через два года его, как полагается, повысили, перевели в областной комитет, в Смольный. Хотел жениться – раздумал. Давали квартиру – взял. Долго выпрашивал поездку с туристической группой во Францию – поехал руководителем и на лыжах несколько раз скатился с гор в окрестностях Гренобля. Когда КПСС исчезла, так случилось, что городские депутаты вдруг разом узнали про юриста Малкина.

После путча, в августе 91-го, Леониду довелось передавать здание Смольного представителям нового Ленсовета. Почти все покинули «штаб революции», не было ни первого, ни второго секретаря, а Малкин остался. Он хоть и партийный работник, но всё-таки юрист и заставил делегацию из депутатов несколько раз возвращаться в Мариинский дворец сначала за подлинным экземпляром решения, а потом ещё и ещё, чтобы собрать все положенные подписи и печати. Они долго обходили кабинеты, закрывали форточки и опечатывали сейфы и двери. Малкин гордился собой и, часто рассказывая об этой истории, повторял: «А то ворвались и давай нахаляву названивать за границу. Ещё что-нибудь подсунут кому-то в сейф, потом доказывай что не верблюд».

Партии не стало, зато остались что-то вроде судов и тесные контакты с отдельными работниками КГБ, волей-неволей появляющиеся у любого партийного функционера. Там, где-то возле «правосудия» и подвизался неуёмный юрист, обогащённый навыками аппаратной работы и нужными связями. Он лихо, за деньги малые, решал многочисленные проблемы целой армии новоиспечённых предпринимателей, не забывая своевременно, изящно и, не подставляясь, информировать своих «знакомых» из Большого дома на Литейном о всё новых и новых представителях городского бизнес-сообщества. Так называемые новые русские внешне были как на подбор, одинаковыми: пиджаки из мятой итальянской ткани с яркой подкладкой, остроносые туфли из кожи, тоже мятой, дорогие галстуки и обязательно швейцарские часы. Схожие ошибки в бизнесе приводили их всех к Малкину.

Чувствуя, что вот-вот в фармацевтике что-то должно произойти, «знакомые с Литейного» порекомендовали инициативного и проверенного юриста помощником к академику Максимову.

Слова шефа «покупай лыжи» значили, что деньги на эту покупку Малкин обязательно получит и поедет в самое сейчас любимое для него место на Земле. А там... Там ещё до того, как ему достанется радость спуска с горы, он каждое утро будет вдыхать ароматы свежайшей ветчины, заплесневелого солоноватого сыра «Вальмонт» и горячей сдобы. Потому что, кроме горных лыж, Леонид любил ещё одно занятие: вкусно поесть где-нибудь на природе.

Максимов прекрасно знал пристрастия своего помощника. Тот не раз и не два впустую пересказывал академику-физиологу игру красок на восходе солнца в заснеженных

горах юга Франции. И вот перед тем как начались будни становления первого в стране акционерного общества, которое, долго не думая, назвали «Фарма», шеф премировал Малкина, отправив его на неделю во Францию. Нужно было передать соавтору Максимова большие конверты с гранками их новой книги и привезти обратно с правкой француза. Официальная командировка свалилась на Леонида в самое лучшее для горных лыж время. Только шеф не сказал, за что командировка: то ли за постановление, как он и обещал, то ли за недавнюю победу над профсоюзной организацией, которая никак не могла успокоиться и не хотела отдавать власть.

На самом деле Леонид Александрович был прагматиком и почти всё в своей жизни делал не потому, что нравилось, а из-за того, что это ускоряло результат. Академик не только много работал, но и умел достойно подать этот самый результат, мастерски преувеличивая его значение. Затевая историю с акционерным обществом, Максимов, конечно же, рассчитывал на принципиальные изменения в управлении отечественной фармацевтикой, но и на внешний эффект от новой формы тоже.

Наверное, поэтому, как бы оттеняя и подчёркивая сам факт выхода специального постановления правительства, посвященного, в общем-то, ему и его делу, он заставил всех своих замов купить новые дорогие костюмы и оплатил их из своих средств. Более того, от новой акционерной компании они получили в собственность и импортные автомобили. Правда, тут Академик явно переборщил, потом понял, но машины было уже не отнять – поздно. Пришлось учёному-физиологу самому придумывать то, чего он никогда не умел. Заставил всех замов подписать дурную, совсем никчемную бумагу о том, что, мол, каждый передаёт свой автомобиль в аренду компании, ничего за это не получает и вообще забывает, что машина принадлежит ему. Во как!

Малкину машина не полагалась. Зато ему выдали новый заграничный паспорт – мечту любого советского человека – с двумя штампами: «Выезд разрешён» и «Многократно». Премируя таким образом, своего помощника, Леонид Александрович втайне рассчитывал на то, что его тёзка, покатавшись за границей, обрастёт полезными контактами. Ведь когда и откуда свалится инвестор – неизвестно. А значит, для этого все пути хороши. И не нужно уменьшать количество возможностей!

Вспоминая яркие детские впечатления от заснеженных гор, Леонид почти каждый год зимой на неделю умудрялся выезжать на Кавказ. Иногда с какой-нибудь молодой судьёй или адвокатессой из Ленинграда, но чаще один. Конечно, для него приятнее было бы кататься на лыжах в Альпах, на спортивных базах юга Франции. Там тусовалась продвинутая молодежь со всей Европы, а это сулило прекрасную возможность интересных и нужных знакомств. Но для Малкина Франция – не совсем простая позиция. Ему удалось там побывать только раз, бесплатно, но с нагрузкой – целой группой туристов, которых приходилось всё время считать и пересчитывать. В паузах он умудрился всего три раза спуститься с горы и то – на чужих лыжах.

В этом году было всё: и паспорт, и деньги, и лыжи. Главное – полное отсутствие патологической необходимости не быть собой, всё время кого-то считать или перманентно лебезить в кабинетах Совмина. Он отправился во Францию один и за деньги компании решил навестить там свою знакомую по «универу».

На третьем курсе, несмотря на ещё не совсем угасшие чувства к школьной подружке по прогулкам на лыжах в Озерках, Леонид увлёкся однокурсницей, тоже, как и он, активной комсомолкой. У них начиналось что-то вроде любви. Однако потом перед однокурсницей нарисовался реальный образ настоящего француза, и она срочно покинула стены юридического факультета, вышла замуж и переехала в Бернен, что около Гренобля и известной горнолыжной базы в Сен-Пьер-де-Шартрёз. Малкину ничего не оставалось, как быстро познакомиться с другой девушкой. На этот раз совсем не из университета. Так что в отношениях однокурсников всё плавно утихло и перетекло в некую дружбу, окрашенную бывшим общим местом учёбы и романтическими воспоминаниями.

После этой истории Леонид с лёгкостью гусара заводил всё новые и новые знакомства. Ему нравилось войти в контакт, развить отношения, закрепить их и потом отдалиться, не отпуская далеко от себя свою «жертву». Прямо охотник! Но имелась одна особенность. Все, кого «окучивал» Леонид, так или иначе представляли интерес для его основной работы адвоката. Он вообще предпочитал извлекать пользу для себя из любой сложившейся ситуации. «А проблемы будем решать по мере их поступления», – отговаривался он, если кто-то вдруг приставал к нему, предупреждая о будущих трудностях.

С тех пор прошло больше десяти лет, и всё это время Малкин, нарушая инструкции, запрещающие несанкционированные контакты с иностранцами, продолжал поддерживать хорошие отношения со своей студенческой подругой, как, впрочем, и со всеми, с кем ему приходилось по жизни, так или иначе, пересекаться. Такой подход неминуемо вымывал сложные чувства из огромной массы отношений и закреплял чисто механистические и поверхностные. Требовалось лишь вовремя нежно поцеловать, поздравить с днём рождения, с праздником, провести дежурные встречи в кафе.

5.

Так же легко, как будто расстались только вчера и нет никакого мужа-француза, Леонид ещё за две недели до своей командировки позвонил некогда любимой однокурснице. Потом прилетел в Бернен и запросто поселился в её доме. Из окна комнаты, где он ночевал, открывался потрясающий вид на городок, вытянувшийся вдоль реки. По обе стороны его ограничивали горы. На востоке – дикие, заросшие нехоженым лесом, а на западе гладкие, почти безлесные, с горнолыжными трассами и скалистыми обрывами.

Пока Леонид делал зарядку, из-за лесистой горы начинало подниматься солнце. Пики-двухтысячники постепенно загорались оранжевым пламенем. Утром снег не бывает там чисто белым. Он разный. То жёлтый, то розовый, то разгорающегося огня. Его пылающие языки медленно «поджигают» самый высокий гребень горы. Потом огонь сползает ниже по склону, сразу становится светлее, и рассвет, уже не скрываясь, вступает в долину.

Казалось, эти чудесные мгновения созерцания утренних гор – единственное, что имело для Малкина смысл. Всё остальное – фон для нормального существования. Он это понимал и всегда старался лёгким флиртом или шутками-прибаутками «замазать» цинизм, более привычный в его адвокатских и аппаратных буднях.

Кстати, прогулка по утреннему городу доставляла Леониду не меньшее удовольствие, чем спуск с горы на лыжах. Было в этом одно главное отличие. Если наверху – всё для глаз, то здесь, внизу, – для обоняния. Вдоль узеньких улиц маленького города носился запах свежей ветчины и сыра. Его гнали прямо на прохожего потоки чистого утреннего воздуха с хребта Шартрёз. Вот сейчас Малкин свернёт за этот одноэтажный дом с почему-то цветными стёклами в окнах и привычно остановится, сражённый запахом свежеиспечённой сдобы. Потом, уже не контролируя себя, он постепенно ускорит шаги, устремившись к булочной. Но даже в такие минуты Малкин с благоговением вспоминал любимый ларёк в Озерках, кофе из бачка в гранёном стакане и никогда не променял бы только что испечённые, румяные пончики на любой самый изощрённый деликатес.

Наверху всё иначе. Там тоже можно гулять по барам-ресторанам, слушать музыку, можно тюнинговать свою горнолыжную экипировку до состояния полнейшего совершенства, а можно заниматься тем, для чего приехал – цеплять лыжи и ехать кататься.

Леонид с превеликим удовольствием четыре раза спустился по склону. Очень лёгкие в поворотах, новые лыжи хорошо резали дуги. Они многим нравились.

Каждый раз, вновь и вновь поднимаясь на плато, где народ кучкуется перед тем, как уйти на спуск, Леонид на одном и том же месте видел парочку в отменном одеянии.

У них редкие даже для Европы стрейчевые горнолыжные куртки с большим регулируемым капюшоном. Защита подбородка – из флисовой ткани, манжеты из лайкры с отверстием для большого пальца... В общем, каждый элемент одежды и снаряжения тянет на «кусок» долларов, не меньше, а лыжи – так и два! Стоят эти двое, словно манекены, оглядываются по сторонам.

Малкин услышал русскую речь и сразу же решил подкатить.

– Стесняюсь спросить. Вы уже час здесь стоите. Что-нибудь случилось или именно таков план?

Мужчина обернулся в сторону Леонида и, как бы приветствуя соотечественника, взмахнул рукой.

– Москва, Майкл.

– Питер, Лёня, – так же быстро отпарировал Малкин.

– Вы очень проницательны, товарищ-щ-щ, – Майкл подчёркнуто прошипел последнюю букву, как будто отделяя тем самым себя, да и своё имя от всего советского. – Действительно, у нас такие планы. Мы наблюдаем и получаем от этого удовольствие.

Невысокий, на вид лет тридцать-тридцать пять, не по годам располневший мужчина с чёрной, как смоль, шевелюрой, кудрями торчащей из-под шлема, вдруг расстегнул кнопку на манжете, приподнял левую руку и мельком посмотрел на часы.

Леонид подумал, что новый знакомый, наверняка, проделал это специально. От адвоката зарвавшихся питерских бизнесменов не ускользнул этот небрежный жест москвича. «Патек Филипп» с корпусом из розового золота за тридцать тысяч долларов только для этого и носят!

Влезая в роль, хорошо отрепетированную в московских кабинетах, он решил для начала продемонстрировать любопытного льстеца.

– Если серьёзно, то я просто не могу равнодушно проехать мимо. С ума схожу, когда вижу короткие слаломные лыжи.

– Да, что правда, то правда. Сам не нарадуюсь, – отвечал Михаил, поддаваясь приятному чувству превосходства.

Контакт, похоже, налаживался. Леонид всё время пытался зацепить собеседника, пока не зная, зачем. Так. По недавно укоренившейся привычке. Когда отходишь от того, что умеешь, и влезаешь во что-то новое, важны любые контакты. Настоящий посредник никогда не разбрасывается потенциальными возможностями и при случае, будто плохой электрик, хватается за всякий новый контакт.

– Наверняка, вход в поворот лёгкий и точность дуги поразительная?

– Не завидуйте. Везде есть свои минусы. Не бывает, чтобы всё было о'кей, – ответил Майкл, явно претендуя на исключительность своего, в общем-то, незамысловатого суждения. – Очень сильная отдача. При завершении поворота так и садишься назад.

– Ну, это на разбитых склонах...

– А где вы видели ровный? – мужчина как бы с назиданием посмотрел на свою спутницу и продолжил.

– Нужно не халявить, а «гасить» неровности ландшафта коленями...

Молодая симпатичная брюнетка безразлично смотрела куда-то в сторону. Майкл замолчал, видимо, размышляя, стоит ли первому встречному давать такую информацию, но источаемая Леонидом лесть его цепляла и давала свой результат. После небольшой паузы, показывая большим пальцем на подружку, кудрявый москвич добавил:

– Вот в прошлом году её сестра, тоже, кстати, из Ленинграда, забыла прописные истины. Так мы потом две недели не вылезали из Альпийского госпиталя в Гренобле... Да, познакомьтесь: Неля.

Малкин взялся рукой за кончик вязаной шапочки, улыбнулся и приподнял её над головой.

– Лёня.

– Особенно ты не вылезал! – вместо приветствия впервые подала голос девушка. Обиженно поджав нижнюю губу, она удостоила Малкина лишь мельком брошенным взглядом. Майкл на эту реплику никак не отреагировал.

– А у меня тоже обе ноги были переломаны, – вдруг вскрикнул Леонид, пытаясь сгладить неловкую ситуацию.

Потом он подъехал вплотную к Михаилу и, доверительно похлопав его по плечу, показал рукой на спускающихся лыжников. – Я так скажу: вы правильно делаете, нужно чуть подождать и увидеть хотя бы пару падений. Только после этого все опасения исчезнут так же бесследно, как прошлогодний снег.

– Ну, в горах всё не так очевидно, – поспешил возразить Майкл. – Я про снег...

Они стояли ещё минут пять, молча посматривая на катающихся. Майкл и его спутница, обмениваясь многозначительными взглядами, критически оценивали окружающих. Казалось, что они только этим и занимаются всю свою жизнь. Ждут, когда кто-нибудь споткнётся и упадёт, и тогда мгновенно вырастают в своих собственных глазах. Такое сомнительное превосходство обязательно должно подвигнуть их на активность. По крайней мере, исчезнет страх или появится жгучее желание стать ещё круче. Ведь так просто! «Вот этот сейчас свалится. Ой нет, вон тот упал! А мы такие растакие, стоим и не падаем!»

Переминаясь с ноги на ногу и опираясь на палки, Михаил поочерёдно скользил лыжами вперёд-назад. Он не только ловил ошибки и неудачи катающихся вокруг него лыжников, он соображал, стоит ли продолжать неожиданный контакт с этим, из Питера, или это делать нецелесообразно.

Малкин опять заговорил первым.

– А вечером чем занимаетесь? Я живу недалеко, в двадцати минутах на машине, в Бернене. Мы могли бы изящно провести время... Здесь все какие-то замкнутые, как в скорлупе сидят. Такое ощущение, будто, знакомясь с соотечественниками, они боятся, что им придётся чем-то делиться или что-то потерять.

– А вы что заканчивали, Леонид?

– Ленинградский универ, юрист, – ответил Малкин.

– Хм, – оценивающе промычал Майкл. – Значит, коллеги.

– Тем более. Нашему брату уж точно нечего делить. Мы же «виртуалы», у нас, кроме мыслей ничего нет. – Леонид вдруг почувствовал, что ему совсем не хочется спрашивать у Михаила про его alma mater. Во-первых, что бы тот ни заканчивал, для Малкина пока не имело никакого значения. А во-вторых, он кожей чувствовал, что этого делать не стоит. Больно часы дорогие.

Неля не смогла утерпеть и раскрыла секрет своего спутника.

– А Майкл закончил Сьянс По...

«Ну вот, я так и знал, – сразу мелькнуло в голове у Малкина. – Это типа нашего МГИМО, только в Париже. Все президенты Франции кончали или этот Сьянс По – Парижский институт политических исследований, или Национальную школу администрации. В общем, маменькин сыночек из семьи какого-нибудь мидовца, не иначе».

Михаил продолжал молчать, никак не комментируя слова Нели. Ведущий в этой парочке вообще никогда не реагировал на свою спутницу. Будто её и нет вовсе. Так, для украшения, вроде как эскорт-сопровождение.

– Ну как, Майкл?

– Да, согласен... Уговорил, – Михаил перешёл на «ты». – Юристам нужно общаться. Ведь нас объединяет одно важное обстоятельство. Кроме того, что мы «виртуалы», как ты говоришь, нам всегда нужен носитель. Нужна проблема, к которой хорошо бы прикрепиться, потом плавно влезть внутрь, взрыхлить тему и... советовать. Только тогда знания могут принести прибыль. Нет?

«Прямо как Штирлиц», – подумал Леонид, обратив внимание на «нет» в конце предложения. В других словах французского москвича он не заметил ничего предосудительного. «Ну что же, – продолжал размышлять Малкин, – вот и покачаем друг друга на предмет информации. Юристы должны дружить. Это естественно. „Носители“ еще могут драться друг с другом, но их юристы – никогда! Не имеют права. Наоборот. Иногда наступает такой момент, момент истины, когда именно дружба юристов вытаскивает ситуацию практически из небытия».

Питерский юрист был доволен. Ещё бы! «Процесс пошёл», как говорил тогда генсек. Московский же – был озабочен. Этого Лёню он уже вроде бы где-то видел. Но где?

В любом случае нужно использовать ситуацию и как можно больше узнать о том деле, которым занят его новый знакомый. И не просто узнать, а затем непременно использовать.

Вечеринка закончилась далеко за полночь, гости тепло распрощались с хозяйкой дома и вместе с Малкиным вышли на улицу, чтобы встретить такси. Под ногами приятно похрустывал снег. Небо было сплошь усыпано звёздами. Свет от них падал на белую поверхность земли, отражался и рассеивался. Было светло как днём.

– Я с родителями здесь жил, – вдруг разговорился охмелевший Михаил. – В Париже. Успел привыкнуть. Мне нравится. Между прочим, закончил Институт политических исследований. Не в Сорбонне же время терять. Там просто проходной двор, даже вступительные экзамены не нужны. Меня потому и взяли к Горби, что я многих мидовцев французских знаю. Они нам преподавали. А уж будущих – тем более. Вот и консультирую шишек на Старой площади.

– Достойно! Ей-Богу, достойно, – оценил выпускник Ленинградского универа и сразу вспомнил совещание у Горбачёва в октябре прошлого года, где он был вместе с Максимовым и видел многих кремлёвских выскочек: всяких консультантов, аналитиков, советников. Как молодых, так и уже известных и заслуженных дяденек. Но молодые для Леонида тогда все были на одно лицо.

Подъехало такси.

– Будете в Питере, звоните, поболтаем, – Малкин поднял указательный палец и продолжил уже совсем другим голосом, тихо и таинственно, – уж теперь-то я приглашаю не просто так, а с надеждой выведать секреты нашей многогранной внутренней и внешней политики, да заодно и французской. Как, Майкл, будешь колоться? – Лёня с шутками и прибаутками пожал руку Михаилу.

Михаил и Неля переглянулись. Избыточная тревожность, занесённая в гены ребёнка мидовских работников замкнутым образом жизни его родителей да и его собственной, не позволяла не только шутить на такие темы, но и заставляла немедленно исчезать из тех мест, где это делалось. В то же время шестое чувство подсказывало «консультанту шишек», что за питерским юристиком скрывается что-то интересное, стоящее.

Он собрался с мыслями и, уже садясь в автомобиль, произнёс:

– Сначала к нам, в Москву, – и прямо через открытое окно отъезжающего такси передал Леониду свою визитку.

Малкин вернулся в дом, глянул на карточку из плотной глянцевой бумаги. Рядом с гербом страны выпуклыми буквами было набрано: «Алябьев Михаил Петрович, Аппарат Президента СССР, советник». Чуть ниже – номер московского городского телефона.

Автомобиль увозил парочку в отель, медленно поднимаясь в горы по серпантину уже успевшего обледенеть мокрого асфальта.

– Ну, как горячий козий сыр с тостами? – задумчиво произнёс Михаил, вглядываясь в тёмные контуры массива Шартрёз на фоне звёздного неба. Неля небрежно пожала плечами и ничего не ответила. – С белым вином – совсем неплохо, нет? – продолжал он говорить сам с собой.

После паузы Майкл повернулся лицом к своей слегка подвыпившей подруге, обнял её за плечи, притянул к себе и, медленно поглаживая рукой её голую ногу между трусиками и чулками, тихо прошептал с расстановкой, как будто формулируя резолюцию шефа на документе:

– Вот что, красавица, позови-ка ты ко мне в Москву свою сестрёнку.

– Чего вдруг? – с тревогой и одновременно с обидой в голосе спросила Неля.

6.

В 55-м, вскоре после реабилитации, Вера Всеволодовна Дворская с дочерью Анной приехала под Ленинград из села Полудино в Северном Казахстане, где они десять лет провели в ссылке. Их

поселили под Выборгом, в маленьком посёлке Манола, в одной из комнат деревянного одноэтажного дома. Там жили ещё четыре семьи. Аня работала в местной школе. Сначала в начальных классах, потом, окончив заочное отделение биолого-почвенного факультета университета, осталась там же преподавать ботанику и биологию. Молодая женщина двадцати пяти лет, красивая, добрая и кроткая, – не заметить такую просто невозможно. И вот в 59-м капитан местного рыболовецкого флота взял её в жёны. Через год у них родился сын. В исполкоме райсовета народных депутатов всей семье вместе с тёщей сразу выписали ордер на проживание в почти развалившемся, но отдельном деревянном доме, построенном ещё финнами. Капитан за лето его отремонтировал, рядом выстроил баньку, и осенью отпраздновали новоселье.

Мальчишку назвали Мишенькой. В ясли его не брали, потому что простужался на следующий же день. Мать оставляла сына дома с бабушкой. Бабушка совсем не старая – всего пятьдесят лет, из семьи известного петербургского хирурга. Маленькая, стройная, светлая, глаза цвета морской волны и несколько велики для её лица. Их выражение старит. Всегда скромно одетая – ничего лишнего, одна и та же причёска – гладко зачёсанные назад седые волосы, собранные в клубок на затылке. Годы, проведённые в ссылке, сильно подорвали её здоровье. Из-за запущенного диабета плохо видела, по инвалидности не работала и сидела дома.

О её муже Якове в семье говорить было не принято. Вроде как он пропал где-то заграницей в 45-м, уже после войны.

Как только обосновались на новом месте, Вера Всеволодовна принялась забрасывать письмами различные инстанции. Писала и своим старинным знакомым, и приятелям мужа. В тридцатые годы все они часто встречались, вместе ездили отдыхать в Крым или на Кавказ. Может, что-нибудь знают о Якове... Вечерами при свете керосиновой лампы она усаживалась за низенький столик, в одной руке у неё была огромная лупа, а в другой обычная школьная ручка с металлическим пером. Оно со скрипом ползало по листку из тетрадки, оставляя за собой неровный чернильный след.

Николай Петрович Иванов, муж Ани, большой, добрый и очень весёлый, обосновался в Приморске сразу после войны. Здесь он воевал юнгой, освобождая город в 44-м, потом целый год тралил от мин фарватер Финского залива, служил простым матросом, окончил мореходное училище, стал старпомом. В конце 58-го его назначили капитаном рыболовецкого флота этого маленького приморского городка, где у причала на приколе ютились две дырявые «калоши» и ещё один более или менее сносный сейнер.

Николая редко можно было застать дома. То море, то работа на берегу, то пошлют в командировку. Он всё умел. О таких обычно говорят – «золотые руки». Несмотря на высокую должность, капитан флота частенько сам уходил в море на сейнере. Ему нравилось по разным внешним признакам искать и находить косяк рыбы на новеньком эхолоте. Иванов относился к такой категории моряков, для которых море – дом родной и команда – самая настоящая семья. А на суше – наоборот – командировка. Так было почти каждый месяц, если лёд не закрывал выход из бухты: Николай Петрович уходил в море, а когда возвращался домой, то втягивался в пьянку. Как говорится, и не с горя, и не с радости. Просто выпить с капитаном всего рыболовецкого флота считалось за честь. А отказываться от налитого Николай Петрович Иванов не умел.

Но уж если он был трезв, то чинил в доме всё, что попадалось под руку, даже телевизор мог в два счёта отремонтировать. Высокий, центнера на полтора, с большими залысинами, Николай, посапывая, напевал одни те же слова: «Когда я пьян, а пьян всегда я...» Он этим как бы оправдывался перед всеми, что сегодня так уж вышло, и он трезв. Ну, не его день!

Вот в такие счастливые вечера сын пристраивался поближе к отцу, и тот начинал ему рассказывать о дальних странах и штормах в океане, о всяких интересных событиях и трагедиях, случившихся на его памяти. Мальчишке нравилось слушать отца и воображать себя за штурвалом

на капитанском мостике да ещё в морской форме, с кортиком...

Мечты, мечты! Парнишку укачивало так, что он ревел на весь вагон поезда, ходившего от Зеленогорска до Выборга через Приморск. Дизель ещё только подходил к платформе, и начинало пахнуть соляркой, а Мишка уже заливался плачем. То же самое происходило и в автобусе.

Однажды летом Мишкин отец как обычно был в море. Ребята играли в войну. Чей-то папа всем делал сабли из веток только что спиленной осины. Они получались как настоящие, чуть плоские и загнутые. Миша подошёл к мужчине, умело работающему острым ножом, и неуверенно протянул руку.

– Вот! Смотри, для тебя самая красивая получилась, – сказал мужчина, вручая Михаилу «саблю». Мальчишка засунул её за пояс и гордой походкой сразу же отправился домой показать маме. А мать в это время собралась с соседями ехать в Выборг, в магазин, и уже искала сына, чтобы взять его с собой. Они вместе подошли к автобусной остановке, и тут только мать, не дождавшись рассказа о чужом дяде, заметила у сына за поясом огромную палку, волочившуюся по земле. «Оружие» пришлось срочно прятать в траве, в канаве около остановки, чтобы никто его не утащил.

Когда ехали в Выборг, Миша по обыкновению ревел. На обратном пути случилась какая-то метаморфоза. Вроде бы он должен был плакать в автобусе, а он остолбенело сидит, молчит, лицо бледное, напряжённое. Мать даже забеспокоилась. Наверное, что-то случилось, а она не знает – что. Михаил сначала ещё кое-как терпел, а потом, когда они стали подъезжать к дому всё ближе и ближе, совершенно извёлся. Он переживал за свою новую любимую палку. Всю дорогу представлял, как будет её хранить дома, в углу, рядом с вешалкой или между двумя дверьми на крыльцо, как будет играть с ней во дворе.

Мальчишка первым выскочил из автобуса через переднюю дверь и сразу кинулся на другую сторону дороги, к канаве. Мать ещё только поднималась к выходу, когда услышала страшный визг тормозов и крики пассажиров: «Ребёнок, ребёнок. Там ребёнок!» Огромный самосвал торчал из канавы, его задние колёса повисли над землёй. Они продолжали жутко крутиться как раз в том месте, куда бежал Мишка. На асфальте остались длинные тёмные полосы от тормозного пути тяжёлой машины. Это было страшно. Оцепеневшую Анну под руки вывели из автобуса. Мать не могла ни говорить, ни двигаться. Ошалевший от случившегося, водитель грузовика вылез из кабины и бегал вокруг машины – искал ребёнка.

А в это время на горушке, сразу за канавой, куда носом уткнулся огромный самосвал, стоял худенький мальчишка с рыжими волосами в белой рубашечке без рукавов и в коричневых штанишках с лямками крест-накрест. Поверх одежды на животе блестела большая пряжка и якорем посередине. Коленки мальчика были в ссадинах, а за широким чёрным ремнём торчала палка. Он стоял как на посту и, ничего не понимая, смотрел по сторонам. Смотрел на людей, собравшихся возле автобуса, на испуганного и растерявшегося водителя грузовика, на свою мать, которая сидела на скамейке автобусной остановки в окружении женщин, опустив голову, будто спала.

Через час напряжение прошло, но ребёнок с тех пор стал заикаться.

Когда Мишка пошёл в школу, Николай Петрович бросил семью и переехал жить в Ригу. Может, так было и к лучшему. Родители постоянно ругались, муж даже иногда поднимал на жену руку. Доставалось и маленькому сыну, который с криком подбегал сзади и, неуклюже подпрыгивая, пытался остановить отца. Мальчишка давно догадался спрятать все ремни и деревянные вешалки от костюмов, которые были в доме, но всякий раз что-то новое появлялось в тяжёлой руке отца.

Несмотря ни на что Михаил сильно переживал уход из семьи отца. Словно у него отняли что-то очень важное. Даже на своих приятелей-мальчишек в школе он смотрел с обидой. Будто они виноваты в том, что у них есть отцы, а у него нет. Мишка стал реже играть во дворе, увлёкся книжками, которые без спроса брал в комнате матери, рассмат-

ривал картинки со всякими цветочками, птичками и букашками, потом нашёл «Анатомию человека». Там вообще всё было захватывающе интересным! А мать, чтобы заработать побольше денег, почти всё время проводила в школе, брала дополнительные часы, вела другие школьные дисциплины.

Бабушка оставалась единственным близким человеком, с которым Мишка мог откровенно говорить о своих переживаниях. Из-за того, что у него были рыжие волосы, во дворе его часто дразнили. Но когда он впервые услышал: «Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой», не выдержал и пожаловался бабушке. Именно тогда он впервые узнал тайну о её муже.

Оказывается, он был военным, и фамилия у него была совсем другая, Белкин, а звали Яковом Ивановичем. Мишенька – прямо его копия. Ещё до войны, сразу после рождения мамы, деда отправили в командировку, сначала в Испанию, а потом во Францию. Перед самой войной два раза он возвращался в Москву, и наконец, весной 45-го – опять длительная командировка. На этот раз в Бразилию. Бабушка хотела выехать за ним следом вместе с мамой, которой тогда исполнилось одиннадцать лет. Уже получили все разрешения, но тут Аня тяжело заболела. Потом что-то там произошло. Не то в Бразилии, не то в Аргентине, а вернее всего, в Москве. Что именно бабушка не знала. В результате про деда до сих пор никому ничего неизвестно, а его жену и дочь в 45-м отправили в ссылку на север Казахстана.

Переписка Веры Всеволодовны с государственными учреждениями и сослуживцами мужа продолжалась долго, несколько лет и закончилась неожиданно. Инстанции все как сговорились, откликнулись ровно через три года после первой отправки писем в их адрес. Скупыми фразами сообщили они о том, что Яков Белкин, работая в Бразилии в качестве второго секретаря посольства СССР, скончался от инфаркта в 46-м году и похоронен в Сан-Пауло на кладбище Морумби. Приятели Якова тоже долго молчали, потом и от них стали приходить письма из разных городов страны. Все зачем-то поздравляли бабушку, мол, наконец-то восторжествовала справедливость и её реабилитировали, но о дедушке ничего не писали.

Однажды зимой, когда Михаил уже ходил в пятый класс, к ним в дом постучался пожилой мужчина, длинноногий, худощавый и совершенно седой. Это был давнишний друг деда, Галактионов, со странным именем Аристарх. В молодые годы они оба были влюблены в Веру. Но бабушка выбрала дедушку. Теперь, через двадцать пять лет после гибели Якова, узнав из письма, что Вера живёт под Выборгом вместе с дочерью и внуком, он примчался. Военный пенсионер объявился с невозможным для середины зимы букетом белых роз, со своими фронтовыми фотографиями и с ходу сделал бабушке предложение. А та взяла и согласилась.

В 1972-м году всё семейство переехало жить в Ленинград, в микрорайон Сосновую Поляну. Родных у Аристарха никого не осталось, и он жил один в четырёхкомнатной квартире девятиэтажного кирпичного дома. У бабушки с её новым мужем была своя комната, у мамы – своя. А ещё была как бы общая, большая, с обеденным столом, стульями и шкафом для посуды со стеклянными дверцами. Мише досталась самая маленькая. В неё поместились диван, письменный стол со стулом, комод для белья и много-много книг. Они были разбросаны повсюду. Ровненькая стопочка умещалась с краю на столе, тонкие и узкие лежали на подоконнике, те, что потолще – на комоде. Там же в перемежку с книгами, в картонных рамочках, рядком стояли фотографии, где он со своей мамой и бабушкой сидит на крыльце их старого дома под Выборгом.

В квартиру к Аристарху переехали все, но прописались только Анна Яковлевна и её сын. Галактионов же, наоборот, прописался вместе с бабушкой в Маноле и позднее переоформил их жилой дом в дачу. Он сказал, что так будет правильно.

Зимой Михаил частенько проводил время у окна своей комнаты. Приготовит домашнее задание, почитает, потом сядет на стул около подоконника и с пятого этажа внимательно всматривается вниз, во двор дома, будто ищет кого,

потом кому-то машет рукой, то и дело нервно откидывая свои рыжие пряди, падающие на ясные серые глаза.

Когда он болел, каждый раз чуть ли не по две недели пропуская занятия в школе, становилось особенно грустно. Оттого, что рядом нет ни друга, ни брата, ни сестры. А он так много прочитал и передумал, столько мечтал, что уже не может удержать в себе всё накопившееся. С бабушкой теперь не посидишь, как бывало. У неё открылось, как говорят, второе дыхание. Вместе с Аристархом ходит в театр, в основном в филармонию, ведь не видит почти ничего.

Постепенно у шестиклассника закреплялось чувство неуверенности в себе. Порою казалось, что оно поглотило бы его вовсе, не будь любимой комнатки, спасительного оазиса для уединения, который позволял отгородиться, отстраниться от тех, кто его не понял, отверг или забыл. Но ломались отношения со сверстниками, рождались комплексы неполноценности. Одиночество погружало Михаила в размышления о себе и о жизни вообще.

Оставаясь один в комнате, он рисовал в воображении яркие, до мелочей выверенные образы. То перед ним появляется отец, такой же, как шесть лет назад, будто он никуда и не уходил, то ручей, полянка около сохранившейся финской кирхи. Он вместе с другими мальчишками играет весь день в футбол, а потом, под вечер, с отцом идёт в лес. Они хотят переночевать в шалаше и с самого утра начать поиск новых грибных мест. К полудню их поход успешно завершается. Гордые от того, что их корзины полны белых и подосиновиков, они возвращаются домой.

Дома уже всё готово к обеду. На столе чугунок со щами. В центре большая деревянная тарелка с только что собранными на огороде свежими огурцами, вазочка со сметаной, сбоку на разделочной доске – мелко нарезанные дольки чеснока, укроп и зеленый лук с белыми головками. Бабушка и мама стоят у плиты и, сложив на груди руки, любуются своими мужиками в предвкушении того, как они сейчас начнут всё это уплетать.

Потом они пойдут спать в бревенчатый домик-баньку. Там, в комнатке перед парной, прохладно, а за окном слышится приятное журчание воды в холодном ручье. В это время бабушка затопит баню. Через два часа отец и сын будут с наслаждением хлестать друг друга берёзовыми вениками и неожиданно поддавать воду из ковшика на раскалённую каменку, и сразу же с криком соскакивать с полка́ на пол. Там они низко, низко пригибаются. Горячий пар приятно обжигает всё тело, покрытое следами от ночного пиршества лесных комаров.

Пока тело разгорячённое – сразу в ручей. Вылезти и сидеть на берегу на зелёной траве, ни о чём не думая. От холодной воды сосуды сжимаются, голова начинает чуть-чуть кружиться, и сразу забываешь всё на свете.

7.

Всё свободное время Михаил сидел над учебниками. Во дворе не играл, за девчонками не бегал, даже в кино не ходил. На уме только биология и химия. Будто других предметов нет. В школе его ставили в пример. Конечно, одни пятёрки. Сразу даже не понять, какой же урок у него любимый? Но в классе знали: это – будущий Менделеев или Павлов. Если кто и видел Мишку Дворского не за книжками, значит, с какими-нибудь кошками или собаками возится. То еды им принесёт из дому, то лапку пораненную перевяжет. В общем, «доктор». Так его и прозвали.

Сначала он притащил домой котёнка, такого же рыженького, как и он сам. Потом у него в комнате стала жить собака с перевязанной лапой. Мишкина мать запрещала держать в квартире животных, но потом увидела, как радовалась котёнку её мать и согласилась. Дочь на работе, внук в школе, а этот, рыженький, ползает по дивану, перелезая от Аристарха к бабушке, залезет на колени, полижет руки. Напоминает Мишеньку. Тот такой же ласковый.

Уже в старших классах, Дворский полюбил химию. Её никто не уважал. Вроде, как и не наука вовсе. Ничего не понять, всё нужно только запоминать. А он, бывало, ещё

дома подробно запишет в тетрадку все опыты, которые завтра придётся проделывать на уроке, а потом, в школе, спокойно, не торопясь, переливает из одной склянки в другую и любуется, как меняется раствор из бесцветного в нежно-лиловый или как на стенках появляются жёлтые кристаллики. Будто золото. Радуется, как маленький, и несёт показать Ленке, которая сидит за последней партой в конце его колонки. А той приятно, что самый умный в классе и вроде как в неё втюрился.

На самом деле всё было гораздо проще. Ленка никогда его не обзывала ни «рыжим», ни «доктором», а даже наоборот, всегда улыбалась, когда он к ней подходил, и называла Мишенькой. Прямо, как бабушка.

Через два года после того, как Аристарх женился на Вере Владиславовне, его внезапно вызвали в Москву. Там он целый месяц жил в академической гостинице, около Калужской площади, и каждый день звонил своим в Сосновую Поляну. Зачем пенсионер вновь понадобился военному ведомству? Дома об этом не знали, но бабушка, наверное, догадывалась, потому что постоянно плакала, и никакая лупа теперь уже не помогала ей читать книги. Всё было так похоже на отъезд в последнюю командировку её первого мужа Якова.

Не прошло и полгода, как из исполкома пришло известие, что «Аристарх Вольфович Галактионов умер от инфаркта в Швеции, куда ездил по делам металлургического предприятия. Тело кремировано. Урну с прахом можно получить по адресу...».

Бабушка сразу сильно сдала. Сахар в крови достигал двадцати единиц. Она целый день неподвижно сидела в кресле, смотрела отрешённым взглядом в окно и всё время повторяла что-то про квартиру. Мол, Аристарх знал всё наперёд, потому и женился на ней. Хотел, чтобы квартира в Сосновой Поляне не пропала, а досталась дочке и внуку его боевого друга.

Вера Владиславовна умерла ночью, когда все спали, на следующий день после письма из исполкома райсовета. Домашние уже свыклись с тем, что она больна. Но вот теперь, когда она неподвижно лежала на своей кроватке, такая маленькая, родная, сразу пришло осознание горя. Как ножом полоснуло. И больше некому слушать россказни внука и гладить котёнка, некому поведать ещё что-нибудь про деда. Она ушла спокойно, как и хотела.

Мишка принял решение: «Буду врачом! Да так, чтобы придумать, как лечить этот проклятущий диабет». Это редко у него получалось, чтобы вот так однозначно сформулировать своё желание. Не задачку решить про трубы и бассейн, не уравнение химическое написать, а решить что-то важное и жизненное. Ну, вроде как котёнка подобрать на улице или с Ленкой пойти в кино.

От школы у Дворского остались в памяти два важных события. Первое – это Ленка. И второе – золотая медаль. Медаль потянула за собой другое жизненное решение – выбор высшего учебного заведения. Вернее, здесь соединились воедино детские мечты о море и уже позднее сформировавшееся стремление к науке, к медицинской науке.

Ещё когда был жив Галактионов, он, бывало, поймает момент, когда Михаил не занят уроками, подсядет к нему, посмотрит в глаза, улыбнётся и скажет: «Как ты похож на своего деда! Вылитая копия», потом потреплет по рыжей шевелюре и опять за своё:

– Вот что, Мишка, тебе нужно идти в Военно-медицинскую академию. Там и химия, и медицина, и биохимия – всё, что ты любишь. И потом... будешь военным, как твой дед. Надо, надо... Ты же у нас единственный продолжатель...

Михаил не возражал.

Время подошло, и вот она, Академия, факультет подготовки врачей для военно-морского флота. Поступил легко. Для этого у Дворского был полный «джентельменский набор»: и медаль, и победы на городских олимпиадах. Началась новая жизнь: друзья-курсанты, казарма, морская форма, летняя практика на кораблях Балтийского флота и много всяких лабораторий. Сколько различных химий, столько и лабораторий.

Начиная с третьего курса, любой мог подать заявление, и его принимали в военно-научный кружок при какой-ни-

будь теоретической кафедре академии. А это уже наука, участие в изобретениях, первые научные публикации, глядишь, и стажировка в каком-нибудь институте Академии наук. Конечно, многие стремились попасть на модную кафедру биохимии. Но мест было очень мало. Из-за этого происходили нешуточные разборки между курсантами.

В перерывах они обычно собирались в туалете, чтобы покурить и лишний раз не вытягиваться перед проходившими мимо офицерами. Михаил хоть и не курил, но от коллектива старался не отрываться.

– Чего ты лезешь, чего ты лезешь, я говорю, – размахивая руками, кричал высокий брюнет. – Посмотрите на него. Ведь дебил! А лезет на кафедру биохимии. Собака на сене? У тебя же одни тройки... Козёл! – продолжал кричать курсант.

На каменном полу в окружении однокурсников сидел парень, только что получивший оплеуху от брюнета. Он быстро вскочил на ноги, коснулся рукой лица и посмотрел, нет ли крови. Увидел, что есть, и тут же его физиономия исказилась от злости и побагровела. На скуле уже успела выступить гематома. Казалось, вот сейчас курсант подойдёт вплотную к «высокому» и, как в кино, выхватит нож из кармана и всадит обидчику в живот по самую рукоятку...

Вместо этого парень с разбитой губой и синяком вытер платком кровь и принялся рассуждать:

– Тебе-то что? Хочу и иду! Тебя не спросил! Меня-то как раз приглашают, а вот ты... Ты сначала определись, собака я или козёл? Придурок!

Собравшиеся в туалете рассчитывали посмотреть на настоящую потасовку и были разочарованы. Некоторые уже начинали расходиться, гася недокуренные сигареты. Блатной троечник обвёл их взглядом и, ища поддержки, продолжил:

– Ребята, этот жлоб хочет всё испортить. Подумаешь, отличник. Сейчас нужны всесторонне развитые, а не узколобые. Навысиживал себе пятёрок... Тоже мне, курица!

– Ему мало! Народ, честное слово, я не выдержу... Прибью дебила, – опять завёлся брюнет.

– Витька, к-кончай воспитывать! – Дворский схватил «высокого» за рукав и выволок в коридор.

– Ну, ты простой, Завьялов! – встрял ещё один курсант. Это был комсорг курса Добросердов. – На фига ты свои эмоции выплёскиваешь? На черта время тратить на олигофрена? Да ещё и в туалете. Пойдём, это не так делается.

Вячеслав Добросердов возглавлял комсомольскую организацию факультета и лучше других знал, как курсанты пробираются в научные кружки при кафедрах, а потом и на практику в престижные лечебные или научные учреждения.

Он быстро собрал бюро из пяти человек, которые тут же в перерыве проголосовали за рекомендацию отличникам Дворскому, Завьялову и ему, Добросердову. Любая официальная бумажка была важна для готовящегося приказа по составу военно-научных кружков и сразу перевешивала любые инсинуации конкурентов по поводу проникновения по блату на модную кафедру.

Добросердова сразу избрали председателем курсантского научного кружка при кафедре биохимии. Большой человек! От него во многом зависело участие курсантов в плановых или хоздоговорных работах, получение самостоятельной темы для исследования.

Прошло ещё три года. Грянули звуки военного оркестра, и стройные роты офицеров медицинской службы торжественным маршем прошли мимо флага родной академии. Над фуражками молодых лейтенантов, как добрая примета и традиция, брызнули дождём монеты. Троица отличников, известная своими достижениями в научных исследованиях и уже имеющая изобретение и статью в академическом журнале, приросла к любимой кафедре. Её руководство считало, что нужно продолжать успешно начатые исследования. То есть, следующий шаг – ординатура. Но, во-первых, для этого нужно два года службы после получения диплома, а во-вторых, на эту специализацию принимали только трёх человек и то согласно плану, утвержденному начальником Главного военно-медицинского управления, раз в три года.

Пришлось ждать. Неразлучная троица служила в гарнизонном госпитале, на кораблях, одно время была прикомандирована к Институту биотехнологии и биорегуляции.

Наконец-то всё совпало: и право, и возможность, и желание. Как всегда, сначала куча документов, до нового года нужно подать рапорт, руководство рассмотрит. И уж если «да», тогда ноги в руки – быстро, пока не передумали, собирать документы и на комиссию.

Дворского приняли. Его приятелей – тоже. Зря что ли постоянно в отличниках ходили и даже оформили патент на новый лекарственный препарат?!

Специализация в ординатуре – теоретическая, так что лечебное дело быстро отошло на второй план. Началась настоящая наука. Не «слить-налить», а обдуманные, последовательные шаги по поиску новых лечебных свойств и новых лекарственных формул. В конце первого года ординатуры Михаилу наконец-то утвердили тему самостоятельного научного исследования.

Он сразу же окунулся в дебри пептидной саморегуляции. Завьялов и Добросердов, не видя Дворского неделями, даже позабыли, как он выглядит. Бывало, заглянут в лабораторию, посмотрят на «чокнутого» и ходу. Знали, что если Михаил заметит праздно шатающихся приятелей, то сразу заставит их что-нибудь делать для своего эксперимента. Вот неймётся ему!

Всё продумано, всё много раз рассчитано и пересчитано. Нужно только ставить опыт за опытом, опыт за опытом... пока не появится этот злополучный и желанный второй пик на графике тепловых излучений. Будет «второй», значит, всё о'кей. Молекулы нового лекарственного препарата, придуманного Дворским, своими заряженными радикалами активируют «спящие хвосты» ДНК поражённой печени. Те «включаются» и начинают снова переносить информацию, то есть работать.

Уже полпервого ночи. Реакция запущена, приборы включены и фиксируют малейшие отклонения теплового режима. Вот если моргнуть глазом – четырех калорий как не бывало. А тут в тысячу раз меньше. Самописец небрежно нарисовал первый пик. Это выделилась теплота от растворения лекарства в крови...

– Вы что тут делаете? – раздался зычный голос дежурного офицера.

– Ординатор Дворский! – вскочил Михаил. – Провожу эк-ксперимент. Непрерывность биохимического процесса требует к-круглосуточного сопровождения. У меня есть р-разрешение. – Дворский, продолжая стоять навытяжку, неуклюже потянулся за бумагой с резолюцией начальника факультета.

– Вижу, что эксперимент. Я про пистолет!

Михаил до того сжился с этими молекулами пептидов, что, наверное, чувствовал их «дыхание», малейшие изменения в энергетике реакции. Когда вошёл дежурный, он сидел на корточках, рядом с экраном и ждал, нет, он требовал появления второго пика на графике. Вот здесь он должен появиться! Вот сейчас... В руке у Мишки был пистолет. Он вслух угрожал им перу самописца: «Да, я тебя пристрелю – вдребезги разлетишься, п-придурок металлический!».

Пришлось потратить драгоценное время, пока так внезапно вошедший капитан медицинской службы не убедился, что пистолет игрушечный и стреляет пистонами.

– Господи! Ну, и вояки у нас, – пробубнил дежурный офицер, выходя из лаборатории.

После этого случая Мишка понял раз и навсегда – ему противопоказано присутствовать при важных событиях. Слишком сильное биополе излучает. Иногда оно влияет не так, как хотелось бы. Вот и сейчас – не появляется второй пик и всё тут! Гораздо позднее он столкнётся с тем, что от его поля будут зависать компьютеры. Как только Дворский сядет за клавиатуру – зови спеца: экран не живёт и даже не колышется.

Наверное, именно оттого, что он отвлёкся на капитана, биохимические процессы пошли, как им предписано природой, и на графике стал вырастать любимый и ненавистный одновременно «второй пик». Площадь под ним говорила Дворскому самое главное. Почти тридцать процентов молекул его лекарственного препарата активируют «угасшие»

фрагменты ДНК! «Обалдеть! – сам себе кричал Дворский. – Это открытие! Это Нобелевская!»

Ну Нобелевская, не Нобелевская, а по ходатайству Учёного совета академии и спецсовета по защитам диссертаций, ВАК присвоил Дворскому Михаилу Николаевичу учёную степень кандидата наук. В двадцать четыре года!

Анна Яковлевна особенно не придавала значения этому событию, но если сын рад, то и ей хорошо. Приятели по факультету Завьялов и Добросердов не знали даже, как им себя вести. «Такая пруха Мишке свалилась! Учёный! Не зря не ел, не спал, всё формулу искал». Дворский отвечал одинаково. Скромно потупив голову, произносил: «Учёным можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан!»

После окончания ординатуры всех троих оставили служить в академии. Для развития перспективного направления даже создали специальную лабораторию. Начальником, конечно, стал какой-то «орёл» из ректората, подполковник медслужбы, а научным руководителем на общественных началах согласился быть директор академического Института биотехнологии и биорегуляции, член-корреспондент Академии наук Максимов. Сотрудники нового подразделения, почуяв перспективу, включились в активную работу.

Приходя к ребятам в лабораторию, Леонид Александрович Максимов любил окунуться в атмосферу безрассудных молодых лет, вспомнить, как он ещё «мэнээсом» героически трудился у академика Королёва дни и ночи напролёт, без сна и еды. Он снимал импортный пиджак, аккуратно вешал его на спинку стула, смело напяливал на себя испачканный белый халат со своей фамилией, вышитой красными нитками на нагрудном кармане, и погружался в эксперимент. Расположившись прямо на полу, он вместе с молодыми сотрудниками и аспирантами копошился в каком-нибудь вакуумном масляном насосе или часами безуспешно пытался убрать электромагнитные наводки на новом приборе, замеряющем токи в минус семнадцатой степени ампера. Многие из заслуженных преподавателей удивлялись такому поведению профессора. А он вместо ответов на вопросы коллег прятал лицо, опуская голову, чтобы скрыть, наверное непонятную им, радость, которая светилась в его глазах.

Сказать, что академик Максимов любил научный эксперимент – ничего не сказать. Он его обожал. Будто это такой живой организм. Двадцать пять лет назад, после аспирантуры и стажировки в университете Западного Берлина он даже потратил всю заработанную там валюту и купил «волгу-пикап», похожую на автомобиль скорой помощи, чтобы возить для монтажа новых установок всякие трубы и насосы, выброшенные на помойку или взятые на время у кого-нибудь из коллег.

Молодые офицеры уже привыкли к тому, что если самый важный прибор выходил из строя, всегда рядом с ними оказывался Академик и, несмотря на возраст и звание, лез под станину прибора, пытаясь всё потрогать своими руками и почувствовать причину поломки. Это вызывало у них чувство уважения и даже восхищения к научному руководителю, заставляло быть такими же простыми, инициативными и не зашоренными различными инструкциями и устаревшими стандартами.

– Опять ты чего-то мудришь, Мишка. Этого нет в программе опыта. Зачем добавляешь всякую дрянь? – завёлся Завьялов, который отвечал за чистоту препарата и его составляющих.

– П-почему дрянь? Не дрянь вовсе! Представляешь, в ампулах с лекарством будет не прозрачная жидкость, а лиловая, к-как куст сирени...

– На хрена? Добавки не прописаны в рецептуре.

– Ну, так п-пропиши. Ты же знаешь, она ни на что не влияет, только на цвет.

– Ага! А в фармакологических свойствах, что я буду писать? – противился Добросердов.

– Так и напишешь, балда: р-раствор соли трёхвалентного европия добавлен для получения специального фиолетового свечения, призванного, мол, усилить п-положительный психологический эффект от применения препарата. Что разве не н-н-нравится?

Дворский повертел в руках пробирку с раствором лилового цвета и продолжил.

– Ты же знаешь, что в-вытворяют эф-электроны европия. Как только его соль в растворе, да ещё, если он сплошь напичкан к-комплексными соединениями... Они сваливают со своей орбиты на более низкую и, естественно, излучают энергию. А она, Славик... – Михаил замолчал, заулыбался и потом, нежно гладя пробирку, добавил, – она к-как раз то, что нужно, – слегка фиолетового цвета.

– А приятно, скажи, когда знаешь наперед, что произойдёт? – ни с того ни с сего выдал Завьялов.

– Т-т-ы зубы не заговаривай! А ты, давай, пиши! Раствор соли трёхвалентного европия... Это же наш первый совместный патент! И п-потом, так никто в мире не делает. Академик обалдеет. Мы будем п-первыми!

Виктор, разумеется, согласился с «чокнутым» Дворским. Вячеслав тоже, в конце концов, сдался. Ещё бы! «Попробуй не согласись, – говорили они потом друг другу за пивом с воблой, – замучает коллега, спать не даст, девок распугает». Потом все вместе заливались громким хохотом, а Завьялов, бренча на гитаре, умудрялся тыкать пальцем в дырки от кислоты на свитере Дворского и сквозь смех добавлял: «Он у нас прожжённый химик».

8.

Подходил к концу сумбурный, непонятный и трагический 91-й год. Огромная держава, будто дешёвый кооператив или «эспэшка», прекращала своё существование. Привычный флаг над пьедесталом спортивных победителей, рисунки в букваре, школа, Родина, патриотизм – всё разом рухнуло, а вместе с ними и партия, и памятник Дзержинскому на Лубянке.

Путч стал точкой разрыва непрерывности в изменении ситуации. Такое ощущение, что все вдруг осознали, где они оказались. Без государственных институтов, с агонизирующим экономическим организмом.

Без изменения привычных символов произошла резкая смена их содержания. Газеты с прежними наименованиями, с чередою орденов Ленина наверху, на всех полосах вовсю «поливали» коммунизм и социализм. Уже через полгода выдворили из страны «личного гостя» Горбачёва бывшего руководителя ГДР Эриха Хоннекера... Повсюду свободно гуляли доллары, а по Уголовному кодексу за них всё ещё полагался огромный тюремный срок. Хочешь уехать из России? Да ради Бога! Получи паспорт и вали, живи там, куда пустят. А это, ни много, ни мало – измена Родине, и тут, как это ни странно, – смертная казнь! Страну накрыло цунами из западных слов: кэш, маржа, рэкет, риэлтор, рейтинг... Яркие разноцветные матрёшки с изображением Горбачёва, Ельцина, Ленина... будто главные символы эпохи тут и там продавались иностранцам. Казалось, только мавзолей на Красной площади ещё остался незыблемым оплотом всего прошлого.

Началось расслоение общественного сознания. Возникала опасная неопределенность, и, как всегда в таких случаях, запахло диктатурой. Само по себе это понятие привычно для советских граждан. Но вакуум власти постепенно и неотвратимо заполняла диктатура тогда единственной организованной силы – криминалитета.

В «Фарме» всё шло своим чередом. В самом конце 91-го года на выставке в Ванкувере в Канаде показывали новую технологическую линию синтеза панкагена – мощного препарата для лечения диабета. Её создателем, так же как и автором самого препарата, был молодой офицер Военно-медицинской академии, капитан медицинской службы Михаил Николаевич Дворский. Его – по просьбе Максимова – командировали на выставку.

Туда много чего навезли из ещё не развалившегося Союза: туркменские ковры, белорусские тракторы, тульские пряники и охотничьи ружья, вологодские кружева, посуду из Гжели... Из высоких технологий – только их линия и лекарственные препараты. Правда, ими почти никто не интересовался. Все тянулись к сверкающим инкрустацией ружьям и синим чашкам, расписанным под гжель.

Только в предпоследний день к молодым учёным из Ленинграда подошёл мужичок-с-ноготок в строгом сером костюме и на несносном русском стал расспрашивать. Он прекрасно разбирался в каждом узле оборудования. Казалось, для него самое главное – убедиться в том, что эти русские сами сварганили такое чудо.

Посетитель с ходу сообразил, кто автор уникальной установки. А Михаил с первых же вопросов понял, что подошедший к нему человек вовсе не праздный любитель новых лекарств. Здесь явно слышалось дыхание иностранной разведки. Уж к этим-то звукам в военном вузе приучали все шесть лет подряд. Дворский прекрасно знал, где на самом деле, прикрываясь организацией КОКОМ, составляли перечни товаров и технологий, не подлежащих экспорту в страны восточного блока – компьютеры, информационные базы данных, только начинавший появляться Интернет.

– Т-так вы что, из ЦРУ? – осмелел Михаил.

– Если вы это дэлайт сам, – вместо ответа продолжал мужичок-с-ноготок, – ай ликвидэйшн эмбарго такой техник. Ситуэйшн нонпрофит. – Он постоял ещё, осмотрел линию со всех сторон, ощупал основной прибор своими маленькими пухлыми пальцами и добавил: – Йес. Ай... Я полковник. Надо вносить оргкомитет экзибишн подробное техническое описание оборудования. – Последние четыре слова он произнёс безукоризненно и без акцента. Наверное, только этим и занимался всю жизнь.

Американец ушёл, а Дворский опять вспомнил слова академика Максимова о контролируемом технологическом отставании СССР и о том, что именно они своими новыми разработками должны «порвать» всех этих контролёров от Запада. «Неужели это возможно с нашей технологической культурой и „деревянной“ микроэлектроникой?» – тогда подумал Михаил, но ничего не сказал. А вот теперь вспомнил об этом и вдруг провалился в детство, в 1976 год, в Таллин.

В девятом классе на зимние каникулы он вместе с одноклассницей Ленкой отправился на поезде в Прибалтику. Дома сказали, что едут всем классом в Пушкинские горы. Это зимой-то! Они нашли самый большой ресторан в столице советской Эстонии – «Глория», увидели цены и гордо заказали по простому салату. Быстро его съели и, чтобы потянуть время, Михаил отправился в туалет. После этого он долго не мог прийти в себя. Дело в том, что советский девятиклассник, отличник, Миша Дворский не смог сообразить, что и где в необычном эстонском туалете нужно открывать или нажимать. Всё вокруг сверкало и пахло духами. Чёрный кафель его и вовсе добил. Он привык, что в таких местах должен быть белый. А тут... Вместо обычного унитаза стояло почти прямоугольное блестящее чудо, похожее на полированный журнальный стол. Разве что без вазы с цветами. Позади него, прямо в стене, какие-то металлические пластины. Ни тебе бачка, ни ручки для слива воды...

Тяжёлое чувство какой-то недоразвитости ещё больше усугубилось после возвращения в длинное кирпичное здание с обидным названием «Общежитие для ленинградцев». Добравшись туда пешком по снежной каше, с абсолютно мокрыми носками и обувью, они принялись срочно спасать своё здоровье. Тайно проникли в маленькую кладовку на последнем этаже, нашли там электрический чайник, набрали в него воды, включили и, чтобы не замёрзнуть, давали долго кипеть.

Первые, надо сказать, совсем нерадостные впечатления от Таллина, постепенно испарялись, когда девятиклассники, сидя рядом, дышали паром кипящей в чайнике воды, дышали, дышали и, обнявшись, согревали друг друга, иногда подставляя замёрзшие ноги под белую струю горячего воздуха. Повязав головы прогревшимися на пару полотенцами, Лена и Михаил долго-долго целовались, потом смеялись над самими собой и опять целовались... Внутреннее тепло разливалось по телу и им было всё равно, что сейчас у них на головах; холодно или тепло вокруг; есть у них деньги или их нет совсем в этом счастливом мире?

Прошло десять лет с тех пор, как Дворский женился на своей однокласснице. Они справили свадьбу сразу после того, как он получил кортик и звёздочки лейтенанта меди-

цинской службы. Все говорили, что это ещё на редкость удачно у него получилось. Михаил ведь почти ни с кем не дружил, а девчонок и вовсе избегал.

9.

После выставки в Канаде технологические линии синтеза лекарственных препаратов, действительно, исключили из перечня запрещённых для экспорта в СССР. Вот уж победа! Могли и не исключать. Через месяц Советского Союза вообще не стало. А ещё через два года за ненадобностью ликвидировали и сам Координационный комитет по экспортному контролю, который всем этим занимался.

Но нельзя же строить свои планы, только надеясь на прекращение деятельности этой злополучной организации. Нужно жить, развивать свой бизнес, отношения с западными компаниями. Заниматься этим без информации – всё равно, что вслепую лезть через колючую проволоку под высоким напряжением.

Академик всегда шёл в ногу со временем. Порою даже опережая его. Само по себе это хорошо, но иногда приносит проблемы, о которых поначалу и не подозреваешь. Максимов узнал где-то об американских информационных базах данных и уже не мог спокойно спать. Эти базы – кладезь информации: фирмы и их владельцы, патенты и отчётность компаний и ещё много такого, что сразу, может показаться, и не нужно вовсе. Однако, когда ищешь партнёра, любые сведения на вес золота. Понятно, что доступ туда закрыт из-за эмбарго. Но можно же как-то извернуться...

Недавно восстановили дипломатические отношения с Израилем. Там много бывших наших. Вдруг помогут? Небось, ещё не забыли советской привычки всем помогать, даже если не просят. Вот и надумал Академик искать контакты с израильскими информационными фирмами. Хорошо бы заодно вместе с клиниками Тель-Авива наладить фармацевтический бизнес в Москве или в Ленинграде. Дело было за малым: найти на Земле Обетованной людей, занимающихся бизнес-разведкой и информацией вообще, да ещё тех, кто захотел бы с разбегу прыгнуть в пропасть – бросить свои деньжищи в фармацевтический омут новой России.

Военно-медицинская академия и акционерное общество «Фарма» на эту миссию снова подрядили того же Дворского. Он прилично показал в Канаде и себя, и свои изобретения. Тогда удалось снять эмбарго, теперь, может, получится его хотя бы обойти. В напарники капитану медицинской службы дали юриста Леонида Малкина. В своё время, работая в Смольном, он отвечал за академические институты, знал многих ленинградских учёных-востоковедов. Это было кстати. Полетели в командировку, как бы от них.

Самолёт компании “El-Al” пробежал по полосе аэропорта имени первого президента Израиля и тихо, без рывков, остановился. Подкатили трап, все пассажиры устремились к открытому люку. Снаружи в охлаждаемый кондиционерами салон хлынул горячий воздух, который, казалось, наполнен ароматами всех цветов мира. Такое бывает, если вдруг разбилась бутылочка с жидкостью для снятия лака или разлили соляру. По силе воздействия на обоняние – то же самое. Так же резко, только приятно.

– Вы руководитель группы? – обратилась к Дворскому женщина в форме. – С какой целью прилетели?

– С научной. Наша группа из двух человек. Я и вот, т-товарищ. Пусть это вас не удивляет. Будем встречаться с сотрудниками разных п-предприятий.

– Какие предприятия?

– Ну, там, «Т-тадиран», «Эль-Оп»...

– Какая у вас научная специализация? Сфера интересов?

– О! Широкая. Надо сказать – широкая. Оптика, информатизация, Интернет, базы д-данных, бизнес-разведка, фармацевтика.

После такого набора слов любой здравомыслящий человек, а тем более офицер службы безопасности просто обязан почувствовать промышленный шпионаж. Женщина немного посуетилась, поводила правой рукой под крышкой

стола и уставилась на Дворского своими большими карими глазами. Через несколько секунд к ней в стеклянную кабину вошёл пожилой мужчина, подтянутый, но не в форме, по лицу как бы даже русский, откуда-нибудь из-под Калуги.

– Господин... э-э...

– Дворский Михаил.

– Повторите, пожалуйста, какие предприятия вы хотели бы посетить в Тель-Авиве?

Михаил снова перечислил все названия, какие он знал. Добавил ещё университет и фамилии тех учёных, которых назвали Малкину в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук.

– Вы лично знаете этих людей?

– Я?

– Вы, вы!

– Нет! Но я командирован Институтом востоковедения. Так вот д-д-директор этого уважаемого учреждения, к-которое я здесь представляю, конечно, знает. Я могу дать номера телефонов этих учёных здесь, в Тель-Авиве.

– Будьте любезны, – произнёс тот, что был в штатском. Он взял в руки список телефонов и отошёл к другой кабине. Эти два слова больно резанули. Именно их говорил главный герой любимой Мишкиной книжки «В августе 44-го». На языке тех, кто работал в СМЕРШе, они означали: «К бою!». За Дворским внимательно следила стоявшая позади него очередь из израильтян человек в пятьдесят.

Через минуты две-три подтянутый мужчина «из-под Калуги» вернулся, что-то сказал женщине-офицеру и исчез. Михаил облегчённо вздохнул. В ту же секунду раздался резкий щелчок, и в паспорте ярко обозначился красный, со словами на иврите штамп, размером в полстраницы, который лучше не показывать в арабских странах. Женщина из стеклянной кабины вновь посмотрела в упор на советского учёного и на чистом русском языке произнесла:

– Как вы там поживаете, в Ленинграде? – но, сразу испугавшись своей невыдержанности, не дожидаясь ответа, громко и быстро добавила: – Добро пожаловать в Израиль.

Первые слова, видимо, вырвались у нее просто от удивления. Русские на Земле Обетованной! Столько всяких войн и конфликтов с арабами, на чьей стороне неизменно был Советский Союз... Столько эмигрантов из Союза... Но так, чтобы просто приехать в гости!

Малкина совсем ни о чём не спрашивали. Он только время от времени сам надоедливо справлялся у пограничника, как пройти к окошку, ему стоять в этой очереди или есть какая другая, можно забрать паспорт или он останется здесь... Эту чушь он непременно сопровождал своим любимым «стесняюсь спросить».

В первые два дня, следуя легенде, Дворский завершил длинную череду визитов вежливости к коллегам учёных из Института востоковедения и вместе с Малкиным начал готовиться к главной цели приезда. Завтра они посетят руководство Медицинского центра «Шиба» в Тель-Авиве и по результатам поймут, пойдут ли эти умники на строительство такого же в Ленинграде или нет.

Довольно скоро стало ясно, что без дополнительных усилий по поиску влиятельных «друзей» невозможно соблазнить местных медиков на финансовый подвиг «куда-то далеко вложить свои деньги»

Пришлось задействовать вариант «Б». Малкин отправился по несогласованному с ЧК маршруту. Поехал домой к бывшему советскому диссиденту Владимиру Спиваку. В Союзе те, кому следовало, знали, что Спивак является доверенным лицом большого криминального авторитета Петра Михайловича Филиппова и ведёт все его финансы. Но в Израиле полиции на это было наплевать. Владимира Леонидовича здесь уважали хотя бы за то, что ещё во времена Советского Союза он отбывал срок в лагере под Пермью. Однако, не факт, что просьба Спивака решила бы проблему с инвесторами. Но не попробовать и так оставить ситуацию тоже бессмысленно.

После звонка дверь отворилась. На пороге стоял пятидесятилетний мужчина с коротко стриженными чёрными с проседью волосами.

– Здравствуйте, Владимир Леонидович. Меня зовут Леонид Малкин. Вам привет от Сергея Богданова из Питера.

– Что ж теперь у вас опять партия всем заправляет? – искренне удивился бывший диссидент, оставаясь стоять на лестничной площадке перед входом в свою квартиру.

– Я пришёл на место Сергея в Смольном, после того, как его уволили из обкома. Вашу историю там все знали. Перед отъездом сюда я побывал у Серёги. Вот узнал адрес ваших родителей...

– Как он там? – было видно, что Спиваку это совсем не интересно, и он произнёс дежурную фразу просто из вежливости.

– Пьёт...

– Ну, хоть ест что-нибудь?

Малкин улыбнулся. А Спивак чуть заметно покачал головой, словно показывая, что он так и предполагал, и больше ничего не спрашивал. Он ждал, что будет говорить приятель его бывшего однокашника. Малкин неуклюже приступил к делу:

– Я хотел попросить у вас совета по вопросу инвестирования...

– У меня денег нет, – коротко и быстро, глотая последнее слово, проговорил Спивак. Он неторопливо начал разворачиваться спиной к Малкину.

– Ну, что вы! Я не об этом...

– Тогда о чём? – Спивак остановился. Ему даже стало любопытно. – Где сыскать идиота Буратино для закапывания своих денег в стране дураков? Это не со мной.

– Ей богу, идиотов, как вы говорите, мы будем искать сами. Нам бы разузнать чуточку, как тут всё устроено. Ведь у нас про вас ничего нет. Днём с огнём не сыщешь.

– То есть, бесплатный ликбез...

– Мы можем и заплатить за совет.

Спивак внимательно посмотрел на живого представителя целой страны Советов, постоял, помолчал и потом произнёс скороговоркой.

– Значится так. Идите во-о-н туда, – Спивак подошёл к окну и вытянул руку вперёд.

Малкин уж было подумал, что его посылают по обычному в таких случаях адресу. Но Спивак продолжал.

– За углом есть кафе. Займите столик, я подойду через двадцать минут.

Дверь закрылась. Владимир Леонидович, будучи добросовестным исполнителем, вернувшись к себе в кабинет, сразу же позвонил Филиппову и всё доложил в подробностях. Тот дал добро на разговор и предупредил, что этот Малкин наверняка из Большого дома на Литейном. Так что никаких утечек про его бизнес!

Спивак не забыл своего приятеля-одноклассника, Сергея Богданова, который позволил ему, бывшему зэку, туристу с чужим паспортом, уйти в Американское посольство на Мальте. Он часто вспоминал о нём с чувством благодарности и теперь, получив согласие босса, даже с видимым удовольствием принялся излагать посланцу от его друга детства обычаи делового оборота в Израиле. Между прочим сказал о маркетинге вообще, об изучении информационного рынка в частности и о базах данных... Он даже разъяснил, как устроено планирование расходования средств местных частных и государственных компаний. Леонид только успевал записывать. Где, когда и при каких условиях можно ожидать инвестирования. В принципе, конечно, без увязки с конкретной темой, которую Малкин всё пытался навязать собеседнику.

Что касалось медицинского центра, то здесь было очевидно: приехать придётся ещё не один раз и не два. Нужно принять делегацию в Питере. Только тогда в клинике «Шиба» чуть-чуть поверят, что у русских намерения серьёзные. А вот информационные компании, названные Спиваком, оказались как раз кстати.

Владимир Спивак и Леонид Малкин расстались так, как будто и не встречались. Никаких эмоций. Никаких приветов. Казалось, бывший диссидент просто отрабатывал свой долг перед Богдановым.

На самом деле это было далеко не так. Просто слишком тяжёло давил груз совсем других привычек, которыми в своё время вдоволь обзавёлся бывший советский узник совести.

Малкин вернулся в номер.

– Ты знаешь, я п-прикинусь больным, – радостно вскрикнул Дворский, вычерпывая чайной ложкой из половинки маракуйи густой жёлто-фиолетовый сок. Не дожидаясь рассказа Леонида о встрече со Спиваком, Михаил продолжил. – В следующий заход в «Шибу» я п-притворюсь больным. Начнут жалеть, тормоза снимутся...

Малкин молчал, то и дело нажимая на кнопку авторучки. Он смаковал свой сегодняшний успех и только ждал, когда Дворский наконец-то заткнётся.

– Никакие выкрутасы не вынудят местного предпринимателя выложить денежки. Это раз! – Леонид принялся излагать только что постигнутые азы коммерции. – Такие, как ты, может быть, и повелись бы. Это два. Но ты вообще не пойми кто: учёный, которого вдруг понесло куда-то в сторону. Туда, где его совсем не ждут.

Дворский даже поперхнулся от такого прессинга своего напарника. Он действительно не очень понимал, зачем руководство лаборатории вот уже второй раз посылает его по просьбе Академика то в Канаду, то теперь вот, в Израиль. Ну что он может придумать, кроме формул? С другой стороны, руководителям виднее.

– Не слабо! Д-давай дальше.

– А что дальше? – спокойно продолжил Малкин, – перечень адресов компаний, занимающихся информацией, фамилии директоров, телефоны... пароли, явки... А? Максимов будет доволен. Даже есть выход на конструкторское бюро, где прямо за проходной стоят наши трофейные танки...

– Танки-то нам зачем?

– А я знаю? Но посетить надо. Глядишь, на Литейном похвалят.

– Где взял?

– Где взял, где взял... Мир не без добрых людей. Помнишь анекдот ещё с той ихней войны? – Малкин захлебнулся рассказом про то, как израильтянин принёс в свой штаб египетское знамя. А в ответ на вопрос командира: «Как тебе это удалось?» – спокойно ответил: «Я им своё отдал».

10.

Академика арестовали в 92-м, в конце лета, прямо на улице, уложив лицом в лужу. Он подумал, что это бандиты, вытащил из кармана газовый пистолет и попал струйкой газа крепким ребятам прямо по глазам. Те обиделись и сильно побили уважаемого человека. Потом его поместили в «Кресты», в восьмиметровую камеру, где, как шпроты в банке, набились двадцать человек. Первую ночь Максимов вообще не спал, остальные могли это проделывать только по очереди. Леонид Александрович то и дело запускал в рот указательный палец и принимался выковыривать кусочки разбитых зубов.

В тот же день милиция провела обыск на квартире Максимова. Конечно, изъяли деньги, драгоценности супруги, компьютер. Машину тоже забрали. Таких «конфискованных» машин уже целый парк выстроился во дворе Управления, прямо под окнами руководства: «мерседесы», «волги» и всякая другая мелочёвка. Пусть начальник порадуется! Будет чем отчитаться. Ишь, сколько ценностей вернули стране от расхитителей ещё пока социалистической собственности!

На следующее утро после обыска жена Академика пришла в бюро приёма передач следственного изолятора № 1. Отстояла очередь, заполнила формуляр заявки на первую в своей жизни передачу, потом выложила ровненько все принесённые ею продукты. Из окошка, как будто в валютном пункте, в обмен на посылку ей просунули скомканную окровавленную сорочку мужа...

Следователь долго не вызывал Леонида Александровича, пытаясь сам себе ответить на два вопроса. Первый. Непонятно, куда делась государственная собственность? В постановлении правительства о создании акционерного общества ведь не сказано, что её можно вот так, за милую душу, прибрать.

И второй. Деньги на строительство новой клиники государство выделило? Уже полгода, как выделило! А где они теперь, бюджетные миллионы рублей, эквивалент пятнад-

цати миллионам дойчмарок? «Не могу понять!» – ничуть не стесняясь показаться глупым, то и дело повторял следователь.

Собранные им факты говорили о том, что Максимов учредил в Голландии свою фирму. Потом конвертировал в валюту стремительно обесценивающиеся рубли, полученные от государства на строительство клиники, и скинул их в частную компанию в Амстердаме.

– А какая разница? – сомневаясь, снова и снова спрашивал себя следователь. – Государство и так выдало кучу денег предприятию не с государственной, а со смешанной формой собственности. Почему же тогда этому предприятию не распорядиться пришедшими средствами наилучшим образом. Не потерять их во всеобщем бардаке перемен, а приумножить и спокойно построить в России современный клинический корпус.

Всё это так. Но теперь бюджетными деньгами Максимов мог распоряжаться сам, никого не спрашивая. Мог и себе оставить. Кто там разберёт? Нехорошо!

«Потому, дорогой ты наш член-корреспондент, – размышлял следователь из ОБЭП, – мы тебя сначала поместим в кутузку, подержим там немного, а спустя недельку всё это спросим. Хотя, может, и вовсе не будем спрашивать. Зависит от того, какая цель там, наверху. Может, достаточно, чтобы просто рухнуло модное во всех отношениях сооружение, которое построил Академик, может, это акционерное общество кому-то спать спокойно не даёт. Пятнадцать «лимонов» немецких денег – так, мелочь, и никого они наверху особо не волнуют. Или нужно в целенаправленном порядке, систематическими усилиями приучать всех предпринимателей, новаторов производства, а заодно и изобретателей всякого рода? Приучать делиться».

В это время Дворский находился в Израиле. Здесь иногда он позволял себе сорить деньгами и названивать жене из автомата на улице. Так дешевле. В то утро его разбудила приятная трель телефона в номере.

Звонил Завьялов. Он сообщил об аресте Академика, обысках и изъятиях в «Фарме», допросах заместителей и помощников Максимова, даже об окровавленной рубашке поведал.

Михаил сначала возмутился.

– Что за чушь? За что? – кричал он в трубку, словно бросался на баррикады.

– Я тебе говорю факт, а ты сам думай... Тут все газеты об этом строчат. Наше начальство нос воротит. Мол, там какие-то личные причины, самого Максимова. Ты понял?

Разговор был недолгим. После него Дворский остался сидеть в номере, хотя в буфете его ждал Малкин.

– Начальство нос в-воротит, – тихо произносил Михаил, потом повторял эти слова снова и снова, – начальство нос... А что д-делать-то?

Все мысли Дворского теперь были связаны только с его научным руководителем. Казалось, что всеми клетками своего организма он остро чувствовал боль и страдания Леонида Александровича. Сейчас ему говорить о чём-то другом, думать о другом – просто невозможно! Подобные ощущения у любого законопослушного и эмоционального человека заполняют сознание до краёв и не позволяют отвлечься. Если по телевизору говорили о местных полицейских, Дворский сразу представлял, как они надевают наручники Максимову. Показывали убийцу и насильника, – значит, где-то рядом Академик с разбитым лицом и в кровоподтёках...

Дворский пытался сосредоточиться и рассуждать логически. Но у него ничего не получалось. Воображение рождало всё новые и более яркие образы. Сразу же вспомнились фильмы про войну, про партизан... Допросы, пытки... Воображение дорисовывало в цвете, со всеми подробностями, картины нравственных и физических мучений. «А что делать-то? Ведь, я тоже... Как приеду, сразу потащат... В застенки... Какое слово! Фу! – Михаил громко выдохнул, как бы задувая огонь уже начинающей загораться опасности, опасности уже для него. – Я-то причём? Лекарства хорошие. Правда, ещё не лекарства. Пока не завершили все испытания, ещё не лекарства... Но никто же не умер, а кроме того, у меня есть грамота от министра обороны...»

Днём на стойке портье Дворскому вручили телеграмму. Ему предписывалось срочно, на следующий же день, прибыть в Сухуми для проведения серии испытаний новой партии лекарственных препаратов. К кому прибыть – ничего не сказано. Подробности – на месте. И подпись – только фамилия начальника лаборатории, без звания и без должности.

– Слава тебе, Господи! – с облегчением вздохнул Михаил, – подальше, подальше от всей этой заварухи. – Вбежав по лестнице на третий этаж, он вошёл в номер и сразу же позвонил жене, в Питер. Через минуту появился Малкин. Дворский показал ему телеграмму, ничего не сказав про свой утренний телефонный разговор с Завьяловым.

– Приказ – есть п-приказ! – произнёс Дворский, быстро запихивая в чемодан свои шмотки. – Привычный алгоритм п-поведения. Ты добей информационные компании, а с медициной, – он передал Леониду выделенные им на командировку деньги, – с медициной... п-потом. И позвони на работу. Что там нового? Почему так срочно меня отозвали? – Михаил так и не решился рассказать о звонке Завьялова.

От неожиданности Малкин сначала растерялся, но через минуту, не раздумывая, схватил трубку телефонного аппарата и прямо из номера Дворского принялся названивать в Ленинград. Ни один телефон «Фармы» не отвечал.

– Странно... Как-то всё одно к одному, – произнёс Леонид.

Только на следующий день ему удастся дозвониться до знакомых, и те ему поведают об аресте Академика. А пока он продолжал сидеть на диване в номере у приятеля и пересчитывать только что полученные сотенные купюры в шекелях.

Михаил себя успокаивал: «Мне сказали – я сделал! И не надо этих дурацких рефлексий и внутренних переживаний не пойми о чём. Хоть бы это была наука или какая-нибудь проблема с постановкой эксперимента... Так ведь – нет. Всё чужое! А я только на подхвате. Вообще противно, когда делаешь не своё дело. Сразу начинает попахивать дилетантизмом. В науке это сразу чувствуется, а тут...»

Дворский вдруг сообразил, что уже целый час совсем не думает о Максимове.

На следующий день рано утром Михаил отбыл из Тель-Авива в Киев, а оттуда в Адлер. На автобусном вокзале в Сухуми его встречал помощник начальника пограничного отряда морских катеров. С этой минуты капитан медицинской службы Дворский поступал в распоряжение командира отряда и был приписан к торпедному катеру за номером «067».

Лена, услышав от мужа о его новой командировке, обрадовалась. Она всю жизнь мечтала пожить на юге. Солнце, фрукты, овощи... Особенно сейчас, на седьмом месяце беременности. Быстро собралась, уволилась из трикотажной фабрики, где работала в отделе кадров, и одна добралась до Сухуми.

11.

В Абхазии начиналась осень. В 92-м гортензии распустились рано. Их пышные кружева светло-зелёного цвета незаметно преобразились и стали совсем белыми. Вблизи они похожи на комья снега и чем-то напоминают зимний Ленинград. Осенью соцветия порозовеют, и под их тяжестью трёхметровые ветви кустарника нагнутся к земле. Научного названия этих цветов здесь никто не знает, но их запах не то ванили, не то жасмина запоминается. Роскошные белые шапки из причудливых лепестков на длинных, но крепких стеблях уже проникают в раскрытое окно, заставляя вдыхать их чудесный аромат. Он усиливается от утренней прохлады, спускающейся с гор и вытесняющей бархатный и теплый морской воздух.

Из окна маленькой комнаты на втором этаже деревянного, давно не штукатуренного дома видна нежно-пепельная двуглавая Сухумская гора. К её вершине, огибая подножье, покрытое кедрами и туями, тянется синяя лента асфальтовой дороги с разноцветными пятнами медленно и беззвучно движущихся автомобилей. Слева, за разнобоем крыш, –

узкая полоска лазурного моря, ограниченная линией горизонта, и белое небо. Оно постепенно, всё больше и больше наливается нежным утренним солнцем. Его лучик мелькнул из-за горы и скользнул по неубранной комнате. Сначала он осветил изогнутую спинку деревянного венского стула, потом прошёлся по небрежно брошенной там одежде, приметил лежащую в постели молодую женщину и задержался у неё на лице. Ресницы чутко вздрогнули.

– Ленушка, ты п-проснулась? – спросил Дворский, нежно поглаживая её светлые волосы. На безмятежном сонном лице снова еле моргнули ресницы. – Ага-а, просну-улась, – улыбаясь, сам себе ответил Михаил.

Он сидел на краю железной кровати и касался ладонью тех мест на лице жены, где только что побывал луч солнца. Это чтобы ей не было щекотно. Потом наклонялся и целовал. Запустил руку под одеяло и нежно погладил её уже хорошо заметный живот.

– Как жалко, что тебе теперь нельзя ц-цитрусовых. К нашему причалу местные подогнали две баржи мандаринов. Так легко чистятся! Мы их вместо обеда едим.

– Мишенька, ты почему надел форму? – потягиваясь, еле слышно прошептала Лена. – Праздник, какой?

– Какой там п-праздник! Вчера ночью в Гаграх грузинский десант объявился. П-представляешь, под Андреевским флагом. Как получили суда в прошлом году после раздела, так ничего не меняли. Или специально... Там теперь б-бывший член политбюро. Может, он до сих пор мнит себя министром иностранных дел. А форма – на всякий случай...

– Какой случай?

– Да никакой. Не волнуйся ты. Я быстро вернусь, и вечером будем к-кататься на катере. Командир нам обещал, ты же помнишь Алексея? Он заходил на т-той неделе. – Капитан медицинской службы быстро поднялся, крутанул воображаемый руль и стал напевать: – «Оранжевое небо, оранжевое море, пара-пара, па-па-ра, пара-пара-папам...»

Михаил ушёл, не позавтракав, а Лена продолжала нежиться в постели, представляя удовольствие от их вечернего путешествия.

Жили они в отдельной комнатушке двухэтажного частного дома. От дома к морю вела прямая, как стрела, улица, вся засаженная стройными рядами финиковых и китайских пальм, нежными олеандрами – проспект Леона. Совсем недавно он носил имя Ленина. В двух километрах от дома размещался военный причал с разными российскими катерами, баржами и буксирами. Туда вот уже два месяца каждое утро уходил Михаил. Он полностью погрузился в новую работу и старался не вспоминать ни о Максимове, ни о Малкине...

Нужно было кое-что купить к ужину, и Лена отправилась на сухумский центральный рынок. Сначала ей пришлось долго ждать автобуса, но его не было, и она решила идти пешком до проспекта Мира, а потом, свернув налево, минут тридцать до улицы Карла Маркса. Пройдя два-три квартала, она увидела бегущего навстречу взволнованного человека. Тот сказал, что транспорт не ходит, а на рынке взорвалась бомба, пострадали люди, и есть убитые. Пока они говорили, вокруг как будто что-то изменилось. Мимо них быстро гурьбой пробежали дети из соседнего детского сада, а за ними испуганные женщины с сумками и мешками.

Лена остановилась. Так и не дойдя до рынка, она решила повернуть назад, к дому. Обратный путь был долгим и утомительным. Приходилось обходить дворами наскоро установленные противотанковые заграждения, тут и там стали попадаться ополченцы с оружием. Около её дома, по парку имени Ленина тоже ходили вооруженные люди.

В этот день отряды грузинской армии вошли в Сухуми, но на Красном мосту были остановлены абхазскими милиционерами и ополченцами. Это совсем рядом с причалами морского порта. В небе появились грузинские вертолеты и через мгновение скрылись, обстреляв военный санаторий и здание Верховного Совета. Уже не работали радио, телевизор, телефон. Не было света. По городу ползли страшные слухи: из сухумской тюрьмы грузины выпустили всех уголовников, те разбежались по городу, грабили, насиловали и убивали.

Восьмидесятилетний грузный старик, хозяин дома, где жила молодая семья, успокаивал вернувшуюся из города Елену, обещал сделать всё, чтобы отправить её в Сочи. Искать Михаила бесполезно. Идти к торговому порту, где готовились к эвакуации отдыхающих, старик тоже не советовал, могло произойти настоящее столпотворение. Только с её животом там и толкаться. До причала морской базы, где служил муж, недалеко, но все российские катера ещё утром отошли в сторону Гагр.

Эти рассуждения прервали крики во дворе дома и визг застреленной собаки. В дом ворвались люди с автоматами. Они сбили с ног хозяина, связали двух молодых женщин: племянницу старика и Елену.

Шустрый коротышка в потрёпанном пиджаке и чёрных джинсах, с круглыми бегающими глазами, видимо, самый младший, уже закончил с племянницей хозяина дома и теперь, запыхавшись, начал срывать одежду с Елены. Та, лёжа на полу, как могла, сопротивлялась. Подсобить молодому извращенцу было некому. Все занимались другим делом. Они выворачивали ящики из комода и шкафов, быстро сбрасывали содержимое на развёрнутую здесь же на полу большую белую простыню. Туда летело ровно сложенное, отутюженное бельё, посуда, всё, что попадалось под руку.

– Батоно! – закричал с досадой в голосе молодой. – А эту сучку куда? – Повернувшись к своему начальнику с погонами старшего лейтенанта гвардии Госсовета Грузии, он специально перешёл с грузинского на русский, чтобы слышала, – Вон, пузо какое. Что делать? Стрелять, да?

Главный хозяйничал на первом этаже. Он обстоятельно осматривал связанные узлы с барахлом, сбрасываемые подельниками сверху, изредка бросая злобный взгляд на хозяина дома, сидящего на стуле в углу комнаты.

– Плюнь, тащи их всех сюда и беги искать других. Всему тебя нужно учить, молокосос!

Маленький «гвардеец» по очереди за волосы волоком по лестнице притащил на первый этаж обеих женщин. Бросил их в угол, где лежали свежие саженцы виноградной лозы, ударил несколько раз сапогом ту и другую. Плюнул с досады, что не удалось толком поразвлечься в перерывах между перестрелками. Потом вдруг встал над женщинами и, громко смеясь, справил малую нужду.

В это время остальные вывели старика во двор и начали спрашивать о вооружении у абхазов. Требовали три миллиона, после – один, через полчаса – опять три. Били, стреляли в воздух. После избиения старик потерял сознание. Тогда его вернули в дом, притащили в ту же комнату на первом этаже, где лежали на полу его племянница и Лена. Грузины нашли утюг, раздели старика и начали его пытать. Издевались до утра, получая патологическое наслаждение. Но желанных денег не добились.

Под утро пришла «смена». Эти были из уголовников. Они снова начали избивать старика и требовать миллион. Увидели вроде бы живых женщин, удивились, повернули их лицом вверх. На садистов смотрели измученные, измазанные кровью и грязью женщины без возраста. Кровоподтёки и разорванные платья с бьющим в нос резким запахом мочи охладили желания пьяных уже с утра насильников. Хозяина дома снова вытащили во двор, надели наручники, подвесили за них на толстый сук дерева и долго били, уже ничего не спрашивая и не требуя. Потом бросили это занятие, принялись резать кур и колоться морфием.

Пока во дворе продолжали издеваться над стариком, Лена, лёжа на животе, смогла развязать руки себе и другой женщине. Потом они вместе пробралась на второй этаж. Через окно своей комнатки Лена спустилась, почти спрыгнула на землю, прямо на белые шапки цветущих кустов гортензии. Племянница хозяина последовала за ней. Решили добираться до военного причала.

За сутки город изменился до неузнаваемости. Весь день его обстреливали с грузинских вертолетов. Вокруг догорали развалины домов, вдоль проспекта факелами вздымались ярко полыхающие деревья. У парка стоял КАМАЗ с брезентовым тентом. Там были трупы. Будто это туши мяса подвезли к магазину. Они заполняли весь кузов вперемешку с вещами, сандалиями, шляпами, носками, платьями.

Медленно, с трудом пробираясь между разрушенными домами, женщины заглянули в один из дворов и через мгновение, как ошалелые, выскочили оттуда.

Они увидели огромную свежевырытую яму. Из неё доносились плач и голоса закопанных по грудь женщин, которые держали на поднятых руках детей. Вокруг расхаживали вооруженные люди и всё время что-то выкрикивали. Трудно было понять: абхазы это или грузины... А возможно, кто-то другой, кто подошёл на помощь абхазам и теперь мстит местным жителям-грузинам. Бойня шла обоюдная.

В самом конце проспекта, вдоль которого к пристани пробирались две измученные женщины, жил грузин. Его маленький винный магазинчик всегда открывался для всех желающих. Сейчас окна в доме были выбиты, рядом валялись разбитые бутылки, а среди разбросанных детских игрушек: паровозиков, резиновых ракет, разноцветных машинок – так же небрежно валялось тело жены хозяина магазина – в огромной луже крови. Двери магазина выходили прямо на набережную Руставели, старый грузин был прибит к дверям гвоздями.

До пристани оставалось шагов сто. Не видно ни одного российского катера. Только небольшое судёнышко юрко крутилось, заводя буксировочные тросы на единственную, оставшуюся у причала баржу. Первая, полная беженцев, уже минут пять как отчалила. Её медленно тащил еле заметный с берега буксир. На причале скопилось человек сорок женщин с детьми и стариков. Вторая баржа могла стать единственным спасением для них. Плавучий госпиталь «Енисей», направленный из Севастополя для эвакуации беженцев, ещё только обозначился на подходе к сухумской гавани. Однако между ним и берегом уже шныряли грузинские катера на подводных крыльях. По проспекту прямо к пристани ползли два танка, а по обе стороны от них вразвалку шли разухабистые «гвардейцы» грузинской армии...

12.

Люди, спасаясь, прыгали в трюм баржи. На мандарины. Как на мягкий матрац. Лена оглянулась – её спутница исчезла. Может, она уже на барже, а может, передумала и вернулась домой, к старику.

Взобравшись на борт по двум тонким доскам, подобию трапа, Лена, пыталась спуститься вниз, в трюм, но сорвалась и упала прямо на собравшихся там людей. Беременную женщину осторожно подняли и перенесли в безопасное место. Оказавшиеся на судне беженцы с тревогой и одновременно с радостью смотрели друг на друга. Сейчас, уже скоро, их вывезут из этого ада...

А здесь, в трюме старой ржавой баржи, мирно пахло мандаринами, и ничто не напоминало о войне. Пожалуй, только гильзы от пуль в руках детей, которые хвастали своими трофеями друг перед другом.

Как только буксир оттащил вторую баржу от причала, в воздухе пролетел военный вертолет, и обстрел города возобновился. Танки свернули в сторону торгового порта, куда подходил «Енисей», со стороны моря к баржам быстро приближался военный катер, а на самом берегу появилась небольшая пушка. Грузины неторопливо и обстоятельно стали её разворачивать для стрельбы по баржам. Первая, отошедшая на приличное расстояние от причала, как раз годилась как мишень. Вторая, ещё только медленно отчаливала от пристани. Её буксир включил сирену, и прерывистый громкий звук, будто крик раненого беспомощного существа, заглушил рёв вертолетов, рокот гусениц танков и наглые крики беснующихся «гвардейцев», расположившихся на причале российской военной базы.

Не имея ни сил, ни желания что-либо понимать и делать, Лена неподвижно лежала на дне трюма среди чьих-то мешков и безразлично смотрела в небо. Рядом, из щели в ржавом металле на солнце неуклюже выползал маленький бесцветный крабик. Всё, что можно было, Лена вытерпела, всё, что смогла, сделала. Её слух будто выключился. Все мысли были только об одном. О ребёнке. И ещё о

том, чтобы эта баржа скорее увезла её как можно дальше отсюда.

Снаряд, выпущенный из пушки, сразу потопил первую баржу и вместе с ней унёс на дно сухумской бухты десятки жизней. Только мандарины мерно раскачивались на поверхности моря. Тысячи красных, оранжевых и ещё совсем зелёных шариков, словно разноцветный серпантин после весёлой новогодней ночи.

Вторая баржа отошла от берега и ожидала своей участи.

В это время катер, который подходил к пристани со стороны моря, заняв позицию между берегом и баржей, застопорил ход.

– Ты что, сука, вытворяешь? – кричал в мегафон офицер, размахивая рукой с пистолетом и стреляя в воздух. – Войны с Россией захотел, п-подонок? Давай, стреляй в меня! Смотри, не п-промахнись, – офицер всё время показывал на российский триколор, поднятый специально, чтобы хоть как-то отличаться от грузинских судов с Андреевским флагом.

Лена узнала мужа по голосу, но не могла шевельнуться, чтобы подать ему знак. Буксир продолжал медленно тащить за собой баржу, отводя её всё дальше и дальше от ужасов последних суток, от берега сухумской бухты с грузинской пушкой на пирсе, от катера с Михаилом.

Два матроса с российского торпедного катера бросили в море спасательные круги. После того, как первая баржа ушла на дно, на поверхности, над мандариновой кашей, то тут, то там появлялись люди. Они умудрялись разглядеть в оранжевом месиве спасательные круги, ухватиться за них и неуклюже гребли руками к берегу. Вой сирены второго буксира и жуткие крики тех, кто укрылся в трюме уходящей в море баржи, заглушал крик офицера. Михаил продолжал размахивать пистолетом и стрелять, а в его голове назойливо звенели привязавшиеся к нему слова детской песенки, которую когда-то, давно, в праздники, пела по союзному радио грузинская девочка: «Оранжевое небо, оранжевое море...»

До берега оставалось не больше пяти кабельтовых. Вдруг раздался оглушительный взрыв.

Это командир катера без всяких расчётов и замеров выпустил свою единственную торпеду прямо по причалу. Вместе с грузинской пушкой разлетелась добрая половина тумб для крепления швартовых. Тем не менее судну удалось подойти к разрушенному пирсу и закрепить носовой продольный. Пока этого было достаточно. Не дожидаясь окончания швартовки, оба офицера соскочили на берег и бросились вверх по проспекту Леона. Туда, где жили их близкие. Михаил несколько раз останавливался и забегал за угол дома. Его тошнило. То ли от ужасных картин, которые он только что видел своими глазами, то ли от морской болезни, которая преследовала его всегда, с самого детства. Уже будучи морским офицером и медиком, он умудрялся скрывать своё состояние. И во время шторма, и тогда, когда была зыбь. Зыбь, впрочем, ещё хуже – она мучает долго!

Михаил, запыхавшись, подбежал к знакомому дому и кинулся на второй этаж. В их комнатке никого не было. Всюду сломанная мебель, разбросанное бельё, битая стеклянная посуда и сломанные ветви гортензии за окном. Спускаясь вниз, он с ужасом увидел, как во дворе племянница хозяина дома пытается снять с дерева тело своего деда.

– Лена где? – тихо спросил Михаил. Он приподнял старика и снял его с ветки дерева. Прошло полминуты, но он так и не осмеливался взглянуть на женщину, боясь по её взгляду узнать правду. Только накрыв тело старика одеялом, она подняла голову, бросила быстрый взгляд на Дворского и, отрешённо глядя куда-то в сторону, произнесла: «На барже с мандаринами».

Михаилу всё стало ясно. Если в первой барже – то погибла, если во второй – то плывёт сейчас в сторону Сочи.

Утром Гагры были захвачены грузинами. Свою цель их десант достиг: Абхазию отрезали от России. Теперь все российские суда, оказавшиеся в районе Гагр, постепенно отходили в открытое море и собирались защищать плавучий госпиталь с беженцами из Сухуми. Ждали распоряжений. Алексей, командир торпедного катера, конечно, понимал, как мало толку от его старого судна. На борту в два раза меньше матросов, чем полагается, всего два офицера – он

да прикомандированный медик – и лишь одна авиационная торпеда. Может быть, поэтому, нарушая все приказы, он рвался в Сухуми спасать свою семью, и как бы убеждая себя, много раз повторял вслух одно и то же: «Час туда – час обратно. Радио уже давно не работает. Никто и не поймёт ничего».

На разбитом причале, куда вернулся Михаил, уже собрались пять человек с первой баржи. Их выловили матросы. Что-либо спрашивать у спасённых Дворский не стал. Боялся узнать самое худшее. Вдруг кто-то видел его Лену. Теперь оставалось надеяться только на чудо. Нужно умудриться провести безоружный катер через акваторию торгового порта, кишащую грузинскими военными судами, и выйти в море. А уж там, на пути в Сочи, они догонят вторую баржу...

Прошло больше получаса, однако командир не возвращался. Дворский нервно ходил взад-вперед по палубе, то и дело оглядываясь в сторону проспекта Леона. Через минуту одинокий силуэт Алексея появился вдали, посередине улицы, он сделал два-три шага, застыл, неуклюже взмахнул руками и рухнул на асфальт. Звуков стрельбы не было слышно, но через мгновение проспект заполнили люди с оружием в форме грузинских «гвардейцев».

– Отдать швартовы! – неожиданно для себя, срывающимся голосом прокричал Дворский. Он напрочь позабыл о множестве вещей, которые полагалось сделать и проверить перед такой командой**.** Да и не помнил, наверное, никогда.

Катер с белыми цифрами на борту «067», повинуясь единственному оставшемуся офицеру, быстро отвалил в сторону моря.

13.

Поезд «Санкт-Петербург – Варшава» прибыл точно по расписанию. Из купейного вагона вывалилось человек сорок с сумками, баулами и чемоданами. Четыре молодые девушки, видимо, познакомившиеся ещё в поезде, сбились в кучку в стороне от основного потока пассажиров. Все они приехали, чтобы поработать в окрестностях Варшавы домработницами или гувернантками, по рекламному объявлению в газете и теперь ждали встречающего.

Вскоре появилась пожилая женщина, одетая не по сезону, в поношенное длинное серое пальто. Под ним виднелись несколько разноцветных, шёлковых юбок, блестящие коричневые сапоги плотно обхватывали полные, неповоротливые ноги. В руках она держала палку с белой табличкой. Там с трудом можно было прочитать название принимающей фирмы, написанное по-русски жирным синим фломастером.

– С этого вагона все собрались? – первое, что услышали от неё девчонки. Голос был грубый и вибрирующий от хронического насморка. Однако говорила тётка на чистом русском языке без акцента. – Ещё две где-то должны быть? Что же вы все растерялись по дороге? Теперь ищи! – У старухи явно испортилось настроение. – Машина ждать не будет. Не будет ждать...

Она ещё что-то в сердцах сказала по-польски, засуетилась, потом махнула рукой и медленно потянулась со своим выводком к выходу из вокзала. Девчонки шли, молча, переглядывались и пожимали плечами, как бы, отвечая друг другу, мол, никого больше они не встречали, с самого Питера только они и никого больше.

Мария Нелидова ещё в вагоне завоевала авторитет. Кипяток им принесут, чай в стаканах с подстаканниками – тоже. Без соды и со свежими пакетиками. Все они ехали в одном купе. За места в поезде уплатила принимающая компания-посредник. Перед конечной остановкой Маша отправилась к проводнице, пытаясь хоть чуточку выведать у той что-нибудь полезное. Узнала, что каждую неделю, также как они, едут группочки в Польшу на работу. Особенно часто стали ездить в последние два месяца. Но так, чтобы обратно кто ехал, не видела. Может, поодиночке? Группу ни разу не видела.

Рядом с вокзалом, сбоку в переулке стоял микроавтобус. Девчонки весело уселись, и машина тронулась. Но ехали недолго. Через полчаса все вышли, забрали сумки и вместе со старухой направились к большому фургону, вернее даже к рефрижератору. Такому же, в каком везли шампанское из Венгрии для Игната. Мария почувствовала неладное, схватила рукой соседку и потянула в сторону. До леса оставалось шагов пятнадцать. Но это не свой лес. Чёрт его знает, может, он кончится через сто метров...

Тут же из огромной машины выскочили шесть здоровенных мужиков. Они повалили девушек на землю, связали руки за спиной, засунули кляпы, потом поволокли за собой, втащили в рефрижератор, бросили на пол и завалили матрацами. Железные гофрированные двери закрылись. Больше внутрь не поступали ни свет, ни воздух. Мужики опломбировали закрытые двери и сели в две легковушки, а фургон медленно стал набирать скорость. Впереди был длинный путь.

Они проехали всю Польшу, часть Германии и Голландии. Останавливались на таможнях. Там проверяли целостность пломбы на дверях, подписывали какие-то бумаги, и рефрижератор «с мороженым мясом» продолжал свой маршрут согласно накладной. Окончательно остановились только через сутки, на берегу одного из многочисленных каналов, в пяти километрах от города Амстердама в королевстве Нидерланды.

Вокруг хилый лес, жилья никакого, дорог тоже. У берега стояла пришвартованная баржа с закрытым верхом. Тут же крутились с десяток охранников с оружием и дубинками в чёрных комбинезонах. Рядом два микроавтобуса, такие же, как в Варшаве.

– Опять матрацы замочили, стервы! На вас не наберёшься, – по-русски орал один из охранников, взобравшийся внутрь фургона в только что открытые двери. Он ногами пинал тела связанных беззащитных женщин, проверял, живы или нет, потом позвал на помощь другого охранника. Вместе они взяли одну «стерву» за руки и за ноги и сбросили на землю. Тело упало, девушка зашевелилась и застонала. Подошли ещё двое и унесли её внутрь баржи. Потом из фургона полетело следующее тело, потом следующее...

Очнулась новая партия девчонок в трюме. Все голые, привязанные за одну руку к спинкам кроватей. Кроме них, там было ещё десять таких же надеявшихся быстро заработать. У каждой рядом с кроватью таз и кувшин с водой из канала. Хочешь – пей, хочешь – мойся, хочешь – мочись туда. Что хочешь, то и делай! Не успели очухаться – в трюм вваливаются человек двадцать мужиков. Не охранники. Одеты по-разному. Видимо, местные рабочие или эмигранты. Многие по-русски говорят, но плохо. И понеслось...

Отбиваться бессмысленно, да и невозможно. Все позиции продуманы и просчитаны, привязанную руку меняют каждые три часа, тазы выносят, воды в кувшины доливают. Иногда на ночь женщин накрывали грязными простынями. Утром всё «по новой». В день таких заходов было по четыре-пять. Это приносило владельцам «предприятия» доход в пять тысяч долларов за сутки. Сто пятьдесят в месяц и только с одной баржи, которая никуда не плывёт! Сколько их тут в округе: арабов, негров, рабочих из Азии? Женщин на всех хватит.

Маша всё поняла ещё там, в Польше, когда увидела фургон. Главное было узнать, где они находятся? Что будет с ними потом? Ведь ясно, что они живые свидетели похищения и рабства в центре цивилизованной Европы. От них потом нужно как-то избавляться. Но как? При всём своём воображении Маша не могла придумать счастливую концовку. Оставалось ждать. Мучиться и ждать. Кто сопротивлялся и мешал удовлетворять естественные потребности, того нещадно били. Сначала при всех, в следующий раз выносили наружу. Там тоже долго слышались крики несчастной, но, в конце концов, они куда-то удалялись. На освободившемся месте появлялась новенькая. После первых же избиений сразу объявились желающие докладывать охране о любых попытках побега.

У Марии ещё от матери была привычка носить тоненькую тряпочку на шее, типа украшения. Её не сорвали. Даже

не заметили. А там, в этой тряпке, был кармашек с иголкой и ниткой, причём, нитка размечена узелками на куски по двадцать сантиметров.

Подходил к концу целый месяц мучений. Она уже поняла, что сделают с ними потом. Больше месяца не выдерживали, заболевали. И чтобы избежать заражения, девушек просто увозили и, видимо, где-то топили в канале. Мария научилась заманивать из каждой партии того, кто ей казался почище. Это хоть как-то уменьшало риск заболеть. Пока всё проходило благополучно, если здесь вообще уместно такое слово.

Однажды она упросила очередного мужика перенести её на другую, свободную кровать, рядом с иллюминатором. Тот долго мучился, пока отвязывал её, потом привязывал, но теперь Маша была совсем рядом со светом и могла видеть, что творится снаружи. Ночью она замерила ниткой диаметр отверстия иллюминатора. Здорово! Она точно пролезет. Нужно совсем немного: знать, что там за окном? Куда идти и в чём?

Всё предстояло делать немедленно. Ещё не ясно, как отнесутся местные охранники к тому, что её перенесли на другую кровать. Маша начала иголкой рвать верёвку на левой руке. Осторожно, медленно, нитку за ниткой. Через два часа ей стало достаточно рвануть рукой, и верёвка развалилась на кусочки. Той же иглой она принялась рвать матрац на полосы, потом сшила кое-как трусы и майку. Нитка закончилась на последнем шве.

Внутри баржи было темно. Охранник вышел из трюма, наверное, в туалет. Маша медленно, ни с кем словом не перемолвившись, потянулась рукой к иллюминатору, повернула шпингалет, и спасительное окно наружу раскрылось. Она приподнялась на цыпочки, потом наступила на край тумбы с канатами и вылезла по пояс в иллюминатор. Осталось только соскользнуть вниз, цепляясь руками за шершавый некрашеный борт.

Начиналось первое мая. Праздник солидарности трудящихся всей планеты. Трещали сверчки и квакали лягушки, было очень много комаров. Надо же! Она совсем их не чувствовала там, внутри клоаки. А здесь, на свободе, они сразу стали мешать, жужжать, кусать и преследовать.

К отделению полиции Мария Нелидова добиралась наугад, через парк, по тропинкам из мелкого гравия. Тут и там попадались тускло светящиеся экономные фонари. Босые ноги все исколоты острыми мелкими камушками. Крови не видно, но царапины испещрили ступни. Всё тело болело. В парке, по которому пришлось идти, время от времени ей попадались мужчины и женщины, блуждающие в каких-то умопомрачительных одеждах или в накидках из перьев тропических птиц. В руках они несли бумажные вертушки оранжевого цвета. На раскрашенных лицах читалось полное безразличие. То ли напились, то ли обкурились. Некоторые прямо тут же справляли нужду. Маша, босая, растрёпанная, в своих полосатых трусиках и майке, похожая на узника концлагеря, почти ничем не выделялась на фоне этого праздника «Первомая». Длинные голландцы, будто клоуны на ходулях, смотрели на неё сверху вниз. Всем было на всех наплевать.

К утру, за кромкой редких деревьев, наконец-то стали мелькать каменные дома с высокими крышами, проезжали редкие машины. Прямо около парка стояло одноэтажное здание. Его окна светились жёлтым цветом, рядом много машин с длинными мигалками поперёк всей крыши кузова и со словом “Politie” на дверях. Маша остановилась. Ей хотелось ворваться внутрь, упасть на пол и закричать. Закричать изо всех сил, колотя руками по полу. Последние деревья небольшого сквера ещё отделяли её от полицейского участка. Она уже собралась выходить из-за укрытия, как рядом с входом резко затормозил знакомый обшарпанный микроавтобус-развалюха. Из него выскочили трое охранников в чёрном. Уверенно, как к себе домой, они вошли в отделение полиции. Маша напряглась и попятилась назад, потом повернулась и со всех ног бросилась прочь.

Вчера в Нидерландах праздновали День рождения королевы. Сегодня 1 Мая. А что завтра? У Марии в голове была только одна мысль – добежать бы до людей и свалиться на пол где-нибудь... Хоть в магазине, хоть...

14.

При проходе из Сухумской бухты в открытое море торпедный катер, которым командовал Дворский, был обстрелян грузинскими военными кораблями. Судно сильно повредили, пять человек из команды погибли после первого же попадания, загорелась рулевая рубка, из машинного отделения повалил густой бурый дым. Грузины, видимо, сочли российский корабль уничтоженным и преследование прекратили. Воспользовавшись завесой из дыма, катер скрылся за мысом. Команда и спасённые из уничтоженной баржи пассажиры покинули его, когда он был практически затоплен. Люди добирались до берега, кто, как мог: на плоту, со спасательным кругом, просто вплавь. У самой границы с Россией двое матросов подорвались на мине. Взрывом достало и Михаила – контузило и повредило левую руку: была сломана кость и перебиты сухожилия. Только спустя неделю оставшиеся в живых оказались в Сочи. Дворского и ещё двоих матросов поместили в окружной клинический госпиталь. А там, несмотря на ранение, следователь военной прокуратуры ещё долго и безрезультатно допытывался, почему это их катер потоплен около Сухуми, в то время, как все остальные суда были сосредоточены вблизи Гагр.

Баржу, на которой спасалась Лена, буксир благополучно доставил к плавучему госпиталю «Енисей». Около большого корабля грузины не осмеливались появляться. Вскоре, уже в Ленинграде, Лена родила. Случилось это на полтора месяца раньше положенного срока. Ребёнок потом долго лежал в барокамере клиники имени доктора Отта, но всё равно умер.

Ничего опасного в ранении Михаила не было. Контузия прошла через месяц. Но резко ухудшилось зрение. Рука цела, только медленно срасталась кость, и пальцы не слушались, указательный вообще ничего не чувствовал. Но ходить-то Дворский мог, звонить, писать – тоже. Как только представилась возможность, он позвонил матери в Ленинград. Михаил пожалел её и ничего не рассказал про своё ранение, зато она поведала ему о том, что Елена у себя дома, «на Апрашке», что она родила, но ребёнок вскоре умер.

«Что делать в таких случаях? – мучительно размышлял Дворский. – Писать письма и утешать или звонить по телефону и опять-таки утешать?» Совсем недавно, месяц-другой назад, Дворский такие вопросы себе не задавал, а, сломя голову, бежал по захваченному грузинами городу в поисках своей Ленки. Он прекрасно понимал, что Алексей, командир катера, нарушает приказ, отправляясь из района Гагр в Сухуми спасать свою семью. Но там была его Лена, и он сразу согласился со своим командиром.

Дворский позвонил жене домой. Никто не подошёл к телефону. Он звонил ещё и ещё, пока вдруг в его голове не утвердилась одна простая мысль. Всё! Ушла. Совсем ушла... Свободный человек. Муж, хрен знает где, бросил её одну в этой бойне. Ребёнка нет... Он ещё долго потом мусолил все эти аргументы, пытаясь самому себе внушить тяжёлое, но и самое простое для него решение. «Определённость, какая бы она ни была трагическая, – всегда лучше!»

Михаил, при всей своей прозорливости в науке, не мог даже представить, что Лена просто выключила телефон и никого не хочет и не может слышать. Никого! Не какого-нибудь конкретного человека, а всех людей на свете. Прошло два месяца после смерти девочки – у неё депрессия, и она не выходит из дома. Питается, изредка открывая себе какие-нибудь консервы, заготовленные ещё три года назад. Лена искала своего мужа. Но в академии никто ничего не знал про капитана Дворского. Тогда в Сухуми и в Гаграх многие пропали без вести. И только ещё через два месяца Елене сообщили о ранении мужа.

Встретились они в феврале 93-го. Михаил пришёл к ней, в маленькую однокомнатную квартирку, доставшуюся от матери. Там, как всегда, не хватало света, жилье находилось на первом этаже старого флигеля, что стоял в петербургском дворе-«колодце» между Садовой улицей и набережной реки Фонтанки. Открыв дверь, Лена в первый миг не узнала своего Мишку, так он изменился за эти страшные месяцы: в запотевших очках, в каком-то странном чёрном пальто, сверху запорошенном снегом, и в такой же белой от снега вязаной лыжной шапке. Ещё эти хризантемы... Они мгно-

венно и больно ударили воспоминаниями. Такие же белые шапки цветов были за окном там, где мимо неё стремглав пронеслась смерть. И там, где она прикоснулась к её ребёнку – близкому, беззащитному, маленькому человечку. Теперь всё это навсегда осталось в её сознании и в её душе.

Не произнеся ни слова, она сделала шаг вперед, упала к Михаилу на грудь и громко зарыдала. Дворский успел подхватить жену, букет цветов выпал из его левой руки, повреждённой осколком мины, и круглые шапки нежных хризантем теперь валялись под их ногами. Они так и стояли на лестничной площадке перед открытой дверью, молча и обнявшись. Тёплые Ленкины слёзы капали на заснеженное пальто её мужа, оставляя на нём чёрные кривые разводы. Будто это сами слёзы стали такими страшными от того, что долго копились в ней и ждали какого-то разрешения. Она не плакала там, в Абхазии, находясь на волосок от смерти, не проронила ни слезинки после того, как похоронила ребенка. И это не было какой-то необъяснимой твёрдостью духа или бессердечностью. Просто она, как затравленный зверёк, забилась в воображаемый угол и со страхом озиралась по сторонам. Оставались только постоянная ненависть, не всегда понятная, к кому или к чему, да мгновенно сменяющие друг друга жуткая тревога и полная апатия ко всему. Эти быстрые необъяснимые изменения вызывали боль. Но они же удерживали слёзы. И вот теперь можно. Перед ней стоял единственный человек, которому эти слезы не безразличны, который всё поймет без слов.

И они опять были вместе.

Пять месяцев пронеслись незаметно – время полного отсутствия денег. Казалось, что их нет нигде. Во всей стране не хватало наличности. Её привозили на вертолётах туда, где начинались бунты. Работы тоже не было. Врача с дипломом Медицинской академии никуда в городе не брали. Разве только где-нибудь в области... А учёного – тем более. С ними вообще каши не сваришь, люди не практичные. Вокруг один сплошной бизнес. Народ что-то продавал, покупал, опять продавал... Но продавать свои умения и знания ещё не научились. Покупать, кстати, тоже. Дворский, молодой офицер, учёный, врач, потерял всё, к чему стремился, о чём мечтал с самого детства: воинское звание, профессию врача, любимую работу...

В первое время каждую неделю они навещали могилку своего ребёнка на Смоленском кладбище. Там Михаил всегда выпивал полстаканчика принесённого откуда-то чистого медицинского спирта. Просто так, молча, ничем не закусывая. Через два месяца спирт кончился, да и купить его было уже не на что. Что делать – он не знал, где взять деньги – тоже. Приятелей в академии не осталось, все разбрелись кто куда, лабораторию закрыли.

Советские привычки – к празднику, несмотря ни на что, иметь заполненный продуктами холодильник – постепенно выветривались. Семейные отношения обрастали нерешаемыми бытовыми проблемами, вечера неотвратимо заканчивались ссорами, криками и обидами.

В тот день была годовщина со дня смерти их девочки. Рано утром они побывали на её могилке, убрали уже начинающую желтеть траву, сухие ветки, упавшие с сосны, маленькими грабельками взрыхлили песок, покрыли венок полиэтиленом на зиму. Михаил как никогда трезв и предупредителен. Тем не менее, они не проронили ни слова. Просто посидели на скамеечке, одновременно встали и отправились каждый по своим делам. Лена на фабрику, а Дворский...

Сегодня он задумал приятно удивить свою жену. Вернулся домой и стал готовиться к её приходу. Заварил свежий чай, не в пакетиках, а в чайнике, по всем канонам искусства чаепития. Налил себе в стакан попробовать. Насыпал в одну вазу ванильные сушки, а в другую конфеты – грецкий орех в шоколаде, единственное, что осталось у Лены после Абхазии.

15.

В конце 92-го везде начались сокращения. Казалось, что этот всепоглощающий процесс неостановим, и ему не важно, в какие организации

проникать: государственные, частные, кооперативные или какие другие. Отдел по борьбе с экономическими преступлениями не стал исключением. Здесь были свои «сокращения». Одного за другим освобождали подследственных. Возможно, пришла такая команда, но с деньгами Максимова разбираться не стали, а его самого выпустили. Да и амнистия в связи с безвременной кончиной страны как раз вовремя подоспела.

За полгода, пока Академик сидел в «Крестах», а потом в СИЗО на улице Лебедева, хозяйство «Фармы» было растащено, люди разбежались, побросав свои трудовые книжки, а ещё через три месяца компании не стало вовсе.

«Виноват, не виноват? – рассказывал потом Леонид Александрович, – это всё философия. У них называется: рассмотреть вопрос по существу. Но кто же им позволит копошиться в деталях! Важно так: „Закрыть – открыть“. Своеобразный двоичный алгоритм Евклида для быстрого поиска решения в любой ситуации. – Потом Максимов, махнув рукой на свои чересчур умные мысли, переходил к самому главному из того, что он вынес из этой истории: – Лучше выйти скорее на волю да свалить куда подальше. И не дай, Господи, ещё раз замыслить инициативу какую-то. Все люди, как люди, – терпеливо ждут. Ведь вышло же постановление для всех одинаковое. И про акционерные общества, и про всякое другое. Нельзя наперёд батьки... Нехорошо это. Один раз сделал не так, как учили у Королёва... „Кто первый не выдержит, тот и крайний“. И вот, результат!»

В Военно-медицинской академии из-за отсутствия финансирования первыми увольняли молодых. Пока Дворский лежал в госпитале в Сочи, Виктора Завьялова демобилизовали одновременно с Вячеславом Добросердовым. Поначалу приятели держались вместе, но со временем каждый стал спасаться, как может. Добросердова в Питере ничего не держало, и он вернулся на родину, к родителям в Липецк. Там помыкался месяца три, встретил школьных друзей, тоже комсомольских активистов, и с ними за компанию пристроился в департамент здравоохранения администрации города. Но так просто, за здорово живёшь, к бюджетным деньгам не подпускали. Пришлось Вячеславу брать на себя ответственность и подписывать липовые договоры. Что подсовывали, то и подписывал. Имел за это предостаточно, но и нервы гробил каждый день. В любой момент могли арестовать «за превышение должностных полномочий» или «за взяточничество». Конечно, если захотели бы. Пока, видимо, не хотели.

Виктор жил вместе с женой и сыном в районе «Шувалово – Озерки» на улице Хо Ши Мина в трёхкомнатной кооперативной квартире нового дома 137-й серии. Квартиру им купили родители Виктора. Жена не работала с тех пор, как родился ребёнок. Теперь их сын уже вырос и учился в пятом классе. Первое время, после увольнения Завьялова из лаборатории, жили на то, что продавали из мебели и книг. Денег не хватало. По нескольку месяцев не платили за квартиру. Уезжать куда-нибудь, где нужны врачи, не хотелось – здесь квартира.

Через полгода бывший военный медик устроился в ресторан петь песни и играть на гитаре. У него это всегда получалось – душа любой компании! Когда наступал перерыв в выступлении какой-то группы, он выходил на маленькую сцену один, в джинсах и красной сорочке, расстегнутой сверху на две пуговицы, так что на шее была видна цепочка с крестом, и пел приятным голосом чуть с хрипотцой.

Эх, загу-загу-загулял, загулял,
Парень молодой, молодой.
В красной, эх, рубашоночке,
Хорошенький такой...

Низкий, бархатный голос Завьялова так и дышал уверенностью. Он интриговал и манил своей таинственностью. Низким голосом нельзя говорить торопливо или громко. Виктор это знал, поэтому слова песни всегда звучали плавно и размеренно. Женщины ему долго аплодировали.

За это кормили. Что-то удавалось принести домой, но денег всё равно не было.

Жена Завьялова попробовала вернуться на свою прежнюю работу, но вскоре поняла, что за десять лет оконча-

тельно отвыкла от этого занятия. Рано вставать, восемь остановок трястись на автобусе, потом сорок минут толкаться в метро, точно ко времени приходить, там ничего не делать, а потом тем же способом точно ко времени возвращаться домой. Зарплата – меньше не придумаешь! Ребёнок шляется на улице неприкаянный. Возраст такой, что только и смотри: либо бандиты к себе заберут, либо к наркотикам пристрастится.

«Лучше уж дома подыхать с голоду!» – говорила жена Виктору, всё время подталкивая его к чему-нибудь стоящему. Чтобы сразу и много!

Долго ждать не пришлось. Завьялов, всегда открытый, искренний и податливый на уговоры, влез в бизнес. Он лишь чуть-чуть прикоснулся к этой стороне жизни. Вернее, это был даже не бизнес, а так: вложиться – не пойми, во что, ждать прибыль – не пойми от кого. Самое тупое и убийственное, что только мог придумать бывший советский офицер на заре становления рыночной экономики.

Конечно, чем больше вложил, тем больше потом получишь. Уж это-то Виктор понимал. Поэтому он «подогнал» к проекту ещё парочку таких же олухов. Те тоже заложили свои квартиры, получили кредит банка... и выкинули его в «два нуля». Один из Витькиных приятелей ещё пытался хоть что-нибудь узнать про человека, который активно собирал деньги на покупку большой партии сигарет и доставку её кораблём из Франции в Питер.

– Ты, что! Это мой друг, – с обидой в голосе говорил Виктор, вместо того чтобы попросить копию паспорта у этого своего друга-предпринимателя.

Убедил-таки. Дали свои кровные все трое. Дальше всё по букварю. Корабля нет, друга детства нет, денег, разумеется, – тоже. Банк забрал квартиры горе-бизнесменов, продал их за деньги, меньшие, чем залоговая сумма. Посему господа-предприниматели оказались без квартир, да ещё и должниками перед банком.

От такого впору выпрыгнуть в окно. Но офицеры крепкие ребята! А вот у жены Завьялова как-то сразу обнаружился рак, да и сын тоже почему-то тотчас попал в милицию за распространение наркотиков. Теперь живут порознь. Жена – на Лиговке, в коммуналке, с родителями. Сын школу бросил. Где живёт? Никто не знает. Витька Завьялов, «в красной рубашоночке, хорошенький такой», ночует у друзей. Благо, что у него их ещё много оставалось.

Тем не менее, такие, которым нечего больше терять, часто бывают весьма востребованными. Бывшие сослуживцы, прыткие и те, что понаходчивее, Завьялова быстренько высчитали, сыскали и вовремя «имплантировали» в только что созданную организацию в качестве прокладки между деньгами и теми, для кого они предназначались. Это самостоятельное государственное учреждение, которое должно собирать страховые взносы на обязательное медицинское страхование населения, а потом контролировать объём и качество медицинской помощи. Ну, а Завьялов – вроде как, пушечное мясо, исполнительный директор всего этого хозяйства.

Денег – очень много! И главное, их ведь нужно суметь сохранить и приумножить на благо заболевшего вдруг населения. Это Витька-то Завьялов? И сохранить! Но официальный смысл – лишь полдела. Важнее, где сохранить и как приумножить? А вот тут уже начинается то, для чего его собственно и искали – беспредел. Хочет один, а получает другой. Что в итоге? Выстрел или удар по голове дубиной!

16.

В тот день, в годовщину смерти дочери, Лена вошла в квартиру поздно вечером и неожиданно бросила строгий взгляд на мужа, потом на недопитый стакан с чаем на столе, уверенно прошла мимо кухни в комнату, переоделась и снова вернулась на кухню. Она явилась в старом халате и в стоптанных тапочках на босу ногу, под халатом виднелась тельняшка.

Начался неприятный, хотя и давно назревший разговор. Вопросы сыпались из неё, как будто заранее заготовленные и отточенные. Они били Михаила наотмашь.

Почему они так живут? Почему он не вернулся за ней тогда, в августе прошлого года? Почему так долго не давал о себе вестей? За полгода в госпитале – ни звука. Может, думал, некому сообщать? Потонула, мол, в сухумской бухте?

Одни вопросы. Ответов на них не было. Да Лена их и не ждала. Она с самого начала предчувствовала последствия такой атаки. Тем не менее, не вытерпела и выплеснула на Михаила всё, что накопилось в её душе за последний год. Но начала она с самого простого и до боли очевидного. На столе стоял стакан с тёмной жидкостью. «Коньяк!» – мгновенно среагировала Лена.

– Обязательно пить дома? Обязательно? Я спрашиваю... Это мне назло? Я знаю, ты меня ненавидишь! Ты хочешь, чтобы мне было хуже. – Елена говорила быстро, как-то отрешённо, будто стене. Она смотрела на этот злополучный стакан, и он её заводил всё больше и больше. – Ты всегда поддатый. Каждый божий день! Откуда только деньги берёшь? – Лена неуклюже похлопала ладонями по карманам халата, будто проверяя, на месте ли её скудные сбережения. – Дома пустой холодильник, квартплату не с чего платить, цветов не купить на могилку. А он пьёт и пьёт, пьёт и пьёт... Коньяк уже стал жрать... – Она вдруг затихла, повернула голову в сторону Михаила и, как бы останавливая рукой его возражения, спокойным голосом закончила: – Ты же врач! Неужели сейчас не нужны врачи? Что, никто не болеет? Может, поискать?

– Выходит – не нужны. В Тихвине вот... там ещё зовут. Но денег и там нет, – оправдывался Дворский.

Лена не могла понять, как можно пять месяцев ничего не делать, а только переживать это «ничегонеделание». Ведь она всё-таки получает зарплату кадровика на трикотажной фабрике. Пусть копейки, пусть не платят по несколько месяцев, пусть зарплату через раз выдают тельняшками... Но всё-таки есть хоть какое-то чувство, что тебе должны. Если нигде не работать, то скоро можно всё продать: утюг, чайник, книги, посуду, носки шерстяные... Она напряженно вспоминала, что ещё видела сегодня в длиннющей очереди старух около метро «Площадь Мира», и никак не могла вспомнить. Какие-то инструменты... А! Напильник... Лена повернулась спиной к мужу и тихо проговорила:

– А если бы не было этой квартиры? – Она начала всхлипывать, будто плакала, но слёз не было. – Тогда что? Куда б ты отправился?

Не прося и не ожидая от мужа ответа, она вдруг стала спокойной и рассудительной. Как будто только начали разговор и теперь обсуждают обычные житейские вопросы.

– Может, переберёмся в Сосновую Поляну, а эту сдадим?

– Может...

Своими ответами и репликами невпопад, каждым своим словом Михаил только усугублял обстановку, продолжая мямлить себе под нос: «Не знаю», «Может быть». Чтобы вырваться из нищеты, нужно было иметь деньги и способность идти на риск. Порочный круг! Дворский не имел ни того, ни другого.

– Ленка, к-кончай меня доставать! Делай как знаешь. Я со всем согласен. Только, ты же знаешь, как м-м-мама...

– Опять мама! Да я замок поменяю. Вот и всё, что я знаю!

– Что «всё»? Что «всё-то»?

– То и всё! В квартиру не попадёшь, Мишенька. Неужели непонятно? Или совсем мозги пропил? Вот представь себе, вот представь: ты приходишь вечером из пивбара твоего, вынимаешь из кармана ключ... Представил? Я тебя спрашиваю: представил? – Лена даже крикнула, схватила стакан с недопитым чаем и с силой швырнула его на пол. Чай забрызгал светло-зелёные обои, а стёкла разлетелись по сторонам маленькой кухни. – В-о-о-т! – успокоилась Елена, увидев, как её муж сразу же счёл за благо в ответ на пустяковый вопрос кивнуть головой. – Начинаешь тыкать им в дверь. Получается? Я спрашиваю тебя: получается? Ни черта у тебя не получается – замок-то я заменила. Придётся тебе к маменьке своей ползти на четвереньках. Пусть держит тебя у своей юбки. Она же только об этом и мечтает!

– Ленок! Зачем ты так говоришь? Т-ты ведь этого не сделаешь?

– Па́чему? – Лена, произнося слово так, как это делали все в Абхазии, с ударением на первый слог, развела руки в

стороны и всем своим видом сыграла искреннее удивление.

– Потому. П-п-потому, что я твой м-муж! – Михаил тихо, будто стесняясь, произнёс эти обычные слова.

– Дверь-то, каким боком с этим связана? – Лена ещё долго продолжала развивать внезапно подвернувшуюся идею с заменой замка.

Михаил не находил, как реагировать на столь глупую затею жены. Он потоптался немного в узеньком коридорчике и решил пуститься в прошлое и будущее одновременно.

– Ну, подожди... Ленок. П-послушай. Не всегда же так будет. Я соберу всех разбежавшихся курсантов, Витьку Завьялова, Добросердова, всю лабораторию соберу и, ей-Богу, что-нибудь с-сварганю...

– Вот именно! Хоть сваргань, хоть заработай... а лучше вообще молчи. Всё, что ни скажешь – всё чушь и враньё!

– Ты... ты же не такая...

– Сами люди не меняются.

– Ты же з-знаешь, что всё зависит от того, как относиться к-к-к происходящему.

Дворский, всегда тонко чувствующий настроения окружающих его людей, будто по чьей-то злой воле вдруг потерял способность слышать свою жену. Ему бы хоть немного чутья! А он вдруг перешёл на отвлечённый разговор и лирические воспоминания.

– Счастье зависит только от нас двоих. Только от нас! А не от каких-то там обстоятельств. П-помнишь, в Таллине? Там мы это п-понимали...

– Что мы там такого особенного понимали? Ты даже унитазом не понимал, как пользоваться! В жизни гвоздя не забил так, чтобы не ударить молотком по пальцам. Ты смотри, что сейчас? Что сию минуту? Осталось ли что? От тебя, Мишенька, муженёк ты мой ненаглядный, – Лена сказала это громко и уверенно, с издёвкой в голосе, – не осталось ни-че-го! Ты даже о ребёнке не вспомнил...

Лена вдруг остановилась, глубоко вдохнула, будто захлебнулась потоком своих же криков, словно помешанная, сложила руки так, будто держит младенца, стала целовать «его» и гладить ладонью. Был слышен только какой-то шепот или пение...

– Я на могилке нашей девочки сидела... и не могла уйти. Ждала, когда она меня с собой заберёт... А она всё не забирала и не забирала...

Через секунду её лицо исказилось в гримасе, она заорала, тряся руками над головой Михаила.

– Не смотри на меня! – она ударила его по глазам и оттолкнула от себя. Слетевшие очки упали на пол и разбились. Михаил нагнулся и, стоя на коленях, шарил рукой по полу, пытаясь найти и собрать осколки.

В комнате зазвонил телефон. Лена повернулась, быстрым движением толкнула ногой поднимающегося с пола мужа и попыталась протиснуться между ним и стеной узкого коридора. Михаил снова оказался на четвереньках, но сразу же поднялся. На мгновение их лица оказались совсем рядом. На Дворского в упор смотрели холодные серые глаза, полные отвращения, а язвительная ухмылка завершала беззвучный монолог.

Лена сняла трубку и елейным голоском принялась рассуждать с кем-то о том, куда лучше поехать в Павловск или Пушкин?

Почти четверть века они знакомы, ещё с первого класса. И всё равно. Когда что-то не понять или не объяснить в поведении другого человека, почти всегда наступает черёд предрассудков, зависимость от пустяка и поверхностных эмоций. Они копятся где-то глубоко в сердце, потом закипают, будто в чёртовом котле, и уж после их не остановить. Особенно если это происходит на фоне отсутствия денег и перспектив.

Михаил стоял в коридоре и молчал. Не осознавая, что делает, он снял с вешалки своё чёрное пальто, в котором вернулся к жене ещё в феврале, после госпиталя, отворил и тихо затворил за собой дверь.

Часть II

1.

Прошло три месяца с того дня, когда Михаил навсегда ушёл от Лены. Они встречались ещё дважды, но всякий раз случайно. В декабре развелись.

Дворский, как и раньше, убивал время с приятелями в подвальчике пивбара напротив Таврического сада. Сегодня провожали старый год и пили уже третий час. Отставные морские офицеры уничтожали «Балтику», солёно-сушёные снетки и трепались о деньгах, наверняка существовавших, но где-то в другом измерении. Один поведал о жутких финансовых проблемах Завьялова, другой о разбогатевшем вдруг Добросердове, третий рассказал совсем свежую новость. Оказывается, их бывшего комсомольского вожака тут же и обокрали, – крысы сожрали все его доллары, закопанные в гараже. Смеялись от души. А Михаил молчал и только пил, пил, пил... и ещё пытался думать о своём.

В углу сильно прокуренного помещения за кружкой «Мартовского» сидел молодой брюнет. Он что-то строчил в большом блокноте и часто нервно нажимал на кнопку на верху авторучки. Стержень то исчезал, то вновь появлялся на кончике металлического «Паркера», будто сомневался: «Вот сейчас нужен я или стоит появиться чуть позже, когда хозяин наконец-то придумает, что написать?» Михаил увидел мужчину и почувствовал что-то знакомое в его фигуре и манере играть с авторучкой.

Это был Малкин. Леонид первым заметил и сразу узнал партнёра по командировке в Тель-Авив, встал и подошёл к столу, где общались отставники. Он остановился напротив Дворского, расплывшегося в бессмысленной улыбке. Не стал напрягать его память и чтобы не мешать тёплой компании бывших сослуживцев, просто вложил визитку в нагрудный карман пиджака Михаила. Потом повернулся и, не спеша, направился к своей кружке пива.

Прошёл ещё месяц, потом другой. Всё это время Дворский жил у матери в Сосновой Поляне. Анна Яковлевна сильно за него переживала, пыталась успокоить, по-женски мягко подталкивала своего сына к трудному, болезненному, но необходимому поиску своего места в новой жизни.

В один прекрасный день без видимых причин Михаил вдруг прекратил пить, стал активным и рассудительным. Его комната вновь, как в прежние времена, была завалена новыми, откуда-то взявшимися журналами по биологии и фармацевтике, старыми блокнотами с протоколами испытаний. Он вернулся к своим идеям, стал обдумывать новые эксперименты. Правда, ни во что конструктивное и приносящее деньги это не превращалось. Тогда Михаил вспомнил о Малкине, отыскал его визитку и позвонил.

Встреча старых знакомых была короткой. Деловито, без лишних эмоций Леонид предложил Дворскому два дела. Во-первых, восстановить связи с зарубежными учёными, собрать основных сотрудников разбежавшейся «Фармы» и начать поиск новой производственной базы. Ведь всё, что имелось когда-то в компании Академика, испарилось, как лёгкий дымок от сигареты.

Одновременно Михаилу предстояло вместе с Малкиным помогать владельцам бизнеса, у которых из-за накопившихся проблем во взаимоотношениях всё начинало рушиться. Они дозревали до понимания своего конфликта и обращались за помощью к академику Максимову. Многие помнили о нём, знали его историю, сочувствовали, и, хоть он и проживал теперь далеко, под Амстердамом, но для них оставался безупречным арбитром и посредником.

Малкин позвал к себе Михаила совсем не из жалости. Он нуждался в партнёре. Бывший шеф сбрасывал ему всё больше и больше совсем конкретных задач. Требовались обстоятельность и расчётливость Дворского. Работа бесплатная – деньги только в самом конце. Иначе никто не поверит в их советы. Малкин и Дворский не просто консультанты, а вроде как партнёры, тоже рискуют, тратя время и увязывая в единую команду совершенно не похожих друг на друга участников проекта.

Все эти люди – предприниматели. Они умели создавать газеты, выплавлять металл, добывать нефть, наконец, делать из денег деньги, но вытащить себя за волосы из болота конфликтных взаимоотношений – это вряд ли! Даже, если им разложить по полочкам и расписать пункт за пунктом то, что нужно делать, – ничего не получится!

Владельцы проблемного бизнеса восхищались работой Малкина и Дворского. Но только пока их умения направлялись против общего противника. Когда же возобновлялся привычный, систематический процесс извлечения прибыли, эти, только что так нужные люди, отторгались. Они становились опасными, потому что при желании запросто могли прибрать себе всё управление компанией.

Со временем Михаил свыкся с новой, непривычной для него ролью медиатора, фасилитатора и модератора одновременно. Не сказать, чтобы это занятие его радовало. Он и слова-то такие не сразу выучил. Ему бы потрепаться с коллегами по биохимии, а не мучиться с горе-бизнесменами. С превеликим удовольствием Дворский променял бы каждодневные стрессы от общения со сплошь эгоцентричными натурами на радость созерцания хотя бы одного умного эксперимента.

Но, если ничего другого нет...

Через год он уже начал понимать, что такое управление кризисным проектом. Как в условиях полной неопределённости организовать взаимодействие между его участниками. Осознал свою способность чувствовать малейшие отклонения в этих отношениях и, что самое сложное, научился их исправлять. Осталось совсем немного – взять на себя ответственность за все принимаемые решения. То есть, стать руководителем.

А вот тут-то Михаил совсем не годился. Кроме тщательности и точности расчёта, нужна была интуиция и умение ждать. Ждать, когда клиент всё поймёт и почти самостоятельно примет для себя важное решение. Ждать того момента, когда враг сделает неправильный ход. Ждать, когда отхлынут волны, проблема обнажится и предстанет перед всеми чистенькой, как галька, без наносного ила всяких резко пахнущих, но совсем не важных наслоений. Для этого годился Малкин.

У Малкина было золотое правило: ни шагу вперёд без разведки! Сначала информация – потом действие. Поэтому у него всюду были свои люди, знакомые, знакомые знакомых, агенты, внедрённые на работу практически в любые структуры. Главное, он имел редкую возможность – доступ к зарубежным базам данных, закрытых тогда из-за эмбарго Запада. Сведения по его запросу поступали в Питер через израильскую компанию «Маркетинг-бизнес-интеллидженс».

О существовании этого канала обхода инструкций, придуманных странами Запада для контроля над экспортом в СССР, тогда мало кто знал – только сам Малкин и ещё Спивак, который и свёл Леонида с владельцем информационной фирмы. Рекламы, конечно, никакой не было. Клиенты приходили только «по наводке», в основном, «силовики», криминалитет и ещё «денежные придурки» – те, что оказались в нужном месте и в нужное время, отхватили куш и теперь не знали, что с ним делать. Они появлялись неожиданно, без звонка.

Сегодня на входе в офис информационной фирмы с непривычно нежным названием «Колокольчик» обозначился молодой парень, в дублёнке, без шапки, коротко стриженный и опирающийся на костыли под мышками. Он медленно проковылял по узкому коридору и очутился в кабинете, где обычно восседал Леонид. «Пришелец», не то бандит, не то бизнесмен, точно произнёс парольные слова и назвался Игнатом.

2.

Майским утром в Амстердаме быстро становится светло. В это время на окраине города почти нет людей. Редкий автомобиль проскочит под мигающий светофор, где-то в стороне бесшумно проскользнёт пустой трамвайчик, по специальной тропинке проедет велосипедист с сумкой на багажнике. Владельцы маленьких магазинчиков поднимают тяжёлые металлические жалюзи, открывая красочные витрины с едой, одеждой, всякой бытовой техникой, беспорядочно расставленной на подсвеченных стеллажах.

После первой неудачи с местной полицией Мария Нелидова долго не могла прийти в себя. Она закрылась в уличной кабине с писсуаром, погасила свет и, трясясь то ли от холода, то ли от страха, наверное, впервые остро почувствовала свою беспомощность. Что делать дальше? Куда идти? К кому? Ей было ясно, что придя в магазин или в чей-то дом, она сильно рискует. Языка не знает, без документов, одежды, и той нет. Её просто не поймут или того хуже – подумают, что специально так нарядилась, чтобы еду просить. В полиции, конечно, её оставят и наверняка посадят в отстойник за решёткой. Потом разберутся, а может, и вытолкают в три шеи, чтобы не заниматься нелегальным эмигрантом. А вдруг вообще все связаны одной верёвочкой, как в том отделении у парка...

Самое противное было то, что уходило драгоценное время. Гады могли запросто смыться вместе со своей баржей. Ведь те, которых она видела около здания полиции, мелькали не просто так – наверняка, забили тревогу и сейчас ищут её по всему городу.

Мария только сегодня ночью, пробираясь сквозь парк, поняла, что она не в Польше и даже не в Германии, а в Голландии. Она и английского-то не знала совсем, а уж этого... Горланят, как лебеди – вообще ничего не понять. Ой, как правильно, что не сунулась в чей-то дом! Ей рассказывали, что в Голландии вообще не терпят никаких отклонений от нормы. Всё, что выделяется из ровного ряда, противопоказано. Везде и во всём. И в поведении, и в работе, и даже в незакрытых занавесками окнах всех жилых домов.

Но главное – другое. Перво-наперво нужно погасить жгучее желание немедленно наказать всех своих обидчиков. Так быстро это не делается! В чужой стране – тем более. А то расслабилась! Ещё ничего не кончилось. В любой момент найдут и поймают. Значит, что? Переждать! Затеряться где-нибудь... Одеться и только после этого отправляться искать справедливость. Одеться... и помыться. Помыться? Точно! Где у них тут баня?

Прихватив брошенную кем-то литровую пустую бутылку оранжевого цвета, Маша припустила босиком прямо по улице. Она бежала быстро и размахивала тарой из-под фанты, стараясь быть похожей на тех разукрашенных мужчин и женщин, которых совсем недавно видела в парке. Через два или три квартала на стене дома мелькнуло знакомое слово “sauna”. Его на любом языке узнаешь.

Было рано. Однако у «горластых» голландцев всё не как у людей, – вспомнила Мария, – в баню тоже, небось, ходят в любое время и в любой день.

Пробравшись сквозь высокий забор из колючих кустов барбариса, вся исцарапанная, она очутилась на площадке под открытым небом, где на длинной перекладине висели деревянные бочки с водой. Такие переворачиваются, стоит только потянуть на себя верёвочку. Всюду, как в саду, росли кусты можжевельника. Тропинки из плоского камня вели от забора прямо в зал, откуда на прохладный утренний воздух валили белые клубы пара. Нужно согреться и присмотреться, где что лежит. Понять, когда открылось это заведение, чтобы сообразить, когда из него смыться. Само помещение, где размещались парные, отделяла стеклянная дверь. Внутри ничего не видно – сплошной пар. Мария наконец-то сбросила с себя так выручившие её полосатые одеяния, на ощупь прошла в одну из комнат и очутилась в турецкой бане.

Человек пять, мужчины и женщины, голые, молча сидели на тёплых мраморных сидениях. На потолке светились маленькие синие лампочки, будто звёздное небо. У входа

на деревянных крючках висели белые простыни и разноцветные халаты. Марии так хотелось сразу же взять себе один, тёплый, махровый... Впервые за последний месяц хоть что-то на себя надеть, кроме тех самодельных полосатых трусиков и майки. Нет, нельзя! Рано. Она завернулась в чью-то простыню и прошла в другой зал, где в самом центре горел камин. Вокруг размещались лежаки с шерстяными, но мягкими, не кусающимися одеялами. Вдоль стены – стеклянные полки с фруктами, соками и различными салатами. Их можно было есть сколько угодно. Мария наелась досыта и улеглась спать. Дрова приятно потрескивали в камине, от него в разные стороны распространялось ласковое тепло. Она уснула мгновенно.

Часа через два, когда воспалённый мозг остыл, и можно было спокойно рассуждать, Мария проснулась и довольно быстро сообразила, что делать дальше. Украсть одежду и идти искать... легальных конкурентов той поганой баржи. Нужно с кем-нибудь поговорить в квартале «Красных фонарей». Им это дело будет выгодно. И потом ради имиджа, мол, борцы за честный бизнес...

Взять чужую одежду оказалось не просто. Железные шкафчики, где хранилось всё снятое с себя посетителями бани, закрывались с помощью магнитного ключа. Такой, будто маленькие часики, был на руке у каждого. Мало того, что этот ключ придётся с кого-нибудь снять, на выходе его нужно будет подносить к считывающему устройству. А там сразу определят, пользовался ли ты дополнительными платными услугами, например, посетил ресторан или массажный кабинет. И, если да, тогда придётся за всё расплачиваться. Не узнав всего набора уловок против воровства, можно было легко попасться, так и не начав никакой борьбы за торжество справедливости. Конечно, можно взломать чем-нибудь дверь шкафчика для одежды, но тогда придётся уходить тем же путём, через колючий забор... Марии этого не хотелось. Должно быть, изнежилась в тепле и чистоте. Да и лишний раз привлекать внимание не стоило.

Она побродила по коридорам, заглянула в массажный кабинет, в парикмахерскую, зашла в помещение без надписи на дверях. Маша оказалась в большой комнате со стеллажами вдоль стен и с одной дежурной лампочкой на потолке. Это был клондайк! Шампуни, гели, туалетная вода, косметика, махровые халаты любых расцветок... В углах, на обыкновенных металлический крючках висела чья-то одежда, видимо, работников бани. За корзинами с простынями и халатами виднелась ещё одна дверь. Маша осторожно приоткрыла её и увидела вестибюль бани, где посетители платили за вход, кодировали свои магнитные ключи и где размещались бутики с бельём и спортивной одеждой. Здесь можно запросто смешаться с праздно шатающимися голландцами, решившими наконец-то смыть с себя столь актуальные вчера праздничные оранжевые краски, густо покрывавшие их тела.

Надев на себя чужую одежду, прихватив по банке шампуня и геля для душа, Мария Нелидова уверенным шагом направилась к выходу, покинула баню и двинулась на поиски квартала «Красных фонарей». Она ни на минуту не сомневалась, что ей, совсем не знающей ни местного языка, ни английского, тем не менее, удастся всё рассказать и, главное, кого-то уговорить пойти вместе с ней полицию.

Маша разыскала самый большой публичный дом в Амстердаме. Это было не сложно. Все иностранные туристы только туда и шли. Вот и она вместе с ними оказалась на улице Де Валлен. Там, вдоль первого этажа, светилось несколько сотен красных окон. Но в них ещё никого не видно. В глубине квартала, на массивных деревянных дверях под аркой висела прикреплённая кнопками бумажка с одним словом на английском языке “Administration”. Мария вошла. Лестница, которая вела наверх, была настолько крутая, что нужно было подниматься, одновременно опираясь руками на следующие ступени. На втором этаже всего одна открытая настежь дверь. В накуренном помещении трое мужчин. Двое храпели на диванах прямо в одежде, один в очках и с длинными чёрными волосами сидел за столом и что-то помечал в журнале. Рядом на тарелке лежал нарезанный на ломтики душистый кусок сала и буханка свежего чёрного хлеба.

В этот «офис» каждый день входило так много всяких женщин, что находящиеся там мужики были привычны к любым отклонениям от нормы. Но на этот раз, увидев вошедшее чудо, парень разразился хохотом и этим прервал сладкие сны остальных. Они шевельнулись раз, другой, крикнули что-то невразумительное и опять уснули.

В дверях стояла симпатичная молодая особа, в очень широких чёрных брюках, походивших на галифе, подвёрнутых снизу почти до колен и подпоясанных широким мужским ремнём. Поверх зелёной футболки с какими-то кривыми оранжевыми буквами был мужской малиновый пиджак без пуговиц с широченными плечами. На босых ногах – туфли на толстом, но высоком каблуке. Большая коричневая кепка набекрень, словно лепёшка, разместилась на милой головке с длинными светлыми волосами. Это напоминало клоуна в цирке, если бы не милое личико, яркие синие глаза и блестящие волосы, волнами спадающие на плечи. При всём при том, от женщины пахло хорошей туалетной водой. Она уверенно вошла в помещение, показала рукой, чтобы парень не вставал, – а он и не собирался этого делать, – огляделась, обнаружила драное, кожаное кресло в углу комнаты и уселась в него, нога на ногу.

– Здрас-с-сь-те, – гордо, с серьёзным видом произнесла Мария и для убедительности добавила: – Бонжур.

Черноволосый повернулся к лежащему на диване толстяку и стал его толкать.

– Хэй, Николяй, майшка!

Мария совсем не ожидала услышать своё имя, удивилась и, показывая на себя, затараторила:

– Ну, да! Я Машка, я Маша!...

Очкарик был из Югославии, он по одному слову высчитал, что девушка из бывшего СССР и потому решил разбудить своего напарника, который два месяца назад прибыл в Голландию из Украины. Он сказал на сербском «просыпайся», а Марии послышалось её имя.

Никола потянулся, раскрыл глаза и сразу же заржал от одного только вида сидящей напротив девицы.

– Там клоун у Украини, – пояснил сидящий за столом.

Чуть успокоившись, украинец спросил:

– Ви цих хто?

Голос был такой сиплый, что Мария поначалу не расслышала вопроса.

– Я Маша. Я из Питера, – она снова заговорила, тыча рукой в очкарика и как бы удивляясь: «Ведь, этот же знает, кто я!»

– Ну, из Питера, и что? Ты от кого?

– Ни от кого. Я сама по себе. Не думайте – не работу ищу...

– Ну, ну, не тяни!

– А ты выслушаешь меня? Дай слово, что выслушаешь.

– Ну, ни хрена себе! Баба, ты чего? Мыла наелась?

– А ви не побачишь? – встрял третий, видимо, тоже с Украины. Он проснулся и теперь пытался понять, что это может быть общего у его земляка с этой... – Це ж обкурена или гриби надышалась.

А Никола вдруг вспомнил правила рыночной экономики, сообразил, что баба вовсе не украинка, и добавил:

– А ты мне – что за это?

– Ты выслушай, а потом решим. Ну что тебе, только послушай.

– Во настырная! А давай! Но потом... будешь неделю на меня горбатиться. Как?

– Да запросто! Только, чего ж неделю-то? Можно и подольше.

Пригладив обеими руками свои белокурые волосы, Мария подумала, как однообразен этот мир, но, тем не менее, всем своим видом постаралась показать, что ей действительно не привыкать к тому, чего требовал от неё Никола.

Через два дня нелегальные конкуренты «Красных фонарей» были найдены. Женщин отправили в больницу, баржу отбуксировали, её владельцев арестовали, и номинальных, и настоящих. Охранники открыли огонь по полиции из китайских помповых ружей, их застрелили, двоих водителей микроавтобуса и троих полицейских, тоже связанных с бандитами, быстро разыскали и упекли. Две девчонки из тех, что ехали вместе с Марией в поезде, согласились

стать свидетелями. Третью ещё раньше куда-то утащили охранники.

Нелидова, как первая сообщившая о преступлении, должна была проходить по программе защиты свидетелей. Ей выдали вид на жительство, предложили спрятать. Но Мария отказалась, решив, что она сама не хворая и сумеет спрятаться не хуже. А где самое лучшее место, чтобы никто не догадался. Да здесь же, у Николы... в «Красных фонарях». Милое дело! Как будто ничего и менялось. Только покомфортнее, да ещё деньги дают.

Больше года шли судебные разбирательства. Тем двум свидетельницам, которых укрывали власти, не повезло. Одна исчезла. И как её ни искали представители правоохранительных органов, всё напрасно. Другую бандиты нашли и пытались убить. Но она выжила, хотя её бёдра и руки надолго запомнят удары ржавой железной трубой.

Всё это время Мария продолжала работать по древней специальности, приобретённой ею в цивилизованной Европе. Она выплатила аренду своего окна за три месяца вперёд, сняла квартиру, зарегистрировала брак с молодым местным художником, который продавал свои амстердамские этюды около музея Ван Гога. Потом всё закрутилось, как в детском калейдоскопе: получила гражданство, родила мальчишку, развелась, добилась, как мать-одиночка, всех положенных по такому случаю пособий и ещё бесплатно получила приличную квартиру в пригороде Амстердама. Чуть ли не по указу самой королевы Беатрикс.

3.

«Опять куда-то смылась, – выходя из своей комнатки, подумал Дворский про их общую с Малкиным новую секретаршу, Катеньку Захарову. – То ли она всё время просиживает в кафе напротив, то ли бегает в основное здание. Если так, то к кому?»

Малкин успел её взять на работу ещё до поездки в Тель-Авив. После «закрытия» шефа, все сотрудники сбежали, а эта осталась, будто прилипла.

– Та-а-к, – произнёс Михаил, уставившись на ковыляющего к нему клиента. Ничего не оставалось делать, как вместо директора фирмы начать приём. Он молча указал вошедшему на стул, который стоял у окна, в стороне от огромного Лёнькиного стола. Тот, как всегда, был полностью завален бумагами. Сам Михаил устроился в кресле напротив «пришельца».

Парень тоже кое-как уселся. Одна нога у него была в гипсе. Не снимая дублёнку, не выпуская из рук костыли и опасаясь всего на свете, он поведал о своих проблемах.

«Обычное дело – „металлист“, – подумал про посетителя Михаил. – Наверняка, потому и нога сломана. Гонит металл за границу. Что-то не „срослось“. Вот теперь ждёт, когда срастутся кости на ноге, и опять за любимое занятие „рыночной детворы“». А парень, озираясь по сторонам, медленно протянул Михаилу листок с крупно набранным наверху словом «контракт» на английском языке.

– Как бы кто не узнал, а? – промычал хромой, всем своим видом угрожая и прося одновременно.

– И что же? Если сорвётся сделка, так я буду «к-крайним»? Я ведь теперь всё знаю.

Хромой замялся, криво заулыбался и ничего не ответил.

Михаил принялся за вводный ликбез. Он слышал, как это проделывал Малкин со всеми без исключения просителями информации. Дворский даже Лёнькину лексику сохранил.

– Не для в-выпендрёжу, как говорится, а только «пользы для» расскажу чуть-чуть об обычаях д-делового оборота, – Михаил быстро пробубнил заученные слова, которые всегда в таких случаях произносил Малкин. Он прекрасно знал, что такого рода посетители отменные знатоки «блатных понятий». Вмиг привяжут тебя к какой-нибудь проблеме, и тотчас окажешься «крайним». Но «обычаи делового оборота» и «понятия» братвы не всегда пересекались. Пожалуй, даже наоборот. Поэтому для собственной безопасности директор маленькой неприметной компании всегда предвосхищал беседу кратким экскурсом в своё понимание ситуации.

– Если риск успеха сделки зависит от меня, – прямо, как прилежный ученик выдающегося юриста-кризисника, Дворский продолжал «окучивать» инвалида с костылями, – тогда ваш п-приход ко мне тянет совсем на другие деньги. Это раз. Я просто даю информацию. Что хотите, то и делайте с ней. Хотите – съешьте, хотите – в п-печке сожгите. Это два. Весь поиск по вашей теме уничтожается в вашем же п-присутствии. Я, конечно, могу что-нибудь запомнить и передать за деньги вашему к-конкуренту для срыва сделки, например. Могу. Это т-т-точно. И это, пожалуй, что – три. Но теперь вам придётся поднатужиться и п-понять: то, что под номером три, – Михаил для убедительности сделал паузу, причмокнул и, качнув головой, закончил, – мне не выгодно.

Парень искренне удивился, должно быть, по привычке захотел положить ногу на ногу, но не смог и тогда выказал сомнение только лёгким покачиванием головы и выпяченной вперёд нижней губой. Тогда, в ответ на неуверенность клиента, Дворский решил пояснить дополнительно:

– Просто после этого никто ко мне не будет обращаться. Город маленький...

Михаил умолк и посмотрел на не то бандита, не то бизнесмена. Тот, казалось, включил все свои мыслительные ресурсы, тщетно пытаясь уяснить, как это так, зная что-то, не продать это первому встречному.

Ожидая следующей реплики ограниченно трудоспособного, Дворский встал с места, приблизился к окну и выглянул на улицу. Шёл снег. К подъезду подкатила новенькая «тойота Камри», оставляя за собой следы на слегка запорошенном снегом асфальте. Из машины вылез Малкин и дурацкой походкой, неестественно, даже вычурно выбрасывая вперёд ноги, направился к подъезду офиса. Стёкла на окнах были подняты. «Смотри-ка, не забыл», – удивился про себя Михаил. Он вспомнил, как, катая его, бедолагу, по городу, Леонид уговаривал начать общее дело. В тот год в конце апреля было жарко, и Малкин время от времени опускал своё стекло. На трамвайной остановке в Сосновой Поляне «тойота» остановилась, пропуская пешеходов. Дворский сказал тогда: «Закрой окно. Народ...»

Через мгновение кто-то из пассажиров, выходивших из переполненного трамвая, плюнул прямо в лицо Малкину. После этого случая Леонид больше не баловался кнопками подъёма и опускания стекол. Окна всегда были закрыты, а кондиционер включён. И, кроме того, он старался ездить не по окраинам города, а только там, где привычно мелькали импортные авто и не ходили трамваи.

В кабинет, где уже около получаса шёл разговор по душам, вошёл Малкин. Парень обрадовался. Видимо, он знал Леонида и уже приходил к нему с такими же просьбами. Но, должно быть, это общение не уберегло клиента. И, тем не менее, инвалид снова явился за советом. Малкин, понимая вечную проблему всех падких на скорые деньги, сходу встрял в разговор.

– Игнат, рад тебя видеть живым и... почти здоровым. Ну, нога, ерунда, пройдёт. Ты пойми, родной, ведь когда обращаешься в суд с жалобой и убедительно просишь судью решить твой вопрос, – Малкин догадался пояснить ситуацию на более привычном примере, – ты же понимаешь, что противная сторона может попытаться предпринять точно такой же ход.

– Да! Ну, да, конечно... Я бы...

– Но тогда ни один судья долго не проживёт. Ведь так? Ты согласен со мной? – уверенно, со знанием дела, завершил Леонид Малкин. – Судья обязательно выполнит первую из двух просьб, но потом ситуация может измениться, дело перейдёт в городской суд. И тогда уж не взыщи, хоть ты и первый!

– Как быть-то? – Игнату ответ на задачку нужен был сразу. Он привык ещё с детства, что все решения в конце учебника.

– Тебе ничего не остаётся, как только верить. Верить и всё. Тем более, ты, как я уже успел сообразить, именно это и делаешь чаще всего. Ну, и пароль – это не ерунда, это, как вход в систему.

Последнее обстоятельство убедило Игната окончательно.

Малкин включил свой компьютер и соединился с сервером в Тель-Авиве. Через пять минут сидения около экрана,

где мелькали цифры, названия компаний, фамилии, искалеченный бизнесмен заёрзал. Как он только мог это проделывать с одной ногой в гипсе! Ещё немного, и он покрылся потом, начал нервничать, возбужденно вытаскивая из разных карманов брюк и пиджака сотенные долларовые бумажки. Словно в стриптиз-баре, где мужики суют свои деньжищи за трусики голым красоткам, этот засовывал свои бумажки Малкину прямо в карманы.

Ещё бы! «Хромой» назвал только фамилию «щвейцарца», который, согласно контракту, собирался купить у него алюминий с «четырьмя девятками после запятой» по чистоте. А с экрана компьютера уже улыбается усатая рожа покупателя, как выяснилось, вовсе не из Цюриха, а всего лишь из Кракова. Потом появилась и фамилия настоящего владельца, и настоящего же, а не номинального директора фирмы с тем названием, что значилось на листочке, замелькали её оффшорные компании и названия банков, где у неё были открыты счета.

Как значится в контракте, подписанном «швейцарцем», чистота металла проверяется по прибытии в порт Антверпена в специальной лаборатории. Там, конечно, всё и произойдёт. Четвертая «девяточка», наверняка, вдруг затрясётся, замигает и превратится в драматическую «восьмёрочку» или даже в «семёрку». И тогда ку-ку! Вези свои алюминиевые чушки обратно. А если всё-таки уговоришь взять по дисконтной цене, «покупатель» ничего не заплатит. Этот «товарищ» не является директором ни одной из фирм, которые назвал «хромой». Иди потом в суд. Да не к нашим молоденьким судьям, Лёнькиным пассиям, а в старинный портовый город Антверпен. Плати кучу денег. В итоге всё одно – вернёшься домой, и тебе кредиторы вторую ногу сломают.

– Кстати, п-почему вы соглашаетесь на контроль металла в порту д-доставки? – спросил Дворский, прекрасно отдавая себе отчёт, почему это делалось. Но прозвучавшего ответа он не ожидал.

– Ну, всё-таки, швейцарец. Если уж ему не верить... Если бы Венгрия, к примеру, я бы ни в жисть...

«Фу, как всё запущено, – подумал Малкин. – Как он умудряется с такой философией вообще оставаться в живых? Но мы не подряжались нянчиться с малограмотными и натаскивать клиентов для игры в бизнес... Тем более, этого не убедят никакие рассуждения. Он уже видит перед собой зелёные пачки долларов и чует их запах. У другого заболела бы голова от мысли о больших деньгах: „Куда девать? Как не потерять?“, а Игнат как раз из тех, кто ничтоже сумняшеся, кидает их без разбору, не думая о последствиях, наивно полагая, что чувствует, куда надо! Всё-таки жалко... Родных и близких его жалко. Самого-то только могила исправит.»

Клиент поднял голову и как-то жалостно взглянул на Малкина. И тот продолжил, прекрасно отдавая себе отчёт, что делает это бесплатно.

– Ведь им нужен не металл, дружище, а совсем другое. Нужно, чтобы ты лоханулся, а металл... Металл – лишь для виду. Он за «так» им отойдёт. Можно было и мочевину гнать или, на худой конец, противогазы. У них тоже есть стандарты качества.

4.

Разъясняя Игнату основы работы с информацией, Леонид вспомнил про суд и про судью не случайно. До того как войти в проект Максимова «с погружением», ему часто приходилось выступать в судах в качестве истца или ответчика. Он целыми днями там пропадал и многому научился, а со временем просто купался во всей этой судебной суете. Даже если рассматривался его вопрос, он умудрялся включить трубку мобильного, слушать и тихо отвечать звонившему.

Малкин любил эту хлопотную работу и никогда не отказывался ни от уголовных, ни от гражданских дел. Когда ему рассказывали проблему учреждения, предприятия или просто человека, он всегда говорил одно и то же: «Дом, какой? Я спрашиваю, номер дома, какой? Улицу я и так знаю.

Зачем, зачем? Да, ведь судьи по домам делятся. Который раз твержу. На одной улице может быть три судьи... Назовёте номер дома, где находится ваша контора или где зарегистрирован паспорт ответчика, – скажу, кто судья. А от этого, уважаемый, зависит, смогу ли я что-нибудь сделать».

Леонид знал многих судей, и особенно молодых женщин. Вовремя поздравлял каждую с днём рождения, к месту оказывался рядом и частенько проводил вечер с кем-нибудь из них. Если же была чисто мужская компания, то и тогда у него не умолкал телефон, и всем страшно надоедало слушать одно и то же: «Зайчик... котёнок... маленькая моя... обязательно позвоню...».

Это была «пятая колонна» в юридической практике Малкина. Активно используя своих негласных помощниц, он, как никто другой в городе, мог лихо отрабатывать вопрос в суде. Ему нравилось изящно затягивать на месяц, а то и на полгода вопросы о восстановлении на работе какого-нибудь проворовавшегося бывшего директора. Вполне достаточно времени для того, чтобы его заказчик, новый, легальный руководитель компании, мог спокойно, не теряя времени на борьбу с противниками, войти в курс дел и укрепить своё положение.

Предыдущего директора обычно освобождали от должности правильно и законно, а вот увольняли, конечно же, с нарушениями. Если всё делать по букве закона, пришлось бы его официально предупреждать за три дня до увольнения, и он от расстройства, конечно же, заболел бы. А потом, будучи на больничном, как ни в чём не бывало, приходил бы на работу и всячески препятствовал новому руководителю.

Теперь любую, брошенную в сердцах фразу истца, Малкин успевал поймать и использовать для переноса заседания суда. Демонстрирует документ. «Минуточку! Там есть слово на иностранном языке. Ваша честь, требуется официальный перевод!». Ляпнул старый директор, не подумав, что не признаёт нового, мол, тот и самозванец вовсе. «Действительно, нужно проверить! Запросим дополнительные подтверждения от владельцев компании или из министерства».

Судебные задачки, то и дело мелькали перед любвеобильным юристом, и он щёлкал их как семечки. Только теперь всё больше и больше времени у Малкина уходило на его собственную секретаршу. Она тоже выпускница юридического факультета, но моложе лет на десять. Раньше работала помощником районного судьи. Обычно, встречаясь вечером, они подолгу сидели в кафе, потом у неё дома за рюмкой ликёра смаковали свои знания о невыносимой лёгкости бытия в приложении к особенностям отправления российского правосудия.

Катенька нравилась Малкину. С ней было приятно поболтать о чём-нибудь простом и незатейливом. Не нужно прикидываться умником или идиотом, не нужно льстить и обдумывать каждое слово. Обычно Леонид звал её в «Погребок» на набережной Лейтенанта Шмидта или в «Комильфо» между улицами Савушкина и Школьной. Последнюю точку мало кто знал. Кафе появилось неожиданно в микрорайоне из двухэтажных домиков с деревянными перекрытиями, что построили ещё пленные немцы сразу после войны. Однако уютный интерьер дышал почти домашним теплом. Ещё приятнее, что администрация, случалось, не брала с него деньги. Потому что он постоянный клиент и однажды что-то посоветовал по бизнесу. Иногда в честь какого-нибудь праздника. Малкин млел от удовольствия, когда к его столику торжественно подходил администратор и, обращаясь по имени и отчеству, просил его не отказать в любезности не платить за ужин. Особенно, если рядом сидела Катя или ещё кто-нибудь. Он даже купил перекидной календарь, где обозначены все праздники, и даже День стоматолога, и День больного человека. Правда, эти два шли почти подряд. Один девятого, другой одиннадцатого февраля.

Родители Кати давно разошлись. Отец забрал с собой в Москву старшую дочь, а младшая осталась с матерью. Сёстры дружили, хотя и жили в разных городах, а вот родители – с тех пор, как разъехались, не встречались ни разу. Пустующая огромная квартира давила на психику, но с другой стороны у гостей это порождало иллюзию благопо-

лучия. Почти всякий раз, когда Катя после «Комильфо» приглашала Малкина к себе, её матери дома не было. Продолжая приятный ужин, они пили яичный ликер или текилу. Постепенно перебирались в Катину спальню и там с упоением предавались сексу. Часа через два-три Леонид уходил.

Хозяйка квартиры, Людмила Фёдоровна, занималась натаскиванием школьников для поступления в вуз, преподавала им русский язык. Учеников было много, занятия шли одно за другим до позднего вечера в маленькой квартирке, специально для этого арендуемой поблизости от метро. Её доходы значительно превышали те гроши, что получала дочь в райсуде, в «Фарме», а потом и у Малкина, в «Колокольчике».

Иногда Катина мать оказывалась дома. Тогда она приветливо встречала Леонида, приглашала на чай, красиво закуривала беломоринку и подолгу рассказывала про своё любимое занятие, время от времени пуская безукоризненные колечки табачного дыма.

– Чёрт-те что! Никто толком не может писать на русском языке, – хозяйка сталинских хором всегда начинала с одного и того же. – Почему так? Ведь знают же арифметику или там ещё какую математику.

Философия учительницы сводилась к простой формуле. Когда читаешь книгу на родном языке – всё ясно. Напротив, в арифметике, или в какой-нибудь другой математике – там не всё так очевидно. И понял ты или нет, ещё не известно. Отсюда она делала незамысловатый, но смелый вывод. Филологи – в основном люди самоуверенные, а математики – чаще сомневающиеся.

– А как же тогда юристы? – спросил Леонид, показывая на себя и на дочку Людмилы Фёдоровны.

– Вообще – олухи!

– Опаньки!

– А что? С дураков-то какой спрос? А раз спроса нет – нет и денег. Не так, что ли?

– Юристы, Людмила Фёдоровна, в крупных компаниях, получают очень много. Адвокаты...

– Адвока-а-аты... Тоже мне, защитнички. Это там, – Катина мать мотнула головой в сторону окна, – у них адвокаты. А у нас... Прокуроры – ещё скажи.

– Скажу, – влезла в диспут Екатерина. – Вот этих я знаю. Молодые, совсем ещё мальчишки покупают диплом юриста и должность помощника районного прокурора. Потом быстренько отбивают вложения. Открыть уголовное дело – пять тыщ долларов, закрыть – пятнадцать, начать хоть одно следственное действие – трёха. И это всё не в отношении кого-то конкретного, а так, по факту...

Катя умолкла, а потом уже в который раз рассказала всем историю про двойное убийство на даче в Комарово, куда её, молодую помощницу судьи, пригласили на чей-то день рождения коллеги по цеху правосудия и прокурорского надзора. Она оттуда еле ноги унесла. А убийца-именинник до сих пор в розыске.

Людмила Фёдоровна глубоко затянулась, выпустила через нос густую струю папиросного дыма и вдруг продолжила, казалось, совсем о другом.

– Как только воровать разрешили, сразу же бандиты всякие потащили ко мне своих отпрысков русскому языку учить. Непонятно, зачем? В Англии он не нужен. Может, для того, чтобы контракты грамотно писать? Так вот, всё папаши шли, молодые, ухоженные, без образования и без рудиментов социализма. Из них слова не вытянешь, не то, что денег. Я их называла «туповатые молчуны». Год прошёл, смотрю опять те же детишки. Только в этом году почему-то уже мамаши со мной договариваются. Платят прилично.

Катина мать изящно стряхнула пепел в маленькую баночку с украшенной инкрустациями крышкой, которую всегда держала в руке, встала из-за стола, подошла к окну, посмотрела на улицу, будто высматривала, не идёт ли кто к ней. Потом вдруг с гордостью в голосе продолжила.

– Ко мне очередь, чтоб вы знали... Так вот, спрашиваю я этих мамаш, а где, мол, отец-то? В прошлом году я с ним договаривалась. А они отвечают, как-то одинаково и будто стесняясь: «А это... у-убили...».

5.

Главное дело Дворского, то, для чего его позвал Малкин, постепенно набирало обороты. Михаил восстановил связи с дюжиной иностранных учёных из Франции, Англии, Штатов, Германии и Австралии. Те работали в местных университетах, знали о препаратах, изобретённых молодым медиком из России, и вообще с уважением относились к биохимической науке, которая делалась в бывшем СССР. Подтянулись разбежавшиеся было коллеги по лаборатории.

В советское время государственные учреждения мало заботились об изобретениях своих сотрудников, не утруждали себя лишней волокитой – регистрировать в Роспатенте, оплачивать ежегодную пошлину... Тогда важно было – кто автор? А кто патентообладатель – наплевать! Всё общее, всё государственное. Любой мог. Бухгалтерия только «спасибо» сказала бы, ей лишний раз не нужно платежки заполнять и деньги платить. Свидетельство об изобретении больше походило на некое переходящее Красное знамя.

Вот академик Максимов и подхватил это самое «Красное знамя». Он, как руководитель лаборатории на общественных началах, словно хороший продюсер, заранее прочувствовавший конъюнктуру будущего рынка, раскручивал изобретения своих учеников. За свои деньги регистрировал за рубежом патенты, умудрялся их оформлять на себя, на ребят, а потом, когда в стране начался беспредел, и на свою компанию в Голландии.

Академиком всё было замешано добротно. Дворский только прикоснулся к этому месиву из прав, технологий и науки, как Австралийская фармацевтическая компания вдруг взяла и приобрела лицензию на использование его патента, с лёгкой руки Максимова зарегистрированного далеко-далеко, совсем на другом континенте.

Стали поступать первые деньги. Появились и компьютеры, и зарплаты, и «чистые комнаты», и... скрепки цветные. Цех по производству лекарственных препаратов Минского фармацевтического завода ежегодно «выплёвывал» миллионы таблеток разных наименований, синтезированных по трём патентам Дворского и его соавторов.

Такое не могли не заметить. Всё в дерьме, а тут, понимаешь, оазис, высокие технологии процветают. Какой-то американец пригласил Михаила на «закрытую» конференцию в Америку. Там раз в год собирались самые умные, представлявшие продвинутые идеи в области медицины, физиологии и фармацевтики. Спонсоры сборища – крупнейшие мировые компании, такие как “Sony“, “Royal Philips Electronics”, “Boeing”... Эти монстры могут себе позволить отслеживать во всём мире малейшие движения мысли, тем более, в фармацевтике, куда идёт четверть всех инвестиций США.

Как потом выяснилось, Дворского пригласил тот самый ЦРУ-шник, который ещё в 91-м обещал снять ограничения КОКОМ с аналогов новой советской линии по синтезу лекарственных препаратов. Причём пригласил сразу выступить с докладом перед всей толпой умников и богатеев. Там же с предложением выпустить монографию о пептидах к Михаилу обратились из швейцарского, очень уважаемого в мире издательского дома «Каргер», где ещё не издавался ни один учёный из новой России.

После случайной встречи с Малкиным в пивбаре прошло чуть больше двух лет. А Дворский уже стал совладельцем и директором акционерного общества закрытого типа «Фарма-2», принёсшего за 95-й год чистую прибыль в два миллиона долларов. Сам Малкин, нигде официально не значился, но, как негласный партнёр, на чьи деньги всё создавалось, ежеквартально получал свои двадцать процентов чёрным налом от Михаила из рук в руки. Часть денег Дворский забирал себе, отдавал матери, однажды почтовым переводом выслал приличную сумму на адрес своей бывшей жены. Остальное уходило на научные исследования и развитие производства.

Западные компании, признав в «Фарме-2» себе подобного, теперь вместе со своими деньжищами стояли в очереди инвесторов. Они ведь, как молекулы ДНК, хоть их бей, хоть облучай – им всё равно, работает только принцип

«свой – чужой», активируются исключительно от «своих». А новые препараты, ещё более эффективные, чем прежние, пеклись, как пирожки, и покупались просто «в улёт». Причём без всяких там доклинических и клинических испытаний. Только коли! Их регистрировали как биологически активные добавки. Так проще: не нужно годами ждать результатов испытаний.

Академик Максимов по-прежнему жил в королевстве Нидерланды, купался в Западной цивилизации и радовался от души. Радовался тому, что свободен и особенно гордился быстрым взлётом «Фармы-2». Он всегда ценил и любил использовать умный и обстоятельный блеф. Ведь и название то же, и официальный владелец – его бывший ученик. Кто там разберёт? Может, это до сих пор его сотрудник, и весь бизнес снова заварил именно он, находясь в Голландии, а не кто-то другой. Тогда уже многим стало понятно: «Хочешь делать бизнес в России? Сначала нужно набрать денег и уехать!» Вот он и уехал. А теперь, якобы, начал всё сначала. Такое положение давало возможность Леониду Александровичу бывать в обществе богатых и известных голландцев и представляться не только «видным учёным», но и этаким умным бизнесменом в области высоких технологий.

Один из новых препаратов компании «Фарма-2» предназначался для больных диабетом. Он эффективно лечил даже тогда, когда вводимый пациенту инсулин ничего уже не менял, а больной необратимо слеп и почти ничего не видел. Известные люди, премьер-министры, родственники президентов разных стран приезжали в клинику Дворского тогда, когда никто уже не брался лечить. А тут, совсем дешёвый укол в височную область – и через неделю можно было воочию наблюдать, как растёт новая сетчатка, через две недели человек видит. Ещё немного, и он видит прилично.

В кабинете у Михаила на стене висел «иконостас» – фотографии известных персон, лечившихся его препаратами. Он настолько гордился этим фактом, что позволял себе рассказывать о своих пациентах каждому входящему в его святая святых. Дворский понимал, что никакое лекарство не может излечить тяжёлый недуг. Оно лишь приостанавливает необратимый и губительный процесс. Одно лучше, другое хуже. Вот если бы не сейчас, а тогда, в пятнадцать лет, Михаил вдруг взял бы и придумал такое лекарство... Может, его бабушка до сих пор жила бы на этом свете. И её фотография теперь висела бы в самом центре, между премьерами и министрами.

В обычный рабочий день, в июне 96-го года, Дворский сидел в своём кабинете и печатал на компьютере письма иностранным коллегам. Прекрасно осознавая, что может один его адресат, а что другой, Михаил для каждого из них, работающих в Лондоне, Гамбурге, Чикаго или Бордо, формулировал программу, состоящую из совершенно конкретных экспериментов. Каждый из известных у себя в стране учёных, живущих в этих городах, добровольно соглашался отрабатывать свою часть проблемы и работать только с ним, с Дворским. Научные статьи Михаила никогда не выходили в свет в соавторстве со всеми его зарубежными коллегами. Это позволяло именно ему эффективно управлять тонким и хрупким делом, которое называлось «организацией научно-исследовательских работ». Дворский не любил это словосочетание и предпочитал уже в самом наименовании подчёркивать цель и сложный характер взаимоотношений всех участников научной разработки. Он всегда говорил о «конструировании новых возможностей».

Время подходило к полудню. Михаил Николаевич любил за чашкой чая просматривать результаты своей утренней работы. Он разложил по кучкам листочки со схемами опытов, уже переведённые на разные языки письма иностранным коллегам и принялся их вкладывать в большие конверты с репродукциями любимых картин Малевича. В такие моменты его старались не беспокоить.

Вдруг двери с шумом распахнулись, и в кабинет вошли с десяток мужчин. Почти все полковники, почему-то в полевой форме и с автоматами. Как будто только что с фронта. Главный – низенький, средних лет с длинной шевелюрой, зачёсанной назад в косичку – этакий современный

«телевичок» с круглыми очочками. Он вежливо попросил у хозяина кабинета разрешения присесть. Секретарь, Катя Захарова, стояла в дверях и всем своим видом выказывала беспомощность и благоразумие одновременно.

Всем присесть не удалось, многие из вошедших остались стоять. Это делало картину ещё более устрашающей. Разговор оказался коротким, искренним и до невозможности нелогичным. Хотя для посетителей, наверное, напротив, всё выглядело понятным и естественным.

– Уважаемый! – спокойным голосом произнёс Телевичок, – нам нужно, чтобы вы прекратили производство только одного из ваших препаратов. Да. Только одного, – добавил он, помолчав несколько секунд, будто раздумывал: может, ещё какой препарат ему чем-то мешает.

Дворский молчал. Он смотрел на свой недопитый чай, и в это время одна единственная мысль крутилась в его голове. «Ну почему так? Почему эта остывшая тёмно-коричневая жидкость в стакане так часто становится для меня предвестником плохих событий? Сейчас подведут к стенке и шлёпнут. Хоть бы разъяснили, за что? Хотя зачем? Если уж они по улицам шляются с оружием... и ничуть не задумываются о том, что это «вроде как нельзя»...

Пока Михаил, тупо уставившись на стакан с чаем, продолжал размышлять о злом роке, организм его инстинктивно старался всячески выказывать почтительное внимание к присутствующим.

– И вы знаете, какой это препарат. Ведь так? – продолжал низенький начальник необычного отделения из десяти полковников. Мы несём колоссальные убытки. А это неправильно!

– А кто – «мы»? – наконец-то произнёс Дворский и сразу же испугался своих чересчур наглых, как ему показалось, слов. – П-позвольте спросить.

– Такой умный и не догадываетесь. Отвечу вам именно так, как вы сейчас подумали. Инсулиновая мафия. Так нас иногда обзывают нехорошие люди.

– А вот те в зелёном? Они для того, чтобы я уяснил: мол, если откажусь, то каждый из них меня з-застрелит из автомата.

– Ну что вы! Это моя охрана.

– Тогда я не понимаю, почему я д-должен...

– Поймёте, уважаемый, поймёте. Но сперва важно, чтобы вы уяснили себе сам факт того, что вы кому-то мешаете. Просто так, не в связи с больными и их лечением, а только из-за обычных денег.

Дворский никак не мог настроиться на волну этих непрошеных гостей. Телевичок что-то говорил. А он всё не мог представить себе, как такое может быть. Он учёный. Долго учился, потом работал, изобрёл прекрасное лекарство. Его признают во всём мире. Есть патент. Есть больные, кому такой препарат просто необходим... Мы же не в Африке... чёрт побери! Как ни старался Михаил, мысли отказывались крутиться в непривычном для него направлении.

Хозяин кабинета растерянно и скорее по привычке провел рукой вдоль стены с фотографиями. Эффект – ноль! «Кто же тогда их прислал, этих инопланетян?» – подумал Михаил Николаевич, взглянув с видимым недоумением сначала на Телевичка, а после на зелёную камарилью с автоматами.

– У вас здесь не все, уважаемый доктор Дворский, – заметив жест Михаила, вдруг произнёс Главный. – Есть ведь и другие. И надо сказать, вполне здоровые. А по своему статусу они могли бы даже украсить вашу стеночку.

«Всё равно никого не назовут, – подумал Михаил. – Вот, когда надо, так Малкина нет! На придурков, вроде, не похожи. Вообще и так было ясно, когда начинали, что по панкагену точно будет конкуренция. Причём, не только с нашими. А так всё казалось чистым и беспроблемным. Знай, лепи таблетки. Потребителей – море! Только готовь тазики и успевай оттаскивать денежку. Нет! В каждом бизнесе свои риски! Вот такие, например, – Михаил присел в кресло, зачем-то переложил конверты с письмами на угол стола, подальше от Главного пришельца. – Опять что-то не срослось. Почему? Ведь когда арестовали Максимова, я не то что тревожился, – сходил с ума и не находил себе места. А потом в Абхазии готов был не только приказ нарушить,

но и сам стать перед пушкой, только бы она не попала в баржу, где могла быть моя Лена... Сейчас мне предлагают отказаться от мечты детства, от того самого лекарства, ради которого я и выбрал-то дорогу учёного. И что? Что в этом страшного... в нравственном смысле? Деньги меня сейчас не интересуют. Не сохранил мечту? А зачем её хранить? Она реализована давно. Бабушки нет, никакое лекарство её уже не вернёт. Предал память бабушки? Да бросьте! Нужны новые мечты, а не смакование старых. Даже таких замечательных».

6.

Что-то не укладывалось в сознании Дворского и мешало решиться. Хотя ситуация была до предела проста. «Они ведут себя искренне, – подумал Михаил. – Не хамят, не смеются, доходчиво излагают проблему. Наверное, так и нужно в бизнесе. Просто и цинично. Но я так не умею, чёрт побери, я так не люблю... И потом я ведь тоже должен что-то получить? Или только продолжение радости бытия и есть вся компенсация?»

– Я всё понял, я всё понял, – тихо произнёс Дворский, задумав оттянуть решение, – ответ дам сегодня. К-куда звонить?

– А никуда звонить не нужно. Мы тут посидим и подождём. А вы, если вам нужно, работайте, звоните, что хотите, то и делайте. А в пять вечера мы, так или иначе, но обязательно покинем ваш гостеприимный офис. Файф-о-клок, знаете ли.

Михаил попробовал дозвониться до Малкина, до всяких знакомых «шишек». Но их как языком слизнуло. Ощущение тупика и безысходности охватило его. Даже во рту пересохло, и резко запахло свинцовой пылью. Прямо, как у диабетиков с показателем по сахару «пятнадцать».

– Значит т-так, я тут всё прикинул. Э-э-э. Я согласен. П-принимаю ваше предложение, – скороговоркой, глотая слова, произнёс Дворский и громко вздохнул.

– Ну, вы прямо, как Ленин...

– П-при чём тут Ленин-то?

– Проницательный как Ленин. Вот уж, действительно, правду говорят: «Чем больше знает человек чего-то конкретного, тем он глупее по жизни». Это я про вашего бывшего шефа-академика. Он был не столь проницательным.

До Дворского только сейчас дошло, кто угробил весь бизнес Максимова, пожалевшего один единственный препарат из десяти.

Михаилу сразу стало легко и спокойно. И от того, что он сегодня угадал единственно правильное решение и потому что теперь знал главное: что четыре года назад перевернуло его жизнь. Да и не только его одного. Слушая инструкции мужика с косичкой, Дворский прилежно записывал каждое слово, как бы демонстрируя ему своё смирение и полное уважение.

– В практической плоскости это выглядит так, – мягким голосом продолжал «пришелец». – Вы останавливаете производство препарата на Минском заводе, передаёте нам патент на него, изымаете партии вашей продукции из аптек.

– Но мне потребуется... – Михаил настолько успокоился, что даже попробовал обсуждать процедуру с её рисками и затратами.

– Всё, что вам потребуется, вы получите, – грубовато прервал его Телевичок. – Укажите сумму и счёт, завтра деньги будут у вас. Это можете учесть в балансе, как спонсорскую помощь. Вы назовёте их или снова потребуется полдня?

Дворский закивал головой, начал нажимать кнопки на телефоне внутренней связи, дал задания заместителю по производству и бухгалтеру. Через полчаса всё было завершено. Никаких бумаг, никаких договоров. Только обрывок листочка с реквизитами счёта, сумма и подпись Дворского внизу. Напряжение спало, Михаил раскрепостился и не к месту улыбнулся. Просто набор цифр и подпись.

– Может, к-кровью нужно? – вырвалось у него.

– Не нужно, – спокойно ответил Телевичок.

На следующий день из «Фарма-2» ушли приказы в Минск о прекращении производства панкагена и списании затрат на убытки компании. Причина указана обычная: выявлены ошибки в рецептуре изготовления препарата. В сети аптек компания сама выкупила все партии своего же лекарства, чтобы не портить свой имидж у потребителя.

Но беда никогда не приходит одна. Через день нагрянули из налоговой полиции. У них была бумажка с поручением начальника управления проверить факты, изложенные в каком-то дурацком сигнале, изъять документацию, ну и так далее... Всё по полной схеме. Новый закон позволял «собрать вещественные доказательства с возможного места преступления». И не нужно никаких уголовных дел, никакой прокуратуры, надзирающей над следствием и оперативной деятельностью, никаких решений про обыски и выемки. Кучу ящиков с документацией, договорами, протоколами испытаний, технологическими картами загрузили в автобус и увезли.

Были все эти документы у компании или нет? Теперь на этот вопрос может ответить только один человек – простой опер из Управления налоговой полиции по Санкт-Петербургу и Ленобласти с незатейливой фамилией Иванов. А у него в акте изъятия лишь названия папок и общий листаж. Папки можно и вернуть, а листаж – он и есть листаж. Сколько было, столько и вернём. Мало ли что современные бизнесмены держат за документы. Может, рекламные проспекты, может, болванки договоров, взятые из юридических справочников...

Дворский нашёл наконец-то Малкина. Тот сразу же уговорил Михаила спрятаться на съёмной квартире и переждать. Очень своевременно. Потому что на следующий день пришли из милиции, чтобы задержать директора. Не арестовать (для этого нужно провести большую работу и предъявить обвинение), а всего лишь подержать в тюряге три дня. Глядишь, что-то и сам скажет.

Конспиративная квартира – прекрасное создание ума человеческого. Там можно уединиться и писать монографию, встречаться с важными клиентами, негласно поселить приезжего богатея или чиновника. Там удобно обсуждать самые важные проблемы или, например, проводить время с женщиной. Последние полгода раз в неделю Дворский и Малкин обязательно сюда наведывались по какой-нибудь из вышеозначенных причин, и всякий раз обновляли содержимое холодильника. Иногда приходили вместе и обсуждали всякие противные закону аспекты бизнеса. Не потому, что боялись прослушки в офисе. Просто делать это вот так вдали от всех как-то уместнее, атмосфера свободнее и лучше отвечает сути обсуждаемых вопросов. Как вытащить нал? Где его спрятать? Как потом снова направить в бизнес, увеличивая искусственную задолженность компании перед неким инвестором или кредитором. И самое главное: где и как открыть такое предприятие и на кого оформить?

Дворский уже больше часа неподвижно сидел на стуле в центре комнаты и отрешённо смотрел в стену. В этом необычном «телевизоре» он видел всё «буйство чувств», представлял сцены, которые разыгрывались в офисе его компании. Как огромные, накаченные битюги в масках вваливаются в коридор, ногами вышибают двери в помещения, целясь из автоматов в тощеньких лаборанток и очкастых бухгалтерш, заставляют их лечь на пол со сложенными за головой руками. Потом расхаживают между ними, по-хозяйски подвигая сапожищами испуганных до смерти женщин. Ну как же! Наверняка, все они в сговоре и каждую секунду воруют! Так и норовят схватить очередную пачку денег и засунуть её себе под юбку. Или строчку мечтают изменить в балансовом отчёте... Бить по рукам, чтобы неповадно было, вырубать компьютеры, вынимать целые блоки из них... Чего церемониться!

В первый день весь персонал пролежал на полу больше двух часов. Главный, конечно, искал главного. Для него эта вакханалия была только антуражем, фоном для предстоящего разговора. А Михаила не было. Жаль! Ай, как расстроился начальник «крутых мужичков»! Видно, ему приказали напугать директора, а не вышло. Некому в глаза сказать: «Ф-р-р-р!». Значит, завтра всё «по новой».

Уж кто-кто, а Дворский-то прекрасно знал, что в компании всё чисто. Ему было легче деньги отдать, налоги там всякие, чем каждую минуту ждать вот таких «молодцов». Прошла неделя, потом ещё несколько дней. Михаил успокоился и больше не ждал новых ударов судьбы. Конечно, компания «Фарма-2» круто свалилась вниз, несколько спецов уволилось. Упал оборот, появились проблемы с заводом. В поисках компромата на пропавшего директора налоговая полиция взялась за все обналичивающие компании города. Искали, где мелькнёт «Фарма-2».

Леонид скрытно навещал своего партнёра и рассказывал, как в офисе появлялись нотариусы вместе с понятыми и предъявляли к оплате векселя их компании. Конечно, векселя были липовые. Но кто будет разбираться? Сначала оплатите, потом идите в суд. А суммы на векселях запредельные. Один погаси – и компании нет. Ох, если бы они их предъявили и тут же передали для погашения! Малкин, как юрист компании, уполномоченный проверять подлинность документа, наверняка, их просто сожрал бы и даже не поперхнулся. Взамен подписали бы акт о приёмке векселя к оплате. Пусть потом идут в суд и там доказывают, что, мол, «Фарма-2» выписала им векселя за красивые глаза. Если у заявителя непогашенный подлинный вексель, суд сразу же выносит решение – оплатить. А если только акт передачи такого векселя – тогда извините, поезд ушёл!

Включить милицию в такую кутерьму было не просто. Придётся заводить дело, изымать векселя на экспертизу. А нужно ли это делать? Толком никто не знал. Вдруг попросят подарить энную сумму безналом какому-нибудь Фонду содействия ветеранам милиции? И столько же налом – следователю и помощнику прокурора района. Хотите следственные действия начать? Никаких проблем! Но ведь можно открыть дело и промолчать. А можно сказать об этом во всеуслышание, что-нибудь изъять, кого-нибудь вызвать. Да так вызвать, чтобы он не пришёл, и поэтому потом привести к следователю принудительно, в наручниках, прямо с работы. Чтобы все видели. Милое же дело! Какой вариант выбираете?

Переваривая известные ему правдивые истории и слухи, быль и небыль про правовой беспредел, Дворский пытался понять: откуда всё это на него свалилось. Понятно, что сверху. Но кто именно? Он ведь так лояльно среагировал на ненавязчивую просьбу «инсулинщиков» – новых «товарищей» по фармацевтическому бизнесу. В голову не приходило ничего вразумительного. Малкин тоже не понимал, только бубнил как заколдованный про какие-то «бизнес-цунами». Якобы начинается новый передел, и весь городской бизнес постепенно, по какому-то чудовищному графику накрывается огромной волной репрессий. И сейчас первая фаза. Потом будет следующая, потом ещё и ещё... Обычно она смывает всех неугодных, и на их место правдами и неправдами приходят «верные сыны» сильных мира сего. И никто не станет разбираться, насколько правомочны эти «родственные связи».

«А на хрена мне всё это нужно?» – ясная до боли мысль наполнила сознание Михаила. Он сразу вспомнил своих приятелей-офицеров, которые не дождавшись его «успехов», ни с того ни с сего вдруг замаячили на грязном подиуме отечественного бизнеса. Завьялова назначили на медицинское страхование всего города, Добросердову доверили всю медицину Липецка с лекарствами, питанием в больницах и бельём. Одних подрядов на миллиарды рублей в год. А если с каждого хотя бы «десяточку» процентов на откат? Это же, какие деньжищи! Неужели они не догадывались, что от них потребуют? В итоге-то – одни убытки! Покушения, избиения и опять же больница. Пройдёт месяц, другой, и всё сначала. И уже никак не вырваться из жуткого хоровода однообразной череды событий. Теперь у Витьки Завьялова – белокровие, у Добросердова – рассеянный склероз, три очага в белом веществе мозга. И всё это «богатство» от каждодневных стрессов. Им бы чуточку потерпеть тогда, в 93-м. Вместе бы сейчас...

А что вместе-то? Вот сидели бы тоже пялились на стену и представляли себе, как некто в маске гасит грязными сапожищами всякое желание честно работать. Любимые картинки оживления «увядших кудрей» длиннущей и кучеря-

вой молекулы ДНК – только во сне! И то вперемежку с «фильмами ужасов» – наездами, проверками и попытками «недружественного поглощения». Действительно, правильно говорят: «Свалить, пока не поздно, и вернуться, но уже в виде иноземного существа». Такого не просто лягнуть ногой – получишь отпор сразу всего «Западного человечества». Или вообще всё послать куда подальше?

Дворский знал одну простую истину, которую сам же сознательно нарушал, наверное, всё-таки нарушал вынужденно, каждым своим шагом, каждой мыслью и поступком. Только пять процентов людей природа снабжает способностями заниматься предпринимательством. Такие из двух рублей сделают три, а потом тридцать три и дадут ещё работу другим. Остальные могут быть профессионалами в своём деле, но делать деньги из ничего... К этому таинству приобщаются единицы. А тут на тебе! Все ринулись. Беспомощно барахтаясь в океане бизнеса, наталкиваясь на острые подводные камни, мощные течения и штормы, они так же, как Завьялов и Добросердов, непременно окажутся в ловушке. Из неё нет выхода. А безысходность не замедлит спровоцировать любую самую страшную болезнь. Пройдёт ещё время, и они потеряют всё, что имели – деньги, квартиру, семью... Да, и саму жизнь.

«Неужели это и меня ждёт? – размышлял Михаил. – Похоже. Я никогда не мог понять этих, способных к предпринимательству. Для них, чем больше проблем, тем лучше. Для них деньги – самостоятельная ценность. Они так устроены, что свои деньги никогда не упустят и никому не дадут. Физиологически не могут. И не важно, свои они на самом деле или чужие. На идентификацию различий понапрасну свою энергетику не расходуют. Рефлекторно – не давать! Не давать, и всё тут! А то, как говорится, руку собьешь».

Психика Дворского имела совсем другие особенности. Если есть три-четыре проблемы, он уже не мог стройно мыслить. А когда появляются деньги, и ими можно погасить проблему, то проще заплатить. Если таких проблем пять – исчезала логика в рассуждениях. Не дай Бог, шестая! Даже, если это авторучка, лежащая на столе, вдруг покатилась и сейчас вот-вот упадёт. Весь его организм, до этого момента функционирующий, как единое целое, шёл в разнос. В этот миг с Дворским можно было делать всё, что угодно.

7.

В дверь позвонили. Три коротких и один длинный. «Должно быть, Лёнька снова пожаловал», – подумал Михаил и направился встречать приятеля. В открытую дверь ввалился улыбающийся «Саддам Хусейн». Такой же усатый, с чёрными как смоль волосами и с белоснежной улыбкой. Михаил растерялся и попятился назад.

– Ну, наконец-то, – первым произнёс вошедший. – Неуловимый вы наш! Давайте знакомиться: Лисочкин Юрий Михайлович – полковник ФСБ в отставке. Ваш искренний поклонник, а также организатор и вдохновитель всей этой вакханалии.

ФСБ-эшник неестественно зашипел сквозь зубы, вместо смеха послышался целый набор отдельных букв, плавно меняющихся от «с» до «ш», через что-то, типа «ф».

Лисочкин раскрыл своё удостоверение, подержал его перед носом Михаила, увидел, как у того забегали глаза, удовлетворился и спокойно убрал корочки во внутренний карман пиджака. Потом он уверенно прошёл в комнату, поправил брюки, чтобы не смять складочку, и аккуратно присел на диван.

– Чай, кофе, потанцуем? – продолжая куражиться, произнёс бывший чекист.

Ответа не последовало: ошеломленный Михаил не мог понять, что с ним происходит, он не поспевал за реальностью. У него только одна мысль и мелькнула. Повертелась в голове и испарилась. «Везёт мне на полковников...» По документу было видно, что ФСБ-эшник отставной. Дворский понимал, как это круто. У отставных офицеров ши-

рокие возможности. Они могут по старой дружбе подключать любых действующих сотрудников ФСБ там, где это необходимо. А у самих действующих всё расписано, как по нотам: шаг в сторону – превышение полномочий. И если уж такие рисковали и лезли почему-то не в своё, узко специализированное направление работы, то только ради быстрых денег: попугать и отвалить.

Лисочкин, закончив беглый осмотр секретной базы своего собеседника, принялся излагать то, зачем пришёл. Он подробно обрисовал мероприятия последних двух недель, которые достались Дворскому и его бизнесу. Делал это спокойно и обстоятельно – так всегда любил делать сам Михаил. Чекист всё знал про бывшего капитана-медика. Ну, почти всё, его пристрастия, привычки, стиль разговора и образ жизни. Даже про деда Мишкиного многозначительно намекал, мол, знаем: кто, когда и зачем.

– Значит, всё-таки кофе! – будто гипнотизёр, произнёс полковник, заканчивая описание событий последней недели.

Хозяин квартиры покорно отправился на кухню и через минуту принёс оттуда две чашки с растворимым кофе. Дворский остановился, не решаясь сесть рядом с так неожиданно появившимся виновником всех его недавно нахлынувших проблем. А усатый, попробовав горячий напиток, отодвинул чашку и, не глядя на Михаила, быстро, скороговоркой, почти стихами закончил.

– Я всех отзываю, всё вам возвращаю, впредь подобного не допускаю. Оберегаю от любых враждебных сил, кроме двух. Во-первых – «инсулинщики». Ну, вы уже их знаете и, надеюсь, впредь не рискнёте изобретать всё, что захочется вашей шальной и творческой мысли. Есть ещё и другие, не менее уважаемые товарищи, – «ненасытные» из окружения Президента. Позже я их назову поимённо. Эти особенно опасны. Именно потому, что ненасытные и совершенно безответственные. Да! Забыл. Передаю вам десять миллионов долларов по любой удобной для вас схеме. И самое главное – получаю ежеквартально от вашей «Фармы» двадцать процентов от её чистой прибыли. Вроде как привилегированная акция. – Полковник опять как-то глухо засмеялся в усы. Набор букв, посредством которых полковник производил «смех», явно расширился. – Хошь, не хошь, а раз в квартал проценты отдай. Другим – ничего. Мне – обязательно. Заметьте, «десяточку» обратно не требую. А вот, если надумаете продать бизнес, тогда о ней вспомним.

«Саддам Хусейн» наконец-то улыбнулся белоснежными зубами и поднял глаза на Михаила, продолжавшего стоять около дивана. «Конечно, клиент явно перезрел, находясь в бегах и ни с кем не входя в контакт. Небось, каждую минуту ожидает всё новых и новых наездов на свой бизнес», – как видно, подумалось гостю, и он продолжил озвучивать заранее заготовленный текст.

– Ведь миленько, правда. Вы согласны со мной, Михаил Николаевич? – гость опять притронулся к чашке с кофе, чуть отхлебнул, помолчал секунды три и продолжил. – Хм! Не отравлено. Миленько! Кстати, вы же сообразили, как себя вести с ребятами от «инсулина». Что же вам тут-то непонятно? А, Михаил Николаевич?

Диалог начался только через несколько минут, когда Дворский пришёл в себя и стал способен размышлять. «Так. Усатый хрен не связан с теми крутыми визитёрами, что навещали меня две недели назад. Уже хорошо. У него есть деньги, и он хочет, чтобы они работали. Всё просто. И лучше всего деньгам работать там, где минимален риск. Сегодня – это фармацевтика, конечно, свободная от „инсулиновой зависимости“. Теперь конкретно. Десять лимонов – неплохо! Прибыль ещё нужно получить, а потом показать... Можно, действительно, дать одну-две привилегированные акции. Пусть пользуется правом, голосует на собраниях и получает свои двадцать процентов от объявленной прибыли. Причём вне зависимости от решения собрания акционеров, – Дворский задумался и вдруг его осенило: – Но для меня это же лучше, чем заём! Там проценты тоже фиксированные, и они не зависят от того, есть прибыль или нет, да ещё весь заём нужно вернуть... – Михаил продолжал раскручивать ситуацию. – В чём-чём, а в логике ему не отка-

жешь. – Реально лучше! Так, зачем тогда вся эта кутерьма с обысками, облавами и изъятиями? Достаточно шёпотом сделать такое предложение, и я побегу изо всех ног с протянутой рукой. Непонятно. Непонятно... Наверное, просто не может иначе. Не так устроен – не привык к отказам».

– Да, вот ещё что. Полгодика хорошей работы, и я могу увеличить цифру до пятидесяти. А потом и до ста...

– А проценты всё такие же? Я имею в виду д-двадцать процентов от п-прибыли, – не выдержал Дворский.

– Обсудим. Потом обсудим. Уверяю вас, я предлагаю только выгодные варианты. Причём для обеих сторон. Вы согласны со мной?

Михаил уже понял, что это не вопрос, а так, присказка нового знакомого. Чёрт! Опять нет Малкина. Он хоть и младший партнёр и на управление никак не влияет, но всё-таки хотелось бы обсудить с ним и эту коллизию. Но Малкин, как всегда, или пропадал на очередном заседании в суде, или просто проводил время со своей Катенькой Захаровой.

В обоих случаях, которые произошли за последний месяц, Михаил Николаевич Дворский ничего не решал. Он просто делал то, что ему предлагали. Сначала прекратил выпуск панкагена, сейчас вот возьмёт эту «десяточку». Возьмёт! Куда денется? Он понимал, что не всегда предложения этого Лисочкина будут столь выгодными. Но если и дальше на него, Дворского, будут сваливаться вопросы такой степени сложности, а ему так же придется решать их с ходу, – запросто может накрыться весь бизнес. Вернее, бизнес, как самостоятельная ценность, сам его выбросит. Если он прибылен, то обязательно сохранится. Владелец поменяется, а дело, по-прежнему, будет приносить деньги. Найдется тот, кто сможет принимать сложные решения. А его, Михаила Дворского, бросят все соавторы по патентам, все коллеги, учёные из России и из-за границы. В «ноухавистском» бизнесе именно так. Не все это понимали, Дворский же знал наверняка. Ах, как не хватало ему партнёра с генами предпринимателя или хотя бы равного по ответственности! Малкин – не то! Теперь ещё этот навязался: отдай ему проценты с прибыли, а там хоть трава не расти.

В такие минуты Михаил обычно выпадал из процесса. Его мыслительный аппарат пробуксовывал, не имея достаточной информации, крутился «без смазки», и с каждой секундой всё явственнее ощущалось, что нервные клетки отказываются пропускать импульсы. Видимо, нейроны, «перепрыгивая с места на место», так разогревали голову, что у нормального человека, как говорится, «поплыли бы мозги». У Дворского были свои внутренние технологии компенсации чрезмерного разогрева, не ведомые до конца даже ему самому. Он плавно отключался и потом почти ничего не помнил. А проблема рассасывалась сама собой.

Вообще, всё опять счастливо рассосалось и вскрылось. Михаил даже почувствовал на мгновение знакомое приятное состояние. Прямо, как в детских мечтах: баня, холодная вода в ручье, трава... и голова кружится.

8.

Пётр Михайлович Филиппов впервые с 64-го года, со своей первой отсидки по малолетке, уже пятый год подряд гулял на свободе. Обычно «вольные» промежутки длились не больше нескольких месяцев. Потом всё начиналось по новой. Последний добровольный променад по тундре Ямало-Ненецкого автономного округа оказался не из лёгких. Его затем и выпустили, чтобы он за короткое время умудрился найти нужных людей и наладить все дела в столице нефти и газа – Ханты-Мансийске. И добычу, и сбыт газа, и в придачу всю финансовую круговерть вокруг этого голубого золота, да ещё и организовать общак на Кипре.

Вроде получилось. «Свои» были не в претензии. Ну и сам Филя зря времени не терял. Обзавёлся недвижимостью в Испании, поселился на берегу Бискайского залива, оттуда и дёргал за ведомые только ему ниточки, управляя

огромным доходным хозяйством, которое процветало за тысячи километров от него, за Уральским хребтом.

Главных своих помощников Филиппов вытащил из школьного детства. Оба были ему обязаны. Ещё в седьмом классе они вместе ночью пробрались в учительскую и выкрали классные журналы. Но мероприятие прошло, как говорится, с отягчающими обстоятельствами. Учитель-инвалид, без руки, дежуривший по школе и случайно оказавшийся рядом, пытался помочь беспомощно повисшему на дереве Петьке Филиппову, но не устоял, вывалился из окна и разбился насмерть. Филиппова вычислили сразу. А он никого не сдал. Потом – следствие, суд, приговор, колония для несовершеннолетних.

Позднее, когда в стране всё полетело вверх тормашками, он сделал предложение обоим одноклассникам, от которого, как говорится, нельзя было отказаться. Так и закрутилось. Финансы вёл один, Владимир Спивак, любитель математики и бывший диссидент. Причём он это проделывал безвылазно сидя в Тель-Авиве, куда сбежал из СССР ещё в 87-м по подложному паспорту. Другому, полковнику КГБ в отставке Лисочкину Юрию Михайловичу, сам Бог велел делать привычную работу – разведка, контрразведка, охрана бизнеса от государственного беспредела. С «междусобойчиками» бывшие зэки управлялись сами.

Если Спивака почти никто не знал, то Лисочкин (Лисициан – как его дружески называл Филя) был на виду. Любая заваруха в бизнесе, поиск кадров и их проверка «на вшивость» – всё по его части.

Работал Пётр Михайлович с величайшим увлечением, жил празднично. Командовать людьми ему нравилось. Одним, еле заметным жестом заставить человека делать то, что тебе нужно, – выражение твоей личной силы. Этим можно гордиться.

Со временем ближайшее окружение Филиппова забурело, обзавелось деньжищами, некоторые стали проявлять ненужную инициативу. Двое крепышей, что сидели с Филей в последнем лагере под Пермью, отвечали за то, что подгоняли «неокученные» компании под «крышу» известного авторитета Филиппова. Работа сложная, творческая, быстро развила спящее доселе воображение простых ребят. Те, долго не думая, смекнули, что всю работу делают они, а все деньги уходят хозяину. Это им сильно не понравилось, и они решили прибрать всё «надыбанное» себе. Пётр Михайлович, конечно же, с этим быстро разобрался. Зря, что ли Лисициан хлеб ест, да ещё и с чёрной икрой!

Зарвавшихся пацанов завалили в одночасье. Сразу обозначился пробел в системе. Замены-то ещё не нашли. Вот Лисочкин и вздумал, никого не спросясь, сам окучивать более или менее приличные компании и подгонять их под «крышу» авторитетного одноклассника. А уж если у него право «первой руки», то не попользоваться по первости свежей фирмой в сугубо личных целях было, как он считал, глупо и неправильно.

Фармацевтическая компания «Фарма-2» сама свалилась в распростёртые объятия полковника. Её владелец, он же директор и автор всех изобретений, был настолько тщательно «взрыхлён» всеми предыдущими наездами, что требовалось лишь нежно ткнуть пальцем, он и отдастся весь с потрохами.

Однако Филиппов не стал бы тем, кем он стал, если бы надеялся только на Лисочкина. Спивак ему давно уже сделал наколку на эту самую фармацевтику. Ещё три года назад он сообщил и о Малкине, и о Дворском, и об Академике. Поэтому Филя воспринял появление новой компании под своей «крышей», как заранее продуманное и просчитанное со всех сторон решение. Более того, он, как всегда, решил закрепить за собой право «контролировать справедливость» и через Лисочкина передал для руководства «Фармы-2» убедительную просьбу принять на работу заместителем директора сто́ящего человека, разумеется, из своего ближайшего окружения.

После недвусмысленного предложения от «крыши» Дворский наконец-то и сам сообразил, что совсем не чувствует многих рисков и опасностей, а он и его бизнес слишком уязвимы для всякого рода недругов и злопыхателей. Михаил весь извёлся. Понимал, что беспомощен, но придумать ничего толкового не мог. Позвонил Малкину.

– Вот что, Лёня. А давай-ка на собрание соберёмся что ли.

– Опаньки! Миша, дорогой! Да ты спятил! Какое, на хрен, собрание? Делать больше нечего?

– Ну, да. Как-то так... А скоро и вовсе нечего будет делать.

Малкин замолчал. Видимо, раздумывал секунду-другую: «Для Дворского уж больно всё непривычно сформулировано, слишком однозначно. Пожалуй, нужно соглашаться».

– Умеешь ты уговаривать, однако! Одно слово – и я у твоих ног. Ну, что? На квартире?

– Нет, нет. Давай в другом месте. Где один раз побывали ФСБ-эшники, лучше не собираться.

– Тогда у меня в Комарово. О'кей?

– О'кей. Завтра в восемь вечера.

Два года назад Малкин, поднявшись на информации для «денежных придурков», купил у какого-то старого академика дачку в Комарово. Участок сорок соток – сплошной лес и небольшой домик. Газ, вода, электричество – всё есть. Только жить некому. Сам всё время или в разъездах, или в офисе, а Катя Захарова в Комарово не любила ездить.

Леонид вышел навстречу партнёру. Он стоял на тропинке около ворот своего участка в какой-то драной одёжке и с граблями для уборки листьев.

– Миша... Ты, что ли? Что с тобой? – Малкин бросил грабли и для объятий развёл в стороны руки. – Да ты тощий какой! Ё-ка-ла-мэ-нэ. Просто Кощей Бессмертный.

– Аппетита нет, питаюсь через силу, всего боюсь, оглядываюсь по сторонам, то и гляди, шлёпнут... – Дворский, подходя к своему приятелю, был мрачен.

Они прошли в большую комнату, где посередине стоял круглый стол с чашками, стаканами, вазочками с сахаром и конфетами.

– Ну, здоро́во, дружище! – Малкин произнёс эти слова, усаживаясь за стол, а потом, показывая рукой на чашки и подражая недавнему непрошеному гостю, весело продолжил:

– Чай, кофе, потанцуем?

– Запомнил.

Михаил на следующий день после прихода Лисочкина, дозвонился до вечно занятого в судах Леонида и в красках передал ему все подробности разговора с «Саддамом Хусейном».

– Значит, кофе, – хозяин дома наполнил чашки из кофейника. – Давай, начинай.

Михаил уверенно, как истинный учёный, убедившийся в своей правоте на личном опыте, начал обосновывать новые подходы к управлению и новые траты.

– Для сохранения и защиты того, что называется ноу-хау, н-нужны д-д-деньги. Это ясно?

– Причём, на порядок больше, чем на само ноу-хау, – соглашался Малкин. – Но только одно маленькое замечание, незаметное такое. Сохранять нужно не столько твоё ноу-хау, сколько весь наш бизнес. Сами-то патенты денег ведь не несут, а даже наоборот, как, впрочем, и всякие другие активы.

– Второе. В вертикали власти нужно всё перевернуть с ног на голову. Спросишь, зачем?

– Угу.

– В юридическом лице не должно быть ничего, что привлекало бы к себе рейдеров. Цех для производства препаратов... в другой стране!

– И то – в аренде, – развивал идею Малкин.

– Работников цеха тоже не должно быть. Их возьмём в лизинг у р-р-рекрутинговой компании. Всех до одного! От рабочего до главного менеджера.

– Согласен. Пусть они зачисляют, увольняют, оплачивают больничные...

– Ещё учат и отвечают за технику б-безопасности, – добавил Михаил, как директор, уже досыта «наевшийся» всех прелестей командования хозяйствующим субъектом.

Приятели принялись рисовать схемы. Учёный-медик и юрист-кризисник окунулись явно не в своё дело – в омут проблем производства и сбыта продукции, финансовых потоков и минимизации налоговой нагрузки. «Художе-

ство» продолжалось часов пять. Ворох разрисованных листов бумаги покрывал стол. Там же торчали чашки с недопитым кофе, чаем и гранёные стаканы с водой. На краю стоял стеклянный чайник с уже холодной заваркой. На листах пестрели разноцветные таблицы и кружочки с названиями фирм, стрелочки и пунктирные линии, обозначавшие границу страны.

Малкин налил холодной заварки в один из стаканов.

– Будешь? – мельком спросил он Дворского.

Михаил, будто больной лихорадкой, затрясся и замахал руками.

– Так будешь или нет? Я же не коньяк тебе предлагаю.

– Это, должно быть, ингрaмма, – нервно произнёс Михаил и добавил, – картинка момента боли, рефлекс такой...

– Ну, ни грамма, так ни грамма, – пошутил Леонид, – мне больше достанется. А то от нашей болтовни уже во рту пересохло.

– Теперь самое г-главное, – громко сказал Дворский. – Я, как носитель ноу-хау и всех властных п-полномочий, должен стать неуязвимым, чем-то, наподобие твоего К-кощея Бессмертного. Тем более, ты сам говоришь, я такой же т-тощий...

– Я тебя умоляю!

– Да ты п-послушай. Ну, правда, похоже. Смотри! Кощей не может быть побеждён с ходу и просто так, одной только силой. П-помнишь, смерть его на конце иглы. Это я, значит, и п-первый номер. Та игла в яйце – это второй н-номер. Яйцо в утке, утка – т-третий номер, и она в зайце, заяц – четвёртый... Ну, и дальше что-то про сундук, который охраняет сам Кощей. Чем не матрёшка?

– Ну?

– Ну, ну! Ты что? Не врубаешься? Говорю на твоём языке. К-кто первый под ударом? Д-директор «акционерки». Не я, а обычный «дядя Петя», по схеме Кощея – «заяц».

– И его нигде не найдешь, твоего «зайца», – Малкин как всегда быстро вникал в идею и сходу её развивал. – Он принял все решения, которые от него зависят, оформил их нотариально и позволил себе исчезнуть. Может, на время, а может, навсегда... Раз смерть не установлена – значит, жив и действуют все его решения.

– Идём д-дальше. Кто назначил д-директора? Владелец акций! Это тоже не я, а обычный «дядя Коля»... Так?

– Так, так.

– По новому – «утка». Он тоже оформил все нужные доверенности... И главная – мне на право подписи на платёжных поручениях компании на Кипре, куда приходят все деньги. Это на крайний случай. А так, сам пусть подписывает или факсимиле ставит.

– Да ради Бога!

– Я понимаю, что тебе всё равно. Лишь бы денежки капали. Но ты послушай, это важно, честное слово! Все вокруг прекрасно понимают, что где-то есть истинный владелец, и обязательно начнут его искать.

– Начнут...

– Но найдут опять не меня.

– Ну, ты достал, ей Богу! А кого ещё? Меня, что ли?

– Ещё одного номинальщика. Номинального «настоящего владельца»! «Яйцо»! Ты понял, Лёня? «Яйцо»!

Малкин притих, мотнул головой, словно бык, развёл руки и заговорил елейным голосом:

– Миша, это круто! Ты гений конспирации. Ты зря теряешь здесь время.

– Всё равно, «дядя Петя» есть, «дядя Коля» тоже есть. Нужен ещё «дядя Вася». Кто-то, кто будет всегда представлять настоящих владельцев. А? Неофициально сидеть на переговорах, общаться с контрагентами, в общем, тот, кто, получая от нас основные вводные, сам на людях произносил бы принимаемые решения.

– А кто думать будет и вводные спускать нашему придурку? Пушкин?

– Ты...

– А ты будешь баинькать...

– Я буду обыкновенным чэ-ло-вэ-ком, простым автором патентов. Как? Ну, и конечно, буду, как и раньше, всё просчитывать и через тебя... слышишь, только через тебя спускать вводные этому... Вот и вся цепочка! Пусть он будет

вроде как моим неформальным заместителем по контактам с внешним миром. Со всеми пусть контактирует, только не со мной! Согласен?

– А есть такой! Кстати его Василием и зовут. Прямо, как ты, похож и такой же шустрый, но только он по другой части... В офисе часто ошивается. Тебя как раз не было, смотрю, ходит, как неприкаянный, во всё суёт свой нос. Сначала подумал, уж не от Лисочкина ли? Проверил, – нет, рядом не лежал. Общались пару раз. Грубоват... Чуть заговоришь, сразу на «ты» переходит. Вроде как на сбыте сидит, а, может, в производстве. Там чёрт ногу сломит.

– А нам-то какая разница? – радостно заключил Михаил. – Номинальный владелец есть, номинальный директор – тоже. Вот мы и сделаем из этого твоего хмыря ещё одного номинальщика – номинального «настоящего владельца».

Малкин, удовлетворившись последним элементом новой вертикали власти, снова налил заварки, выпил залпом и... заснул. А Дворский ещё часа два ходил по дому, смакуя нюансы новой системы управления.

Почему именно кипрская компания получала деньги, а не те, которые производили или продавали препараты по всей стране? Так было задумано изначально, и именно такие связи между всеми фирмами были закреплены договорами займов. В случае опасности только Дворский мог их расторгнуть в любой момент, останавливая тем самым все потоки сырья, лекарств, денег, выдёргивая целые звенья длинной цепочки от кредитования производства до оплаты произведённого товара. Где хранились оригиналы всех этих документов, так же как и протоколы собраний акционеров, знал тоже только он, простой автор патентов.

Конечно, во всех компаниях были свои документы. Так положено по закону. Но, если их изымут, к примеру, как это случилось недавно при наезде «налоговой», или они вдруг разом все сгорят, то никакой беды для бизнеса от этого не будет.

Теперь Михаил жил и работал в Финляндии, в арендуемом неприметном домике в Лаппеэнранте. Это совсем рядом с маленьким аэропортом, на зелёной улице Кесамаенкату. Оттуда до Риги час лёта. А там и вся Европа, как говорят риэлторы, «в шаговой доступности». О финском офисе никто не знал, даже Малкин. Раз в неделю туда приезжал курьер с банковскими документами.

Главная задача курьера – не привести за собой «хвост». Поэтому он ездил на своём автомобиле специально не через пограничный пункт «Брусничное», несмотря на то, что так было ближе, а через Светогорск. Ему приходилось каждое воскресенье звонить в Финляндию соседке Дворского, произносить всего одно слово: «Кюльке-Ехать?» и получать от неё подтверждение на приезд. Потом 160 километров от Питера до границы и ещё тридцать от Иматры до Лаппеэнранты.

Банковские документы на трансферы, уже подписанные директором «Фармы-2» и её легальной «дочки» – кипрского оффшора, привозили в офис Дворского в Финляндию. Он их изучал, сопоставлял с информацией о поступлении в эту «дочку» денежных средств от контрагентов «Фармы-2» и только после этого сам отправлял весь пакет бумаг в офис в Ларнаке. В тот же день скопившиеся в дочерней компании средства в соответствии с договорами, как возврат кредиторской задолженности, уходили в другой оффшор. Этот принадлежал лично Дворскому. Именно оттуда деньги шли на оплату «крыши», на возврат её займов, да и всем остальным явным и неявным акционерам «Фармы-2».

Самое важное, чем особенно дорожил Дворский, было в другом. Только он знал способы взаимодействия с соавторами патентов. И только они, в свою очередь, знали, что нужно делать, если кто-то удумает вдруг прихватить их изобретения. Самым крупным патентообладателем выступала питерская компания, которая производила препараты на заводе в Минске. Она, конечно, уязвима для захвата. Но что могут сделать рейдеры с её патентами? Без авторов с такой фирмой на Западе никто и говорить-то не станет!

Дворский особенно гордился тем, как наладил совместную работу с соавторами. Больше, чем оффшором на Кипре, «дядей Васей», другими номинальщиками и потаённым местом жительства вместе взятыми.

9.

Мужика, которого нашёл Малкин для контактов с внешним миром, звали Василием Фёдоровичем Прохоровым. Парень, в общем-то, дурной. Потерял все свои документы, умудрился без свидетельства о рождении получить новые. Зарегистрирован в Ленобласти, в посёлке Ермилово, без улицы и без номера дома. В Питере проживает один, где-то на Гражданке, не то в общежитии, не то в гостинице.

Прохорову часто приходилось сидеть рядом с официальным первым должностным лицом компании и уверенно задавать вопросы всем присутствующим. Потом «самый главный» также уверенно озвучивал решение. Директор только был рядом и поддакивал. Окружающие думали, что этот, не пойми кто, наверное, и есть настоящий собственник компании и называли его Фармацевтом.

Обычно Фармацевт появлялся в офисе «Фармы-2» на неделю, раскручивал «маховик» и исчезал. Будто бухгалтер-многостаночник, обслуживающий несколько компаний. Когда он исчезал, звонить ему было бесполезно. Говорили, мол, у него такой режим: неделю работает – неделю балдеет или у себя в древней, ещё шведами основанной деревеньке, или у кого-нибудь из старых приятелей.

Иногда его видели в театре, когда давали оперу или балет. Но это было, так сказать, в рабочую неделю. Хотя какая там «любовь» к культуре! Всем было понятно, что руководству нужно посещать тусовки, встречаться с крутыми политиками и бизнесменами, то есть в своём лице демонстрировать культуру организации и одновременно её организационную культуру. Где это ещё делать, как не в филармонии? Ведь только музыка прямо и непосредственно действует на органы чувств. Не слова и не краски, а музыка. Поэтому короткие и как бы неожиданные встречи в такого рода заведениях всегда более эффективны, чем формальные совещания или переговоры. Здесь, как в музыке, – тоже напрямую.

Такой ритм существования «главного номинальщика» соответствовал темпу жизни всего начальства самой крупной фармацевтической фирмы Северо-Запада. Словно спящие роднички, они пульсировали дней десять, потом засыпали. Миновала неделя – и снова все просыпались и бегали, как заведённые.

Ни Малкин, ни Лисочкин практически не встречались с «автором патентов». Они получали свои официальные деньги там же, где выплачивали расходную составляющую на персонал, «крышу» и на выплату дивидендов. То есть, у Прохорова. Нет, конечно, Михаил пересекался со своими псевдопартнёрами, но совсем в других местах, за границей, на рыбалке, где-нибудь подальше от их реального бизнеса. С Прохоровым и другими номинальщиками он не встречался ни разу.

Прошло полгода. Дворскому хорошо. Его никто не отвлекает от науки и ничто не нервирует. Раньше впору было сгинуть куда-нибудь да так, чтобы никто и никогда не нашёл. Теперь всё иначе! Только и дело, что ухаживать за тонкой, никому другому не доступной ниточкой, на которой висел весь бизнес. Но никаких контактов! Даже курьер, его давний знакомый, выполнял свою работу, не догадываясь, на кого работает. Прямо, как киллер. Между ним и заказчиком – бездонная пропасть! То, что есть такой человек, кроме Дворского, знал ещё только Василий Фёдорович Прохоров. Он обычно забирал от всех служб документы и складывал их в портфель. Потом появлялся курьер, забирал портфель и тут же исчезал.

Теперь Малкин был доволен собой, как никогда. Он всегда прекрасно понимал состояние партнёра, знал, что Михаилу трудно с ходу, без подготовки и тщательного изучения всех деталей, самостоятельно принимать решения, и потому в самом начале реорганизации стал искать человека, которому в таких ситуациях всё было «до фени». Внешне «главный номинальщик» смахивал на Дворского, но в отличие от «автора патентов» этот мог принимать решения, совсем не задумываясь об ответственности.

Если Михаил больше походил на аккуратного и расчётливого «немца» из анекдота про ракетчиков времён Варшавского договора, то Василий – на «поляка», стрелявшего

наугад. Сам-то Лёня скромно считал себя «русским», который пустил ракету по цели, видит – не туда, пустил вторую, а интервал между пусками не выдержал. Так и летели обе, виляя, крутясь и мешая друг дружке... Но попали.

Когда Дворский отправлялся из Финляндии в Питер, он делал это налегке, без громоздкого графика встреч и совещаний. В такие дни он обязательно навещал свою мать. Это было по пути и совсем рядом с Финляндией. Уже два года, как Анна Яковлевна перебралась из Питера поближе к природе и жила в том самом доме, куда вместе с матерью приехала в 55-м.

Всякий раз в воскресенье, поднимаясь по крыльцу их старого, но недавно отремонтированного жилища, Михаил вспоминал отца – капитана местного рыболовецкого флота, школу, свою извечную простуду и зимние вечера, которые он проводил здесь в одиночестве. Он помнил каждый день, каждую прочитанную тогда книгу, все свои яркие детские переживания... Но, где он был неделю назад, с кем встречался? Этого Михаил не помнил. Как будто напрочь срезало бритвой из памяти.

Мать всегда ждала и с радостью встречала сына горячими щами с чёрным хлебом и чесноком. Она откладывала в сторону толстый талмуд «Новейшая ботаническая энциклопедия», топила баню. Накануне включала насос и наполняла большие ёмкости холодной водой из ручья. Потом, за обедом они вспоминали бабушку, друга деда, Аристарха, говорили о здоровье, о делах. Анна Яковлевна незаметно интересовалась, не нашёл ли он себе подругу...

– Сейчас, мама, самое хорошее время для меня. Всё ладится, ничто не мешает, снова окунулся в науку, общаюсь с коллегами. Будто это и не бизнес вовсе, – видя, как мать недоверчиво качает головой, Михаил умолкал на мгновение и вдруг громко произносил, словно вспомнив что-то важное. – Да-а! Здоров, как никогда... Честное слово!

– Ты всегда разный, Мишенька. То с удовольствием ешь, говоришь со мной, а то так смурной приедешь, сразу в баню и спать, даже словом не обмолвишься. Вот и сегодня. Рассказываешь, а глаза такие странные. Вспоминаешь что? И тебе это неприятно...

– Не то, чтобы неприятно. Просто... не вспомнить. Я уже рассказывал тебе про мой сон?

– Сон? Нет, про сон ты не говорил. Про что сон-то?

– Противный сон. Будто я вышел откуда-то, ищу свою машину, а её нет. Туда, сюда кидаюсь – нет и всё! Я прошёл в соседний переулок. Может, там оставил? Понимаю, что не мог, потому что далеко это. Потом в другой... Чёрт-те где оказался, почти на другой конец города забрёл. Понимаю, что быть такого не может, но ведь нет машины нигде. И точно знаю – не украли. Представляешь, совсем не помню, где оставил и почему-то знаю, что не украли. И вот, где оставил... Заболела голова, и я проснулся.

– Так и не нашёл?

– Неа, – глубоко вздохнув, произнёс Михаил.

– И как же потом, машина-то цела?

– Да вон она под окном, всё цело, документы под козырьком.

– Ну, сон и сон, что с него взять? Машина на месте. Это главное!

– Перед Новым годом то же самое приключилось. Т-т-только теперь наяву!. Еду в магазин. Знаешь, такой большой, на проспекте Славы. Там всё есть. Нужно было купить хоть какой-нибудь деликатес к п-празднику. Тороплюсь, гоню во всю, правила нарушаю. Сам не понимаю – почему? Всегда аккуратно езжу. Оставил машину на стоянке. Рядом их штук пятьдесят было. Вошёл в магазин, взял тележку, час, наверное, катал. Расплатился, выхожу с тележкой – нет машины. Смотрю туда, сюда – нет! К-к-кнопки нажимаю на ключах, сигнализацию ту, другую – ничего! Хоть бы пискнула. Вот тут я серьёзно решил, что украли. Самое место для угона. Смотри, наблюдай, выбирай, потом приборчиком чик – код сигнализации получил, бери – не хочу! Жуть! Что делать-то? Звонить в милицию? Там и портфель, куча всяких бумаг... Случайно, ей богу, случайно зашёл чуть подальше, смотрю за углом магазина такая же стоянка. Как ошалелый побежал туда вместе с тележкой

по сугробам. У неё колеса выворачиваются, мешают... Бросил все покупки и припустил, что было силы. Пытаюсь не на машины смотреть, а найти такое же место, справа, почти в углу, во втором ряду...

Михаил даже вспотел, рассказывая матери свои приключения.

– Ты не представляешь, весь в снегу, мокрый от пота, нашёл, как будто ребёнка своего потерявшегося. А пока рыпался, голова точно так же заболела. Как тогда, во сне. Просто я заходил в одни двери, а выходил в другие. И эти, другие, на другой стороне здания. Представляешь? Потом еду по городу будто пьяный, вдруг начинаю вилять, то и дело менять ряд, обгонять, кричу на водителей машин, которые медленно двигаются... Себя не узнаю.

Анна Яковлевна ничего не сказала в ответ на эту историю, убрала посуду и накрыла к чаю. Михаил тоже молчал, всё смотрел в одну точку, будто пытался выяснить, как всё это связано.

– А ты, Мишенька, не мучайся, к врачу сходи. Или так, с людьми знающими посоветуйся. Отец твой тоже, бывало, ничего не помнил. Но это у него после попойки очередной.

– Надо. Чувствую, надо. Только не здесь. Сразу раструбят на весь город. Нужно за границей. Вот поеду в Голландию...

Мать успокоилась. Там, на Западе, медицина толковая, не то, что у нас. Глядишь, и пропишут чего стоящее. Они ещё долго пили чай с клубничным вареньем, болтая о всякой ерунде. Михаил никуда не торопился. А Анна Яковлевна, после развода сына никогда и ничем не напоминала ему о бывшей жене, о гибели ребёнка, об Абхазии и о тяжёлом времени после возвращения из госпиталя.

Поздно вечером Михаил уходил в баню. Подолгу парился, обливался холодной водой, снова парился... Там же, в комнате отдыха, оставался ночевать и рано, рано утром, не беспокоя мать, просыпался, надевал любимый костюм, брал с собой документы, местный мобильник и исчезал.

10.

Малкин давно уговаривал Дворского плюнуть на все дела и сгонять в Амстердам, поболтать, встретиться с их бывшим шефом – Академиком, потусоваться в обществе денежных «товарищей». Легко сказать – «плюнуть». Текучка не отпускала ни того, ни другого. И вот, однажды разместив очередные деньги от «крыши», Дворский сумел вырваться из треугольника между Финляндией, Кипром и Швейцарией и вылетел в Амстердам. Малкин был уже там и встречал его в аэропорту.

– Завтра едем к местному миллиардеру, – не здороваясь, радостно сказал Леонид, когда они садились в машину. – Вчера был у Максимова, он познакомит. – Малкин развернулся лицом к приятелю и многозначительно поднял указательный палец. – Этот миллиардер, Сойфер, собиратель компаний с активами. Сначала их наполняет чем-нибудь изящным, типа наших патентов, бизнес-планами, инвестициями, менеджментом и потом выпускает на АЙПИО...

– Куда выпускает? – Дворский впервые слышал такое слово.

– Как всё запущено, Мишенька! Это у тебя рудименты отечественного бизнеса. Конечно, какое там АЙПИО, если всё перевёрнуто с ног на голову! АЙПИО (IPO) – это по-английски. Сокращённо – первое публичное предложение акций компании. Представляешь, он наберёт всякой дряни, разрисует всё это берлинской лазурью и начинает втюхивать всем, кому не лень. Только не активы конкретные, а акции той дурилки, где они лежат.

– Это я помню, – нехотя произнёс Дворский. – Про акции. Максимов р-рассказывал. Он ещё лет семь назад об этом говорил... В ЦК, на с-совещании. Да вы же там вместе были!

– Точно. Тогда частной собственности ух как боялись. Как огня. Вот он и успокаивал генсека. Мол, фирма и активы нам, а акции, бумажки этой самой фирмы – вам, в частную с-собственность! Вроде, как и есть она, эта нена-

вистная частная с-собственность, но в ней одни только бумажки.

– Сейчас-то чего?

– Сейчас, Миша, важно другое. Я про Сойфера. Понимаешь, тут нужно разобраться, кто чего просит или предлагает. Мы ждём его инвестиции к нашим активам? Или наоборот... он предлагает деньги и мечтает о наших патентах?

Малкин заранее всё продумал, спланировал, как начать разговор с Дворским, он даже на бумажке сценарий подготовил, что за чем следует. Цель одна – подготовить «автора патентов» к тому, чего он никогда не любил, – к ответственному мероприятию – найти деньги.

Леонид случайно остановил свой взгляд на лице Михаила. На него смотрели глаза, абсолютно безразличные к тому, что он говорил. Ни одной искорки, ни одного хотя бы намёка на интерес. Дворский отвечал на вопросы, как-то реагировал, но, казалось, мысли его были совсем в другом месте, далеко-далеко отсюда.

«Что-то новенькое, – подумал Леонид. – Такой метаморфозы в состоянии партнёра он ещё не видел. – Это хандра! Это нужно выгнать из него, во что бы то ни стало. Завтра важная встреча!»

– Ладно, ладно. Всё потом! – быстро заговорил Малкин. – Сейчас бросим шмотки и в город! Я тебе покажу прелести свободного мира. Небось, всё на Кипре, да на Кипре. Тут интереснее будет. – Малкин, как обычно, начал придуриваться и, стуча ладонью об кулак, зачастил: – Хочэшь, хочэшь?

Леонид никак не мог в толк взять – партнёр его вообще ни с кем не спит, что ли? Он знал, что Дворский разведён. А ни одной привлекательной особы около него никто не видел уже года два. И непривлекательной, кстати, тоже. Может, умудряется незаметно с кем-то проводить время. Нет, вряд ли! Леонид бы знал! Да и чего скрывать! Вывод напрашивался сам собой. Или Мишенька больной, или бедняга по своей воле пребывает в вынужденном простое, или просто в облаках витает, как все чокнутые учёные...

В общем, Малкин повёл Дворского «по женщинам».

Предприятие легальной проституции поразило Михаила своим размахом. Девушки и женщины всевозможного возраста и размера расположились в витринах своих «магазинов», предлагая единственный товар – себя.

– За каких-то пятьдесят долларов и за двадцать минут они помогут тебе расслабиться, – уговаривал Дворского знаток почти всех питерских судей женского пола, не старше тридцати пяти. – Там нормальные апартаменты, всё есть: прямо в кабинке «рабочее место» – кровать, унитаз и умывальник. Как говорится, всё в одном флаконе.

Но Михаила больше волновал совсем другой вопрос: «А что, если не успеешь за двадцать минут? Что тогда? Надо продлевать? Или как?» Ответов на свои вопросы от Малкина он так и не получил.

Витринные девицы выглядели неплохо, уж получше тех, что кучкуются на выезде из Питера. Наши заведут куда-нибудь, не дай Бог, опоят и обкрадут. Здесь хоть всё на глазах. Вошёл – вышел. Но всё же проблема есть, – подумал Дворский. – Чтобы с ними заниматься сексом, нужно заранее отдавать себе отчёт, что за указанную сумму получишь минимальный набор услуг. Трогать нельзя, целовать нельзя, переворачивать по-всякому – тоже нельзя. За каждое дополнительное действие доплата чуть ли не те же самые пятьдесят долларов. Узнавать всё это в процессе – удовольствие не из приятных. Небось, там каждая минута на счету.

Обычно дотошные туристы торгуются вначале, перед мероприятием, обсуждая каждую деталь интимной услуги. – Получается как-то уж совсем б-бездуховно, – поделился сомнениями Михаил. – А с другой стороны, п-понятно: невозможно всё п-п-предвидеть. Это, ведь, – как пойдёт. Как лекарства! Колешь одно. Например, от б-боли. При этом хочется и для сна, и для аппетита, да так, чтобы п-печень не заболела... А вообще, круто! Все зарегистрированы, платят налоги, имеют страховку, со временем, небось, и п-пенсию будут получать... Социализм!

Короче! Не вышло у них ничего. Засмущался измученный одиночеством учёный-изобретатель. Малкин было

взялся торговаться, но посредник в таком деле глуповато выглядит.

Пошли дальше. Теперь завсегдатай всех злачных мест повёл своего приятеля в курильню.

– Нужно хоть раз попробовать наркоту, – уговаривал Леонид. – Ты же учёный и не знаешь, что это такое. – Сам он это частенько проделывал, будучи в Амстердаме. – Но никаких свёрточков с собой! Никаких кулёчков! Забудешь, в аэропорту собаки обязательно учуют.

В Амстердаме магазинчики, где можно покурить, встречаются чаще, чем кабинки-писсуары. Но известный изобретатель лекарственных препаратов шёл за наркотиками, как на преступление. По дороге они украдкой заглядывали в разные забегаловки. Всё не нравилось. То накурено сильно, то негры одни. Сидеть вместе с неграми в непонятных местах как-то не хотелось. Уже возвращались к гостинице, не выдержали и наконец-то зашли в одно неприметное кафе.

Музыка играет, всё спокойно, а Дворскому всё равно страшно. Нервно присел на диванчик в самом углу, оглядывается по сторонам, голову то опустит, то поднимет, – всё ищет видеокамеры на стенах. А Малкин со знанием дела влился в оживлённую толпу у прилавка. Народ деловито и профессионально тащил оттуда какие-то зелёные пакетики, сворачивал сигарки и оттягивался. Принёс Леонид две стеклянные прозрачные пробирки с жёлтыми крышечками. В них заботливо вставлены кем-то свёрнутые кулёчки по пять долларов за штуку.

– У-у-х-ты! – Малкин радостно оживился. – Вот оно, запретное, сейчас начнётся...

Дворский неловко сунул кулёк в плошку со свечкой и прикурил, пытаясь элегантно держать «косячок» между большим и указательным пальцем правой руки. Его сразу же потянуло на умные речи:

– Наша п-психика – это эфемерная субстанция, неизведанная, неизученная, это чёрный ящик. И удивительно, что какая-то т-травка, какой-то дым сбивают замки с этой секретной комнаты. А там... п-прячется мощная скрытая сила – наше п-подсознание.

– Молодец! Умный, – в ответ на лирику Михаила произнёс Малкин, уже успевший выкурить почти половину пятидолларовой порции. Потом покачал головой и добавил: – Ни дать ни взять – «Беломорканал»!

Некурящие, нежные, подверженные частым простудам, лёгкие Дворского поначалу отвергли жуткий табачный дым, и Михаил зашёлся в надсадном кашле на всё кафе. Малкин, напротив, держался привычно и через некоторое время вообще отложил до половины недокуренный кулёк, заявив, что с него хватит. Это было очень правильно. Только это и спасло потом учёного-биохимика, увлекающегося экспериментами над самим собой.

Михаил, несмотря на кашель, продолжал усердно вдыхать дым... Вдруг перед его глазами что-то потекло. Резко пропали стены, исчезли столы, стулья, куда-то поплыл бар, вместе с людьми, бутылками кока-колы, пробирками и разноцветными кульками... Куда-то делся контур его тела. Перед глазами мелькнуло что-то светящееся. «Ух-ты, – подумал Михаил, – вот они какие – глюки, надо потом записать». Он «вынырнул» и только хотел о них поведать Малкину, как, не успев даже открыть рот, снова куда-то улетел...

Это было уже совсем не смешно. Он, как молекула, похожая на медузу, летал вблизи цветных цепочек ДНК. Те растянулись далеко вправо и влево. Молекула то к одному концу прибьётся, то к другому. Нет! Не принимают. Потом вдруг эти длинные, колышущиеся цепочки, задышали, задвигались, обвили его несколько раз, словно удавы и начали сдавливать. Дворский вдруг сообразил, что ему это не нравится. Ему не нравится, что интенсивность сдавливания увеличивается, ему не нравится его полная беспомощность, что он себя вообще не чувствует и не контролирует.

Михаил опять «вынырнул» и первое, что увидел, улыбающееся лицо Малкина. Тот что-то говорил, но ничего не было слышно.

– П-п-пойдём от-т-сюда, – с неимоверным трудом прошептал Дворский. Малкин всё понял, сразу же оделся и потащил товарища в отель.

В номере начинающего наркомана стало трясти, ему было холодно, он сидел на кровати укрытый одеялом и рыдал.

– Как же мне п-плохо, – отчетливо произнёс Михаил. Посидел немного, стащил с головы одеяло и снова заревел, одновременно пытаясь говорить что-то умное. – Мне п-п-плохо... Очень плохо. У меня... все скрытые страхи выплыли наружу. Как же там страшно, господи, как же там п-п-плохо и одиноко... Опять засасывает...

«Мне страшно, – находясь по другую сторону „сознательного“, сам себе сказал Дворский. Или только подумал. Он отчётливо всё видел, чувствовал каждой своей клеткой. – Опять уносит в это болото..... Кричу во всё горло „Не хочу, не хочу!“ Никто не слышит. Моё сознание раздроблено на тысячи „я“. Все они прозрачные, круглые, прыгают, как мячики, отскакивают от стоящей на волосатых человеческих ногах огромной и неподвижной молекулы... Я её уже видел. Она меня душила... В самом углу лежит ещё один „мячик“, какой-то совсем другой... Самое интересное, что сознание моё в полном порядке. Это я так думаю... Подошёл отец, что-то говорит, обнимает меня... Такой же, как и тридцать лет назад! Что-то в руках? Берёзовый веник! А меня нет – одна молекула... Жалко! Хочу его слышать, говорить с ним. В баню хочу... И никак. Потом отец отошёл чуть в сторону, улыбается и что-то напевает себе под нос. Теперь появился этот... номинальщик Василий. Я его не видел ни разу, всё хотел встретиться, а он тут как тут. Уже сидит за столом. Какие-то переговоры... Действительно похож. Что-то орёт, руками размахивает, пытается в чём-то меня убедить. Или не меня?.. Встал. Хочет ударить... Вижу, как его кулак влезает в меня... Куда? В одну из прозрачных, еле заметных молекул... Вижу, что тысячная часть „меня“, как безмолвный свидетель, наблюдает со стороны за происходящим, спряталась, молчит и присматривает за всеми. Но тут появилась ещё одна. Эта явно не в ладу с первой, тоже, как и Василий, о чём-то спорят... Вдруг тот „мячик“, что лежал в углу, сам покатился. Покатился, покатился...» Большая молекула шагнула ему навстречу и поглотила целиком. Сразу всё вокруг замелькало, засветилось, а на полу, словно шов между кусками железа после автогенной сварки,– стал постепенно проявляться пик. Он похож на Эльбрус, такой же неровный и чуть скошенный... В голову приходит дикая мысль: «Теперь я понимаю, что такое сумасшествие. Ну, надо же, я думал, что я – сложное создание, а я... Нюхнул – поплакал, нюхнул ещё – посмеялся».

В течение какого-то времени Дворского будто носило от одного состояния к другому, то смех, то слёзы, сначала трясло всего потом задрожали только ноги, потом ступни, потом руки, потом опять по новой.

Малкин намешал что-то в стакан с водой и насильно влил содержимое Дворскому в рот. В общей сложности Михаил выдул пять огромных стаканов с сахаром.

«Никакого эффекта, только язык прилип к нёбу и слиплись губы, – рассуждал Дворский, словно описывая эксперимент с собакой. – Причём пить очень трудно, я же бестелесная молекула, мне кажется, что моя рука проходит сквозь стакан и не чувствует его тяжести. Как будто после анестезии, когда зубы лечат. Если раньше времени начнёшь есть, все губы в кровь искусаешь – ничего не почувствуешь».

Утром Михаил очнулся. Пошевелил ногой, потом рукой – вроде всё на месте. Приоткрыл глаза – опухли, конечно, но открываются и видят. Голова не болит. О вчерашнем кошмаре напоминали только красные от рёва глаза. Пришёл Малкин. Они выпили чаю прямо в номере и пошли гулять.

Сегодня позвонит Максимов, нужно быть в форме. Весь заранее заготовленный сценарий рушился на ходу. Леонид, как ни старался, так и не смог понять, на что ещё способен его партнёр.

Шлялись долго, чтобы воздухом как можно лучше провентилировать лёгкие. Забрели далеко. Дворский долго стоял на берегу канала, молчал, всё смотрел на белых лебедей и никак не мог насмотреться. Проскочил маленький катер. Лебеди, не суетясь, не взмахивая крыльями, легко покачиваясь на образовавшейся волне, отплыли чуть в сто-

рону. Даже шеи свои длинные не повернули в сторону опасности. Не то, что утки. Те сразу вспорхнули и унеслись куда подальше. Малкин был рядом, но он то и дело исчезал в каком-нибудь магазинчике и в идиллию своего приятеля не встревал.

Чтобы поспеть в отель, взяли такси. В машине Дворский постепенно вернулся к реальности, вспомнил вчерашнюю встречу с Малкиным в аэропорту, его слова о миллиардере и задумался: «Его инвестиции к нашим активам.... Чушь! При чём тут всякие АЙПИО? Никто ничего не даст в нашу страну!»

Автомобиль подъезжал к отелю, когда Михаил вдруг обратил внимание на симпатичное двухэтажное здание, стоящее напротив. Офис психотерапевта. Завтра Дворский обязательно должен его посетить. Он, в общем-то, и приехал в Амстердам именно для этого. В Ларнаке ему посоветовали дамочку с редкой фамилией Вальта – не то психоаналитик, не то психотерапевт. Она ещё из Советского Союза приехала. Лет десять назад уезжала в Израиль, а поселилась в Амстердаме.

Дворский задумался потому, что вдруг всё разом соединилось в его голове и выстроилось в один ряд очень схожих по смыслу и по значению событий. Врач, к которому нужно сходить завтра, Витька Завьялов, которого похоронили месяц назад, вчерашний «улёт» в нирвану. И ещё эти лебеди...

11.

Михаил остро почувствовал: или сейчас, или никогда!.. Хотя не ко времени, чёрт побери. Как всегда!

– Знаешь, Лёня, давно хотел выговориться.

– Стесняюсь спросить, что сделать? – Малкин быстро смекнул, что партнёр опять завёл шарманку про свое гордое нежелание заниматься продвижением патентов. Мол, не царское это дело – искать инвесторов, покупателей лицензий на изобретения, давать взятки за клинические испытания новых препаратов, потом где-то штамповать таблетки или ампулы с лекарством.

А Дворский сделал вид, что не слышал дурацкого вопроса.

– П-постоянная конспирация, какие-то оборонительные укрепления вместо настоящего дела, – снова заговорил Михаил. – Защита от тех, от этих, от самих себя. П-постоянные надежды на «того п-парня», который вытащит, прикроет, п-примет решение. Я давно решил поговорить с твоим Васей, с Прохоровым. Зову – не идёт! Не иначе, великим себя возомнил. А мне надо! Не могу я так... через п-посредника. Через тебя не могу. П-понимаешь? Это получается, как вчера, с бабами...

– Ну вот! Опять я виноват.

– Может и виноват... Только...

– Ну что только, только? Нужно было себя сразу продать, Миша. Да подороже! Обычная сделка обычного профи. Что тут плохого?

– Ты же п-потащил в другую сторону...

– Я потащил? Академик бы тебя нанял, но ты же свалил тогда...

– Мне п-п-приказали – я и свалил.

– Да, да, рассказывай!

Малкин и Михаил, оба хмурые и нервные, вылезли из машины и, уже в дверях отеля, Леонид вдруг остановился, грубо повернул к себе за плечо Дворского и, тряся его, как куклу, почти закричал.

– Слушай, а ты чего завёлся? Сейчас-то чего ты завёлся? Хочешь всё испортить? Опять в кроватку захотелось, баиньки и соску сосать... с водовкой. – Леонид распахнул двери и уверенным шагом устремился к стойке портье.

Михаил так и остался стоять у входа в гостиницу. Не потому, что раздумал идти. Нет! Обиделся. «Так вот, при людях, – крутилось у него в голове. – Да ещё за что?» Он каждый день, как проклятый, занимается всякой фигнёй, вместо того, чтобы делать обалденный прорыв в науке. Он действительно может сварганить такой препарат, что вся

медицина заткнётся с её полумерами. Двое его знакомых из университетской клиники в Цюрихе знают это наверняка. Знают, верят в успех и делают всё для того, чтобы отыскать нюансы сложнейшей формулы нового «сногсшибательного» лекарственного препарата.

«Чтобы я забыл про это? Да никогда! Просто последние годы приучили меня к дурацкому слову „толерантность“. В этом всё дело! Но только что Малкин, сам не отдавая себе отчёта, произнёс для меня самое главное. То, от чего, может быть, зависит вся судьба. Не часть, а именно вся... – Мыслительные процессы вдруг разом застопорились. Ну, вообще свихнулся: „судьба, часть судьбы...“. А где Малкин-то? Подлюга! Он уже паспорта суёт и свой, и мой. Когда стырить-то умудрился?»

Дворский давно стал серьёзно задумываться о своём предназначении. Только боялся формулировать так однозначно. «Наёмный работник... Фу! Слова-то какие! Раньше все только такими и были. А теперь вдруг брезгливо корчат рожу. Это всё из-за неё. Подумаешь, частная собственность! Но уж больно противно быть в найме у таких, как Игнат с костылями, Телевичок с косичкой или отставной чекист с его патологическим хихиканьем. Сегодня, будто прозрение какое. – Михаил вспомнил, когда он впервые забыл слово „профессионал“. – Точно! После того, как во второй раз в жизни рядом появился этот лёгкий и скорый на руку юристик из обкомовского аппарата последнего года розлива».

«Да, он приподнял меня, как пушинку, затерявшуюся в трещине рассохшегося пола, дунул, и с тех пор я, Михаил Дворский, летаю по свету, как неприкаянный. Всякий может меня словить, прихлопнуть, снова затолкать в щель или направить совсем в другую сторону. Да, он меня вытащил на воздух. Вытащил и сразу подбросил куда-то высоко, высоко вверх. Туда, где большие деньги. Но большие деньги – огромные риски! А мне бы что-нибудь спокойное. Вот как лебеди... Что-нибудь обстоятельное, всегда наперёд известное... пирога с черникой и свежего молока. Да так, чтобы там были такие нежные, чуть голубые прослойки не то сахара, не то мокрого теста, смачно пропитанного черничным соком... Ой! Прелесть! С молоком свежайшим, но не парным, а чуть прохладным... Да после бани...»

При этом Михаил даже покачал головой и закатил глаза на высокий потолок холла отеля, прикидывая, весь пирог он слопал бы или только две трети... Симпатичные девушки из ресепшн, бутик с одеждой от Дольче Габана, охрана в чёрной форме – всего этого Дворский просто не замечал. «И чтобы все эти жуткие решения принимал кто-нибудь другой... А?»

– Ты учти! Так не делается, – Малкин закончил оформление документов и холодным голосом прервал поток сладких воспоминаний своего приятеля.

– Что не делается? Где не д-делается? Ты партнёр? П-партнёр. Я делюсь с тобой своими сомнениями и тревогами, – Дворский словно протрезвел. Он заговорил чётко и логично. – Или ты хочешь, чтобы я замкнулся в себе и сорвался? П-поверь, сразу всё испарится, как и не было. Нужно думать, искать условия для комфорта каждому п-партнёру.

Подходя к лифту, где уже скопились люди, Михаил замолчал. Потом, уже идя по коридору, продолжил:

– Что тут не так? Ну, что тут не так? А ты: «завёлся, завёлся». Сам-то чего завёлся? Я же п-понимаю, как вам сейчас кайфово. Что тебе, что этому п-п-полковнику без погон. Никаких забот – только раз в квартал приехать и п-получить свою долю. Вот уж, действительно, акционерное общество – дерьмо! Взял бумажку с названием «акция» и ходи, улыбайся до ушей...

Они вошли в номер Михаила. Малкин сразу залез в минибар, вытащил оттуда два флакончика виски и вылил их содержимое в фужеры, стоявшие на столе рядом с вазочкой с фруктами. Они тут же уселись в кресла друг против друга.

Последние полгода с Дворским происходило что-то странное. С одной стороны, ему было комфортно: проблем с необходимостью принятия таких противных для его характера внезапных решений не возникало. Всё сложное и

окрашенное рисками разрешалось само, почти без его участия. Вместе с тем появилось что-то новое и непривычное. Он всё чаще отключался: не мог долго работать. Изолированность от компании сильно ограничивала его общение, сужала возможности для обсуждения проблем, не с кем было делиться мыслями и сомнениями. То есть придуманный им бесконтактный способ управления бизнесом начинал давать сбои. И в первую очередь это опять било по Михаилу. Наверное, не от хорошей жизни он решил поступиться безопасностью и встретиться с Прохоровым. Оказывается, если ты действительно отвечаешь за дело, то очень скоро поймёшь, что кроме науки есть ещё что-то, что не меньше влияет на результат, а, может быть, и больше.

Михаил непроизвольно перешёл на совсем другую тему, как бы оберегая этим важную для него мысль о наёмном труде и о профессионалах.

– Ну, почему, скажи, п-пожалуйста, все прибыли должны идти акционерам? Они когда-то дали свои деньги, но ведь не время и не умение. Впрочем, что такое акционерное владение? Ф-фиктивный капитал! А это что? Никогда толком и не знали. Уверен, к-когда-нибудь, акционеры откажутся от мифа, что они чем-то владеют...

– Бедному всё пригодится. Я, к примеру, не откажусь, – Леонид виновато улыбнулся. Он не сдавался и не уставал всё переводить в шутку. Скоро позвонит Максимов, и они поедут к голландскому миллиардеру, а тут вдруг такое обострение рефлексии – обычной болезни интеллигенции. – Ты что, чокнулся? «Никто ничем не владеет». Одни вносят свои деньги, другие – своё время и умение. Что тут неясного? Деньги – абсолютная ценность. Любой бизнес для них и ради них!

– А для меня абсурдной кажется сама м-мысль о том, что группа людей, превращающих идеи и отношения в п-п-продукты, есть чья-то собственность. Одно их дуновение, и вообще ничего не будет.

Дворский резко встал и направился к окну. В его глазах светилась уверенность. А Малкин, выпив свою порцию, уже опрокинул одним махом и другую, ту, что предназначалась для собеседника.

– С тобой не соскучишься, Миша. Всегда нужно хоть что-то успеть урвать, – Малкин, улыбаясь, показал на второй пустой фужер и с шумом плюхнулся на диван, вытянув ноги.

– Да убери ты свои лапти. Р-разлёгся тут...

Леонид даже удивился: что-то больно резко для Мишеньки, мягонького во всех отношениях. Чуть подвинулся и, подождав немного, заговорил.

– Знаешь что? Ты давай-ка собери в установленном порядке собрание этих самых, столь ненавистных тебе акционеров, и там продолжай изливать свои сентенции. А я посмотрю, чем всё кончится! Уверен, с такими мыслями уже через минуту тебя не будет...

– Лёня, ты же юрист, а не я, – перебил Дворский. Казалось, он знал все ходы наперёд. – П-попробуйте, умудритесь собраться. Да ещё так, как учит нас закон и устав. Не п-п-получится! Ой, про что это я? Ведь через минуточку, как ты говоришь, не станет всего лишь д-директора-номинальщика. А его и так днём с огнём не сыщешь! Может, владельца сумеете найти? П-пусть-ка он подпишет вашу бумажную чушь и ещё живой сходит с ней в налоговую, чтобы подтвердить свою п-п-подпись. Получится? Не уверен! Сами всё придумали, сами запутали – внешних сил боялись. Но как быть с внутренними? Вдруг между собой п-переругаемся? Все, кто п-п-опадал в кризис и потом звал нас на помощь, совершали одну и ту же ошибку, – продолжал заведённый Михаил. – Забыл? Они терпеть не могли д-д-документы, собрания и вообще управление. Они верили, что бардак в отношениях будет всегда. Правда, это у них называлось дружба, доверие и тому подобное, даже любовь. Теперь мы на их месте. Разве не так?

– Не так! Я семь лет работал с документами. Так что я их не только терплю, я их обожаю! Это мой хлеб.

Документы для Малкина было святое, поэтому он замолчал. А Михаил, посмотрев в глаза обиженного приятеля, понял, что сегодня продолжать с ним серьёзный разговор бесполезно. Прошло не больше минуты. Леонид снова сел в кресло и, бросив озорной взгляд на Дворского, продолжил:

– А то, соберите собра-а-ание, понимаешь...

– Сам сказал п-про эту чушь...

– Я не это имел в виду...

– Да чёрт с т-тобой, Лёня. То или не то ты имел в виду. Я п-про другое талдычу, а ты всё не врубаешься. Помнишь, мы с тобой работали в 94-м по кризису в этой... Как называется? Так там п-простой рабочий знал, какую гайку ослабить, и всё разом накроется.

Затарахтел и заёрзал на столе мобильник Малкина, потом из него зазвучала мелодия из кинофильма «Щит и меч». Разговор окончательно прервался, так толком и не начавшись.

Леонид привстал с дивана, нехотя протянул руку, посмотрел на экран телефона. Номер не высвечивался. В таких случаях Малкин нажимал на зелёную кнопку и продолжал молчать, пытаясь узнать голос говорящего.

12.

В Москве, в доме четыре по Ипатьевскому переулку, в советские времена размещался аппарат ЦК КПСС. В ноябре 96-го здесь обитали уже другие чиновники – аппарат Администрации президента. При всей разнице в мотивациях и жизненных принципах, вероисповеданиях и воспитании, тех и других чиновников объединяло одно свойство. Они незаметно, но весьма продуктивно влияли на решение совершенно конкретных вопросов, связанных с крупными городами и хозяйствующими субъектами необъятной страны. Делалось это не само по себе. От имени этих организаций и тогда, и сейчас мог выступать только один человек – или генсек, или президент. Остальные лишь готовили для них решения.

Однако то, что должен произнести руководитель, собирать и согласовывать долго и муторно! Гораздо проще и соблазнительнее, не дожидаясь первого лица, вечно занятого очень важными вопросами, самому взять да и провернуть «нужное для страны дело». Небольшое дельце. Принципиальные установки для этого всегда имеются. Нужна лишь их конкретная реализация. Конечно, для этого есть местные власти. Но рутина! Рутина засасывает их всё глубже и глубже и не позволяет своевременно и качественно выполнить предначертанное свыше. Вот и приходится самим ответственным работникам Администрации, порою нарушая закон и внутренние инструкции, конечно, исключительно только «пользы дела для» проявлять избыточную инициативу. А вернее, злоупотреблять должностными полномочиями.

И вот уже звонят телефоны в департаментах правительства и министерств, у глав регионов и в местных управлениях МВД, ФСБ и Налоговой полиции. Нескончаемым потоком сыплются туда из Москвы неформализованные «просьбы», накрывая мутной волной столь же многочисленные официальные правительственные поручения зампредов Совмина. Хотя и понятно всем, что телефонный звонок ничто, и его к делу не пришьёшь, всё равно лучше не будить лиха... Как говорится, помочь не помогут, но навредить – всегда пожалуйста!

В правом крыле восьмиэтажного здания размещались департаменты Совбеза. Там готовили решения Президента страны в области обеспечения всех видов безопасности. И государственной, и экономической, и оборонной, а ещё охраны здоровья населения.

Кабинет начальника одного из департаментов был на четвёртом этаже. Там же периодически собиралась Межведомственная комиссия по охране здоровья.

Сегодня первое ноября, понедельник, день совещаний. На этажах пусто, в туалетах – тоже, никелированные урны чисты и блестят так, что можно в них смотреться, как в зеркало. С выходных ковры на полу в коридорах чистые и ещё не успели впитать в себя пепел от сигарет. Этажом ниже буфет. Оттуда тоже пока ничем не пахнет. Вентиляция в здании старая, приточная, и по запаху обычно можно определить, что сегодня завезли из съестного. Сотрудники департамента, стараясь не пачкать ковёр, будто боясь, что

по следам определят того, кто здесь был, проходят гуськом сбоку от него, проскальзывают в свои кабинеты и уже через мгновение, забрав папки с бумагами, собираются у своего начальника.

Сначала доклад каждого о результатах работы за неделю. Потом все обсуждают специально для этого дня подготовленное сообщение на какую-нибудь актуальную и обязательно тревожную тему. После этого совещания начальник обычно идёт на другое, где слушают уже его отчёт о выполнении огромного числа поручений руководства.

За столом сидели четыре ведущих специалиста и заместитель. Место у заместителя постоянное: слева от начальника. Так удобнее, если вдруг руководитель решит передать ему трубку телефона красного цвета. Остальные могли сидеть, где им вздумается. Хоть справа, хоть слева. Демократия! Двое сотрудников пришли в аппарат совсем недавно, сразу после назначения новых заместителей секретаря Совбеза и, потому, наверное, с непривычки, ерзали на стульях, торопясь к текучке, к своему потоку недописанных справок и записок. Им казалось, что это главное.

До начала совещания все успели обменяться свежими новостями и, готовые к любым вопросам и неожиданностям, сидели, перешептываясь и наблюдая виртуозную работу своего начальника. Приятный запах французской туалетной воды, всегда наполнявший его кабинет, всех завораживал и даже клонил ко сну.

Уже третий месяц, как начальником департамента стал сын известного мидовского работника, а затем одного из любимых спичрайтеров Президента России, Михаил Петрович Алябьев. За последние пять лет он почти не изменился, по-прежнему, чуть толстоват, с томными глазами и чёрными, свисающими на большой лоб кудрями.

Алябьев легко и даже изящно опустил телефонную трубку, смакуя это действо, и несмотря на непрекращающийся звон второго телефона принялся давать ценные указания. «Красный» и «белый» телефонные аппараты, учитывая важность совещания, великодушно молчали, а «кремлёвка» у него сломалась и не работала уже неделю.

Всем казалось, что Михаил Петрович с особым благоговением купается в суете текущих дел, контролируя не главную цель, а только то, что реально влечёт за собой ответственность – будь то документ, слова или факт простого присутствия. Он любил повторять одну и ту же присказку: «Если задачу можно решить – не стоит беспокоиться. Если задачу решить нельзя – беспокоиться бесполезно».

Такая философия позволяла Алябьеву делать несколько дел сразу и получать от этого особенное удовольствие. И чем больше этих дел, тем ему легче было ими жонглировать, умудряясь по нескольку раз в году бывать на любимых горных курортах Франции. Главное – постоянно поддерживать эту круговерть и вовлекать в неё других. Но важнее всего было ещё одно умение нового начальника: отслеживать постоянно меняющиеся распределения властных полномочий, с выгодой для себя выстраивать комбинации из большого числа людей, таких же аппаратчиков, руководителей предприятий, своих начальников и даже порою начальников этих начальников, то есть, всех, так или иначе связанных друг с другом участников «системы».

Сегодня слушали сообщение самого молодого ведущего специалиста департамента, Константина Ежелева. Отчёты каждого только что завершились без особых отклонений от нормы, теперь коллегам можно было и покайфовать, внимая докладу «о зависимости безопасности страны от развития современных фармацевтических производств» или совсем его не слушая. Можно было заняться своими делами, осторожно просматривая накопившиеся документы, как будто это материалы, которые выложил на стол Ежелев.

– Формирование фармацевтического рынка в России началось с 1992 года, – монотонным голосом забубнил Ежелев, – и проходило в весьма специфических условиях, которые определяются преобразованием централизованной государственной системы здравоохранения, дававшей гражданам большой набор социальных гарантий, к новой...

– А так не надо, Костя! Не надо тарахтеть и гробить наше время, – останавливая молодого сотрудника, сурово произнёс начальник. – Не нужны нам прописные истины. Тем

более, все твои словоблудия уже написаны и лежат перед нами на бумаге. Коротко и чётко: что делать, когда, каким образом?

Начальник департамента давно изучил всё, что так или иначе связано с фармацевтикой. Более того, он, может быть, как никто другой в этом кабинете, отдавал себе отчёт, что эта область бизнеса самая привлекательная для вложений и удобная для отмывания денег. Он и так, без этого дурацкого сообщения, знал ответы на только что озвученные им вопросы. Но важно, чтобы эти ответы при всех присутствующих произнёс кто-нибудь другой, а не он. Ежелев, например. Тогда это будет информация, полученная, что называется, в установленном порядке. Сотрудник специально готовился к совещанию согласно плану, утверждённому руководством ещё до него, три месяца назад, официально запрашивал статистику, конкретные данные по фармацевтическим компаниям.

Алябьев просто ждал, чтобы при свидетелях услышать конкретные наименования компаний и «их криминал». Потом он придёт к своему непосредственному руководителю, официально доложит о результатах анализа, проведённого ответственным работником Ежелевым, и попросит санкции, чтобы выйти на силовые структуры для подтверждения имеющейся или получения дополнительной информации.

– Если коротко, то у нас уже почти ничего нет, а у них, в основном, в Штатах и Японии, всё есть, – ведущий сотрудник департамента мгновенно перестроил своё сообщение. – Остались хорошие идеи, наработки новых препаратов. Это ещё с советских времён. Но производить их не можем из-за отсутствия технологий. Экспорт нереален...

– Однако работают компании в Центре и на Северо-Западе, – встрял заместитель Алябьева, – по-моему, процветают. У нас под Москвой – «Фармавит», а в Питере – какая-то «Фарма-2».

– Как бизнес-единицы, они эффективны, – старался не сдаваться ведущий специалист, неуклюже продолжая роль выступающего. – Но для прорыва на внешний рынок или для определяющего влияния на здоровье населения...

– Да, с воображением у этих фармацевтов проблемы. Названия одинаковые и примитивные, – с лёгкостью продемонстрировав искреннее удивление от якобы новой для него информации, начальник продолжил бархатным голосом, плавно, будто читал лекцию. – Государство помогает тем, кто эффективен. Это обычный выбор для любых вложений, товарищ-щ-щ. Нет? Если эффективны, то почему бесконтрольны?

– Действительно, – снова обозначился заместитель. – Есть у вас что-нибудь про это? Откуда у них инвестиции? Кто «крыша»? Как с налогами?

– Нет, – потупив голову, тихо ответил Ежелев. – Про это нигде ничего нет.

– Фармацевтика – это 600 миллиардов долларов в целом по миру, – заместитель начальника продолжал «топить» докладчика. – А у вас «нигде ничего нет»!

– А Россия? – спросил начальник.

– Нет данных, Михаил Петрович, – показывая своё участие в текущей работе сотрудников, подобострастно молвил зам. – Мы пробовали примерно оценить. Получается одна сотая процента...

– Почему так? – заинтересованно спросил Алябьев. – Ведь насколько я знаю, фармацевтическая промышленность остается одной из самых прибыльных отраслей. Там рентабельность продаж почти 17%.

Сидящие в кабинете сотрудники решили, что, поскольку начальник задаёт вопросы, им вроде бы не с руки отмалчиваться и вообще нелишне будет продемонстрировать свою заинтересованность в развитии отечественной фармацевтики, а заодно и безопасности всего государства.

– Я попытаюсь ответить, Михаил Петрович, – первым вылез заведующий сектором. – В этих семнадцати процентах – две трети от продажи таблеток против холестерина, сердечно-сосудистые средства и антиастматические препараты. Их у нас нет. Более того, мы и рядом не лежали с такого рода разработками...

«Чёрт-те что! – подумал Алябьев, – а вдруг они уже в теме? Этот давно здесь работает и с новым заместителем

секретаря имеет прекрасные отношения. А если... Нет, вряд ли. Просто побаивается меня, вот и подготовился. При любом раскладе, я уже не первый год смакую нюансы этого бизнеса».

Зазвонил красный телефон.

Мгновенно все встали и направились к дверям. Начальник департамента жестом руки успел их остановить, показал заместителю на своё место, мол, «продолжай», совещание, а сам снял трубку, молча, выслушал начальника, потом вышел из кабинета и быстрой походкой направился к заместителю секретаря Совбеза.

Новый босс Михаила Петровича был невысокий, шустрый, лысоватый, в очках с золотой оправой, из учёных. Он сходу протянул руку вошедшему Алябьеву, при этом его ладонь смотрела перпендикулярно вниз. Пришлось охватить её, как палку, а потом трясти, в такт опуская голову.

– Сразу скажи, Майкл, – чересчур фамильярно спросил начальник подчиненного, – когда заработает федеральная программа по фармацевтике?

Заместитель секретаря дружески похлопал Михаила по плечу, а тот даже испугался от неожиданности. Ни разу не виделись, ни «здравствуйте», ни «присядьте». Будто сидит тут и слушает всё, что делается в кабинетах.

– Борис Маркович, мы сегодня первый раз на совещании слушали сообщение нашего сотрудника, специально готовившего этот вопрос. Вы позвонили как раз в разгар обсуждения.

– И всё же? – настойчиво давил босс. – С учётом ваших наработок, моей записки премьеру, согласованию со всеми министерствами... Сколько нужно времени? Чисто процедурно, сколько?

Алябьев решил, что руководитель его специально дожимает, чтобы услышать конкретную дату, а потом, как это принято, строго спросить за прокол. Он начал издалека.

– Рынок в этой сфере, Борис Маркович, отличается высокой интенсивностью слияний, поглощений и кооперации. Небольшие фармацевтические фирмы могут обладать новыми лекарствами, но не имеют достаточных продажных и маркетинговых мощностей. Наоборот, у крупных корпораций есть незагруженные мощности в этой сфере. Соответственно, те и другие ищут совместные возможности повышения капитализации за счет синергетического эффекта кооперации...

– Вы, наверное, меня не поняли. Борис Николаевич интересовался этой проблемой. Я сказал, что через месяц будет программа на пять лет. Где я не прав?

– В принципе правы. Через месяц будет. Но только за пять лет, вряд ли что-то изменится в этой области. Нужно, как минимум, десять! Потому что процент разрабатываемых лекарств, достигающих рыночной стадии реализации, остается очень низким. В среднем, в мире это одно-два на десять тысяч.

Начальник департамента, видя, как суетится его руководитель, торопился хоть что-нибудь успеть сказать умного. Сказать, а потом сразу же испросить санкцию на контакты с силовиками для поиска новой, более тонкой информации о предприятиях отечественной фармацевтики

– Суммарные издержки вывода новых лекарств на фармацевтический рынок выросли почти в десять раз. Высокий риск неудачи, все более длительные клинические испытания и растущие затраты на получение разрешения от государственных органов...

– Так, Алябьев, заканчивай умные речи. Не на учёном совете. Делай, что хочешь, только чтобы через месяц была программа. Всех на уши поставь, сам вертись волчком. Проколешься в процедуре – прощу. Но срок тебе – месяц!

Борис Маркович помолчал секунду-другую, потом добавил, видимо усомнившись в возможностях нового начальника департамента:

– Спустись-ка ниже этажом. Знаешь, там «экономическая безопасность». Я скажу – тебе помогут.

Хотя узкая и жёсткая специализация – основа любого силового ведомства, Алябьев не был бы сыном любимого спичрайтера президента, если бы не успел узнать за последние три месяца всё, что касалось экономического департамента. Он, например, знал, что его сотрудники работают на

местах не только с управлениями ФСБ и МВД или со структурами, возглавляемыми бывшими генералами этих уважаемых ведомств, но и с контролируемыми полукриминальными элементами. Всё зависело от цели и от сроков. Сегодня он наконец-то сможет подключить к настоящему делу основной костяк департамента, чётко сформулировать задачу, не боясь того, что его заложат. А как он изящно! За пять минут и всё решил. Даже не попросив ничего у начальства.

«Ну что, мой питерский дружок? Вот и твоя очередь подошла!», – Михаил так радовался своей удаче, что даже забыл о своих сотрудниках и о совещании, которое всё ещё продолжалось в его кабинете. Он вызвал машину и, не одеваясь, выехал на Чистые пруды. Там жила Неля.

13.

– Ой, здравствуйте, Леонид Александрович, не узнал. Богатым будете. А мы вместе с Дворским уже в Амстердаме. Я только что хотел вам звонить...

Малкин замолчал, слушая Академика, а потом вдруг спохватился и залебезил.

– Да, да, конечно, Леонид Александрович. Как ваше здоровье? А как супруга? Да? Вот здорово! Так мы сию минуту прибудем, – Леонид опять замолчал, закрутил головой в поисках Дворского и, обнаружив его в углу комнаты, присевшего около раскрытой дверцы минибара, принялся гримасничать, всё время показывая пальцем на трубку. – Хорошо. Мы ждём у выхода из отеля через полчаса. Спасибо, Леонид Александрович, благодарю вас. До встречи.

Малкин снова плюхнулся в кресло, многозначительно посмотрел на Михаила, как бы подчёркивая своё значение.

– Нет, ты понял? Максимов сам подъедет и отвезёт нас к «мешку с деньгами». Не слабо? А я что говорил?

– Ты говорил про с-собрание акционеров, которое меня через минуту или с-снимет, или ухлопает, или вообще с-слопает...

– А иди ты...

– Вот ты и иди. Чай, не у себя в номере р-разлёгся. Или забыл? Ещё вопрос, кому из нас двоих нужно б-баинькать и учиться соску сосать с водовкой.

«Фу ты, запомнил», – подумал Малкин и медленно вышел из номера Дворского.

В назначенное время к отелю подкатил чёрный «мерс». Академика в нём не было. Когда Дворский с Малкиным вышли из гостиницы, нагловатый водитель просто помигал фарами. Сели, поехали. Через двадцать километров по трассе А-200 появился Харлем. Почти не задевая его, быстренько проскочили мимо. Михаил бывал в Голландии, но так ни разу и не удосужился заглянуть в этот небольшой городок. Вот и сейчас так и не увидел ратуши середины четырнадцатого века и знаменитых Мясных рядов. Ещё минут десять катили в сторону и оказались на берегу Северного моря, в Зандворте, на бульваре Барнаарт. Известный пляж был пуст – осень. Машина остановилась на парковке, почти у самого берега. Рядом небольшой сквер. В воздухе целый рой опадающих листьев. Порыв ветра с моря разбавляет терпкий аромат увядания. Волны быстро набегают на берег и, кусая его, быстро откатываются назад. В глубине сквера невзрачный киоск. К нему вдоль холодного моря ведёт тропинка, покрытая мокрой жёлтой листвой. Под красными маркизами пластмассовый столик и четыре стула такого же цвета. На одном из них сидел Максимов.

Академик был, как всегда, изящно одет, в замшевых туфлях, коричневых вельветовых брюках, бежевой сорочке и джемпере салатного цвета. На столе, на картонной тарелке лежали нетронутые бутерброды с чёрным хлебом и мелкой, как видно, малосольной селёдкой. Она была уже без косточек и густо посыпана нарезанными кольцами репчатого лука. Увидев эту прелесть, Малкин только подумал, а его организм уже не выдержал и произнёс уверенно и громко: «Этого можно много съесть». Уверенно – потому что помнил и совершенно объективно полагал: только в маленьких приморских городках Голландии можно попробо-

вать рыбу, которую выловили всего пару часов назад и приготовили по домашнему рецепту хозяйки кафе.

Встреча соотечественников началась не так радостно, как хотелось бы. Всем мешал нелёгкий груз неприятных воспоминаний. Михаил, увидев Максимова, сразу вспомнил свою командировку в Израиль и тяжёлые переживания, которые он испытывал, как только узнал про арест своего научного руководителя. Максимову же было неловко перед Дворским от того, что он после освобождения так ни разу и не вспомнил ни о ком из своих помощников и учеников, уехал и забыл. А Малкин в тайне всегда обижался на «Академика» за то, что в своё время тот с ним не поделился.

– Я вот тут решил сделать сюрприз моему помощнику, – произнёс Академик, вставая с пластмассового стула. – Уверен, если завсегдатай всех судов Ленинграда и его окрестностей попробует, то все тут же услышат его любимую присказку.

– Мне об этом как раз только что подумалось, Леонид Александрович, – сказал Малкин и сразу же присел за стол.

Дворский подошёл к Максимову и пожал ему руку.

– Привет, Михаил Николаевич. Приветствую тебя в королевстве Нидерланды. Поди уже майор?

– Спасибо за приглашение, – спокойно ответил Дворский.

Вдруг какая-то завеса на мгновение опустилась на него, оглушив и заставив говорить всякую чушь, а главное он не помнил, о чем его только что спросил этот мужчина в джемпере, зачем они с юристом компании вообще тут оказались...

– Что балдеете на природе? – грубым голосом спросил Дворский. – Ты, Лёня, чего? Жрать сюда припёрся?

Через минуту всё восстановилось. Как будто подул ветер с Северного моря, и искусственная пелена слетела с Михаила.

– А Сойфер тоже где-нибудь здесь неподалёку? – как ни в чём не бывало, произнёс Дворский.

– Совсем близко, – ответил Максимов, не очень понимая, почему Михаил так неадекватно ведет себя, говорит громко и невпопад. Он это сразу же объяснил себе особенностью творческой натуры Михаила, всегда погружённого в свой, совсем другой мир. – Рядом есть небольшой городок. Там живут известные и богатые голландцы. Я, кстати, тоже там снимаю себе жильё. Это в пяти минутах. Так селёдочку будем пробовать или как?

Дворский отказался. Он вообще не ел острого, а Лёня не раздумывая, взял бутерброд и разом его проглотил, взял второй, хлеб отложил, а всё остальное направил в рот, не отвлекаясь на лирические отступления. Он отдавал это на откуп Дворскому. Оба, и Дворский, и Максимов знали, что Малкин любит поесть, приговаривая: «Кто много ест, тот не может врать!» Леонид уплёл, не вставая с места, все бутерброды, купленные Академиком, заказал ещё пять и тоже съел.

Говорили мало, не конфликтовали. Но всем мешали непогашенные эмоции, ещё с лета 92-го года тлевшие в душе и у Дворского, и у Максимова, и у Малкина.

– Ну что ж, поговорить ещё успеем, – скороговоркой произнёс Академик, – а вот Сойфер нас ждёт у себя в доме. Как? Поехали?

«Мерс» уже стоял заведённый и ждал пассажиров.

Через пять минут они были у входа в огромный, но не броский, белого цвета двухэтажный особняк. Миллиардер встречал их сам. Лет пятидесяти, очкастый, он был похож на бывшего президента Франции Валери Жискар д'Эстена, такой же длинный, как каланча, и очень, очень умный. Это прямо высвечивалось у него на огромном лбу. В короткой белой куртке на молнии и в брюках непонятного цвета, внешне он чем-то походил на Максимова. Только лицо его было гладким, без морщин, и тёмные волосы, зачёсанные назад, не имели ни малейшего намёка на седину. Поздоровались, но руки друг другу не пожимали, вошли в дом и очутились в широком коридоре. На высоких стенах от пола до потолка висели пять портретов, написанных маслом. На четырёх – сыновья Сойфера, а на пятом – всё семейство.

Появилась супруга. Молодая, симпатичная, и, как сразу же выяснилось, образованная. Пока хозяин дома давал

распоряжения прислуге, она повела гостей в библиотеку и стала показывать редкие, дорогущие книги и оригиналы картин известных мастеров. Одна эта библиотека тянула, наверное, миллионов на пятьдесят. Там же все выпили шампанского из огромных фужеров на тонкой ножке, а потом вышли в сад. Это напоминало декорации к опере «Евгений Онегин»: скамеечки, фонтан в пруду, лебеди и беседка. И лебеди, и скамейка, и беседка, куда они прошли для серьёзного разговора, – белого цвета.

Всё организовано безукоризненно. Супруга незаметно исчезла, а Сойфер появился. Академик, как давнишний знакомый, наконец-то представил своих коллег как следует. Говорили по-английски и немного, из уважения к Дворскому, на французском.

– Томас, – начал Максимов, – пока мы ехали, мои друзья спрашивали, интересно ли тебе их дело? Это, в общем, как раз то, чем я занимался, мы вместе это создавали. Ты знаешь...

– Конечно, Макс, – Сойфер по-свойски называл члена-корреспондента Российской Академии наук. – Мне интересно всё, чем занимаются интересные люди. Я знаю вас. Это ваши друзья. Мне этого достаточно. Одну минутку, я сделаю потеплее – осень. – Хозяин дома включил два газовых нагревателя.

Беседа лилась непринуждённо. Чувствовалось, что Сойфер мастер переговоров. Важные моменты перемешивались с отступлениями от темы, неожиданно заговорили о женщинах.

– Вам обязательно нужно посетить квартал «Красных фонарей». У нас, вы, наверное, знаете, проституция, публичные дома – всё это легализовано. Так же, как и марихуана. Она растёт на подоконниках почти в каждом доме. Впрочем, бывает и преступная секс-индустрия...

Малкин и Дворский переглянулись, но промолчали.

– Интересно, объёмы можно как-то оценить? – зачем-то спросил Максимов.

– Конечно, Леонид Александрович, – подключился Малкин, знаток женского вопроса. – Только трудно. Понимаете, всё такое... тайный характер торговли, принуждение женщин к молчанию, высокий риск при получении информации...

– Тем не менее, – продолжил хозяин дома, – эксперты ООН умудряются давать оценку. Получается по их данным, что по всему миру объём торговли колеблется в диапазоне от семи до двенадцати миллиардов долларов в год.

– Ого! – представив названную сумму, сделал вывод Академик.

Миллиардер рассказывал про секс-индустрию так, будто читал лекцию, или говорил о своём основном бизнесе.

«Небось, реально пробовал, – подумал Дворский о Сойфере, – ведь тут риски гораздо меньше, чем в наркотиках, а прибыль превышает расходы на приобретение женщин чуть ли не в двадцать раз. Михаил узнал это во время своей последней поездки на Ближний Восток. Ему там рассказывали, что российская или украинская женщина зарабатывает своему сутенёру от пятидесяти до ста тысяч долларов США в год.

– В прошлом году у нас проходил судебный процесс над торговцами нелегальных секс-услуг, и там свидетелем выступала одна русская. Её даже включили в программу защиты свидетелей, дали вид на жительство. У нас показывали по многим каналам. Симпатичная, надо сказать, девчонка. Не то Маша, не то Даша...

– Ну и как? Сколько дали? – с живым интересом спросил Максимов.

– Не помню, но всех посадили, да ещё троих полицейских в придачу.

Максимов был частым гостем на всякого рода тусовках местной элиты. Его с удовольствием слушали. Во-первых, академик, ну и потом, – сидел. Это было круто! В головах у местной «знати» не укладывалось. Сегодня Леонид Александрович выступал в непривычной для себя роли посредника. Он попытался перевести разговор на другую тему. Она была ему ближе и подводила к главной цели встречи: «Что делать с фармацевтикой в России?»

– Раз уж мы всё время возвращаемся к стране четырёх революций, хочу, не боясь выглядеть банальным, сказать пару

слов о бизнесе в России. Если можно так выразиться о стране, где вообще нет представления о том, как вести бизнес. – Все благодушно закивали головами. – Что отличает российский бизнес от западного? Это нужно знать, чувствовать и максимально использовать при принятии решений. У нас... Я говорю «у нас», хотя живу за границей уже третий год. У нас сталкиваются два основных направления философии жизни...

Малкин, позабыв о своей извечной роли медиатора и фасилитатора, начал зевать, прикрывая рукой рот. Дворский отдыхал, почти ничего не понимая из того, что произносил «Академик» на английском языке. Хозяин дома, потягивая виски, вежливо вслушивался в корявый английский крупного специалиста по вопросам физиологии и биохимии.

– Жить хорошо – это полдела. Жить хорошо и долго – вот цель, – продолжал Максимов. Он смотрел только на одного человека и только для него низвергал весь этот поток сознания. – Различие между первым и вторым лежит в психологии носителей власти, в форме действующей демократии. В России имитационная демократия, с мощным расслоением общества на сверх богатых и очень бедных. В странах Запада – развитая. Она имеет свои, не менее сложные проблемы, но одно отличие бесспорно. Неразвитость российского рынка, суррогатность демократических институтов, неуёмное использование административного ресурса всегда и во всем развивает и закрепляет в России только монопольный бизнес... Только монопольный.

– Причём на очень короткое время, – добавил Сойфер. – Оно кратно отрезку времени жизни действующей власти. Придёт другая, – наверняка начнётся передел. Мы уже привыкли к такому.

– На Западе этого передела не будет, – продолжил Академик. – Потому и смена власти проходит мягко и, в принципе, никак не затрагивает крупный и уж, тем более, средний бизнес. Именно такой бизнес в России пришёл в противоречие с его западным аналогом-конкурентом.

Максимов ещё долго продолжал излагать свои мысли, что-то рисуя на листочках бумаги. «Слава Богу, что не формулы», – подумал Малкин. Он оставался единственным, кто, живо реагируя на редкие паузы в выступлении, поддерживал нужную для учёного атмосферу внимания и почтения. Голландец незаметно повернулся к Дворскому и тихо, стесняясь помешать Максимову, заговорил:

– Доктор Дворский, я очень рад, что наш общий друг провёл для нас этот экскурс в международные бизнес-отношения, – Сойфер подвинул свой стул поближе к Михаилу и перешёл на ломаный французский. – Вот именно поэтому, господин Дворский. Потому, что средний бизнес в России пришёл в противоречие с его западным аналогом, именно поэтому нам нельзя начинать совместный бизнес. – Миллиардер внезапно умолк почти на минуту, а после продолжил, как ни в чём не бывало. – Не скрою, хочется. Даже очень! Но всё говорит за то, что делать этого не следует.

Голландец внимательно посмотрел на Михаила. Ему была важна его реакция. Убедившись в том, что доктор Дворский спокоен, как танк, миллиардер продолжил.

– Вы бывали в Бразилии?

Дворский чуть не подпрыгнул на стуле. Так неожиданно в разговоре про деньги мелькнула страна, столь много значащая для Михаила.

Год назад он вместе с матерью был в Москве. Они пришли на приём к одному из руководителей Службы внешней разведки, с которым их свёл бывший резидент в Афганистане, а теперь пациент клиники «Фарма-2». Он был очень болен. Диабет, чёрт-те в какой стадии – только Мишкины ампулы и помогали. Мать спрашивала о своём отце. Генерал СВР попросил подождать, куда-то вышел и через полчаса вернулся с тонкой папкой для бумаг. В ней лежали ксерокопии теперь рассекреченных Указов о награждении Белкина Якова Ивановича и двух листков по учёту кадров, заполненных и подписанных лично Белкиным. Они отличались друг от друга. Даже подписи разные. Дворская удивилась и спросила об этом: «Почему здесь написано, что родился в семье учёных, а в другой бумаге, что из крестьян? В одной есть дочь, а в другой – нет».

Генерал качнул головой и пожал плечами, мол, обычное дело. Главное, на что он обратил внимание, это полный

текст постановления о реабилитации матери и бабушки Михаила в 55-м и фотография, где был запечатлён Белкин в форме подполковника и его жена. Потом прикоснулся к плечу Анны Яковлевны и произнёс: «Репрессии, которым, вы были подвергнуты вместе с матерью, – это часть легенды вашего отца. Чтобы все знали, что он изменник Родины. А на самом деле... Такие были нравы».

Разволновавшийся Дворский единственное, что смог произнести:

– У нас все знают, что в Бразилии много обезьян.

– Не только. Там своя нефть и газ, там делают металл, есть деревообрабатывающая промышленность, химическая.

– Вы подводите к тому, что хорошо бы там заняться фармацевтическим бизнесом?

– Не угадали. Я не зря рассказывал про проституцию. Здесь есть некая связь...

– Да ну? Значит, не уловил.

– У меня в Бразилии есть фонд, который занимается сбором всяких умных вещей. Так вот, я бы предложил вам продать себя и своих людей этому фонду. Как у вас говорят, «с потрохами».

Миллиардер засмеялся. Это был добрый смех. Просто Томасу Сойферу понравилось, как он организовал беседу с гостями, как к месту вначале вставил про русскую девчонку, а потом предложил доктору Дворскому продаться ему, да ещё и ввернул яркое словечко по-русски. Да, вот так! Просто и цинично. А Михаил сразу вспомнил свой сегодняшний разговор в отеле с Малкиным, потом нахлынули другие воспоминания, когда он работал в Академии, когда занимался чистой наукой, потом бабушка... Эти белые лебеди в пруду у Сойфера...

– У вас только Королёв одновременно мог быть и учёным, и промышленником, – Томас как будто слушал мысли Дворского. – Ведь даже у Макса это был не бизнес. Раскрасил картинку, под неё взял у государства деньги и потом всё потерял. Кроме этих денег, конечно. То есть, получается, как бы, получил свой гонорар. Понимаете, с учёным нельзя делать бизнес. Он практически ничем не рискует. Ну, хоть бы квартиру свою собственную заложил или... часы, что ли, – продолжая разговор, миллиардер вдруг вытащил из стола маленький ноутбук и принялся что-то печатать.

– Вы меня извините, доктор Дворский, но я кое-что разузнал о вас перед нашей встречей. Вы не предприниматель, вы учёный и здесь преуспели. Господин Малкин тоже из другой жизни. Он посредник. Я специально подключал целую группу независимых экспертов, и все они подтвердили уникальность ваших препаратов. Вы пытаетесь наладить бизнес, связанный с интеллектуальной собственностью. Причём в стране, где об этом не имеют никакого представления.

– То есть как?

– Не переживайте. Я говорю именно про собственность. Интеллекта в России предостаточно. То, что вы наладили в своём деле, – только начало. Нужны годы, чтобы такой бизнес не отняли, а у вас такой исход в порядке вещей. А времени-то нет. Никто не будет ждать, пока вы окружите своё детище несколькими рядами баррикад. Придут и заберут. Мало того. Им за это ничего не будет.

– Я не понимаю.

– А, по-моему, очевидно. Фармацевтика самое наукоёмкое направление для вложений средств. Так?

– Так.

– Штаты в неё кидают кучу денег. Больше, чем в вычислительную технику. А у вас во всю науку страны расходы, извините, меньше. Вот, смотрите, – Сойфер вытащил из стола толстый из глянцевой бумаги журнал и ткнул пальцем в таблицу, где красным фломастером были обведены пять российских фирм. – Бюджет крупнейших пяти российских фармацевтических компаний на эти цели составлял пятнадцать миллионов долларов, в то время как у одной только щвейцарской “Novartis” – почти в сто раз больше. О чём мы говорим? Вот, посмотрите, пожалуйста, я тут прикинул.

Максимов продолжал вдохновенно вещать, рисовать на листочках мудрёные диаграммы, даже не замечая, что двое из всей аудитории его не слушают. Только Леонид подобострастно внимал каждому слову бывшего шефа, то и дело,

отворачивал лицо в сторону Дворского, пытаясь по его лицу хоть что-нибудь понять о разговоре с миллиардером. Сойфер по-деловому развернул экран своего компьютера к Михаилу.

На экране ноутбука высвечивались зелёненькие цифры: один миллион долларов США в год на всех и пятьсот тысяч – ему. Жить, конечно, в Бразилии. Остальные, если захотят, могут оставаться там, где живут. Но самое главное! Всё, что будет появляться новое в их исследованиях, – всё это только для него, для Сойфера. А уж он придумает, как этим распорядиться не в ущерб себе. И ещё. Все увязки с кем бы то ни было другим обязательно должны быть разорваны окончательно и бесповоротно. Никаких обязательств! Никаких обязательств.

Миллиардер передал Дворскому визитку с адресом своего фонда в Сан-Пауло и, снова переключая внимание на листочки Максимова, произнёс:

– Сейчас не нужно ничего решать, возьмите, тут адрес, телефоны. И знайте, там вас ждут. Я решение принял, а вот вам нужно время, – Сойфер сделал паузу и закончил: – хотя бы для того, чтобы очиститься от криминальных инвестиций.

Их разговор длился минут пять, не больше. Академик ещё не дошёл и до середины своего рассказа о бизнесе в России.

А Дворский получил гарантии, что предложение сохранится на долгое время. Но мысли о Филиппове и Лисочкине, как всегда, нервировали его, он гнал их от себя, будто громадного надоедливого комара-мутанта.

Малкин встал, подошёл к столу, налил себе воды и, проходя мимо Дворского, тихо промолвил: «Уж слово Бразилия я точно понял, а остальное наверняка ваш французский трёп. Или нет?».

Академик ещё долго разглагольствовал про советский образ жизни, про то, что ему, как члену-корреспонденту Академии наук, полагалось двести пятьдесят рублей в месяц не то пенсии, не то стипендии. Это же целый оклад старшего научного сотрудника с учёной степенью! Но это всё было тогда, при советской власти...

Часть III

1.

Мужчина лет тридцати пяти расположился на длинном жёстком диване, откинулся назад и, облокотившись спиной о стенку, посмотрел за окно. Там всё быстрее и быстрее мелькали электрические столбы, дома, деревья. Потом он окинул взглядом всё помещение. Его удивили раздвинутые шторки, шпингалет на двери, чтобы ночью никто не влез, пара тяжёлых кожаных чемоданов на полке над дверью и дамочка напротив. Небрежно мотнув головой куда-то в сторону, мужчина поправил белокурый парик и повернулся лицом к соседке. Уже немолодая женщина средних лет, в очках и с короткой стрижкой что-то писала в блокноте. Вагон плавно покачивало из стороны в сторону.

– Значит так, – ни с того ни с сего начал мужчина, – зовут меня, Василий. – Женщина подняла глаза, улыбнулась и снова принялась быстро строчить на больших перекидных листах. – Хм! Я продолжу. Ты так похожа или на бухгалтера, или на писателя, что я решил: «А что? Может, это судьба? Дай, думаю, всё тебе расскажу. В книгу попаду или даже в кино. А?» Ты ведь не бухгалтер? Нет? – женщина чуть заметно покачала головой. – Ну вот, и слава Богу! Значит, писатель!

– Почему вдруг? – не выдержала дамочка.

– Папа мой тоже профессор, так что я этот народ чую. Представляешь, каждый день гонял в Питер и там учил

этих... короче, всякие минералы изучал. – Василий сделал серьёзное лицо, будто зачем-то вспоминал их названия. – А мамаша со мной под Выборгом жила. Там все полки в доме были завалены каменюгами. Хм! Спрашивается – зачем? И ты не знаешь? Ну, правильно!

Мужчина вдруг замолк, посмотрел по сторонам и усмехнулся. Перед тем, как продолжить излагать «свою суть», он по привычке задался вопросом, возбуждает ли его эта мымра? И получив мгновенный и отрицательный ответ внутреннего голоса, уже не задумывался над всякой ерундой, типа, кто это перед ним сидит и хочет его слушать или нет.

Василий принялся громко и обстоятельно перечислять свои подвиги. «Поток сознания» лился из его незакрывающейся глотки. Иногда к месту и не к месту, чаще, когда что-то ему было особенно близко и заставляло переживать, он произносил две буквы «х» и «м», причём, произносил их подряд. Получалось что-то непонятное и не похожее ни на слово-паразит, ни на междометие. Наверное, увидел однажды в книге, как пишется междометие «хм», и теперь буквально пользовался им. Звучало как «хэмэ».

– Короче, они для меня ноль. Вот, дедка – тот человек! Бывший служака. Наверное, во всех странах пришлось повоевать. Так он сразу сказал: «Вася! Слушай меня. Главное – здоровье! Остальное ерунда, приложится». Так и пошло-поехало. Школа – туалет, школа – туалет. Вот и всё детство. Реально – это пацаны! Реально – это спортивный кружок, штанги, гири, груша для отработки ударов. У меня, как у наркомана, тяга к нагрузке...

– Почему туалет? – заинтересованно спросила женщина.

– Как же! Туалет начало всему. Урок прогулять. Куда? Хм! В туалет. Покурить на пару – опять туда же. Чего придумать толковое... Ну, а где?

Женщина пожала плечами.

– Или чердак, или туалет. На чердаке всё схвачено старшими. Домой, что ли толпу звать. Да там все предки сразу окочурятся, завидев наш контингент. Короче! Восемь классов – и всё-ё-ё! Но куда-то надо потом. А то скажут – тунеядец. Как этот, еврей... Хм!

– Это вы про кого?

– Ну, помнишь наверняка... этот... тоже писатель. А мне ведь не всё равно куда! Надо чтоб спорт был, – Василий гордо расстегнул обе пуговицы на пиджаке бежевого цвета и попытался продемонстрировать то ли бицепсы, то ли какие другие мышцы – всё равно не получилось, – тогда обеими руками поправил ярко-зелёный галстук с белыми одуванчиками и этим удовлетворился. – На завод – так на завод! У нас, в Ермилово, рядом был всего один завод. Перебиться год-другой – и в армию! Должны были взять в десант. А кого же тогда, если не нас? Здоровенные все. Головы чистые, без всякой дури наносной, типа «алефрит – амфибалит». Всовывай, что пожелаешь, всё влезет. А надо, так этой самой башкой буду любой минерал бить. Короче, послали в Афган... А, не буду рассказывать про эту войнушку. Ну её! В другой раз...

Женщина его не перебивала, а только, склоняясь над столиком, продолжала записывать в свой блокнот не то стихи, не то заметки какие. Кривые строчки быстро бежали поперёк листов. Как ни старался Василий, сверху, да ещё с другой стороны – не разобрать. Ясно, что хоть не формулы химические. А то бы он сразу свихнулся: мымра, да ещё и химичка! Изредка женщина отрывала глаза от своих записей и участливо отвечала соседу на его вопросы.

Василий продолжал свою исповедь, будто заведённый. Теперь, разобравшись с физиологическими рефлексами, он вообще не обращал внимания на сидящую напротив женщину. Наоборот, он всё время искал глазами кого-то ещё, будто хотел показать свидетеля его баек, но не находил, и это, по-видимому, его расстраивало, заставляя подрагивать правой ногой.

– Отслужили и обратно в спорт. Только смотрим, хм, – поменялось всё. Зарплаты на заводе нет, спорта вроде как тоже нет. В общем, это вам не застой! Конец 89-го! Ребята вернулись из Афгана... Не все... Но Петька с Лёхой и Юрис – это обязательно. Помыкались с годик, и давай в Литву. Юрис оттуда. Надо как-то деньги делать. Едем, значит. Юрис вдруг останавливает свой «жигуль», выни-

мает полосатую сумку для «челноков» и давай туда запихивать из багажника батарейки пальчиковые. Хм! Наверное, тысячу штук засунул, потом сигареты «Космос» в коробках, знаешь, по 162 пачки в каждой. Эти он купил по семьдесят копеек. Потом ещё остановились около магазина «Эстафета» на Московском проспекте и взяли целую кучу конфет «Чупа-чупс». Слышь, такие конфеты были. Не пробовала?

Василий наклонился и вопросительно посмотрел в упор в глаза женщины, продолжавшей безмятежно сидеть напротив.

– Нет, не приходилось, – тихо произнесла соседка.

– Хм! Это твоя беда. Их можно кушать, как картошку. Сожрёшь с десяток – и спать! Будто в ресторане поужинал. Ну, так вот! К вечеру подъехали к литовской границе. Слышь! Там уже граница была! – Василий глупо заулыбался, – вроде одна страна, а вроде и нет уже. Шлагбаум и люди стоят без оружия, но в чёрных одинаковых комбинезонах и с обтёсанными с двух сторон дубинами. Слышь, не битами бейсбольными, а именно такими, самодельными. Они их называли «самоучитель». Это – Департамент охраны края.

– Какого края?

– Какого, какого? Бог его знает, какого! Но двадцать долларов с машины отстегни. Едем дальше – опять шлагбаум. Точно такой же хилый. А рядом другие мужики – бритые наголо, в кожаных перчатках и чёрных сапогах. Свастики только не хватает! Была бы эта фигня нарисована, мы бы завелись. Это точно! А так... Хрен с ними. Всё остальное разное: кто в рубашке, кто в пиджаке, кто в куртке. Кто такие, мы даже и не спрашивали. Десять долларов – и «ехай дальше!»...

Василию показалось, что соседка его не слушает, и он решил подтвердить свои сомнения.

– Ехать-то можно, только опасно. Вдоль всей дороги немцы стоят. В касках, с автоматами и в полевой форме, все уже в возрасте, лет по шестьдесят. С войны ведь сколько прошло годов. Рядом ещё. Те – на мотоциклах. И, главное, хм, все кричат что-то на своём... Громко, громко... Да, ты не слушаешь совсем! Я лапшу на уши вешаю, а ты – ноль внимания.

– Я слушаю, Василий, очень внимательно слушаю, честное слово, – оправдывалась женщина, продолжая украдкой заниматься своим делом. – Я думала, что немцы настоящие. Почему нет?

– Ну, ладно, проехали. Настоящие... Чего им там делать? Вообще-то, там, считай, Запад. Совсем рядом Польша. У них уже год, как рынок! Подъезжаем к городку Лодзияй. Через реку мост, и на другом берегу польский город. Лодзи. У моста, представляешь, хм, на два километра вереница людей с такими же сумками, как у нас. Тётки, мужики, старухи... И у всех батарейки, утюги, водка, сигареты... Юрис вылез и тоже стал в ряд. Мы ржём, а он, серьёзный такой, смотрит по сторонам, глазами так и зыркает, – Василий стал вращать глазами, демонстрируя тревожность Юриса.

Дальше рассказ пошёл в лицах. Василий это умел. Если внимательно не слушать, через десять минут уже ничего не поймёшь: кто кого обманул или победил.

– Полчаса не прошло, а в сумке только на донышке осталась совсем чуть-чуть этих батареек. Водка вся ушла и сигареты тоже.

– Выбросил? – спрашиваем.

– Учитесь, бугаи! – это Юрис нам лопочет. – Пока вы прохлаждались и жрали пиво с воблой, мимо меня проехали два автобуса и прошли две девахи с велосипедами. Небось, даже не заметили. А эти девахи, между прочим, взяли всю нашу водку, по пять бутылок под юбки насовали и – обратно в Польшу. Вот!

– А деньги-то где?

– А вот и не найдёшь, – Василий, подражая Юрису, заговорил с литовским акцентом. – При мне нету. Хоть обыщите! Однако, «Космос» взяли в автобусе по пять рублей пачка. Нет, ты понял? Навар какой! В десять раз больше!

Пока мы трепались да деньги искали, не заметили, как все бабки и дедки куда-то смылись. Прямо в один миг. А Юрис как стоял, так и стоит себе. В это время, значит,

подкатили пять машин с мужиками. Хм! Все серьёзные, в коже, быстро отыскали в кустах сбежавших, что-то перетёрли с ними и радостные такие возвращались к машинам. Двое отошли от кучки и направились к нам, по дороге ломая «самоучителем» ящики, сложенные в ряд, наподобие прилавка.

– Ваш, что ли? – показали они на Юриса.

– Хм! Ага, наш, – это я ответил. А чего ещё говорить?

Женщина внимательно слушала рассказ Василия и теперь понимающе закивала головой.

– Ведь наш же! Ну, те двое развернулись, по машинам и уехали.

Я ору нашему: «Юрис, гад! Чего это было? Что за фраера?» Мы всё никак не врубались, в чём суета?

– А этот: «Щас. Последние скину, где спать найдем, там и расскажу». Уже стемнело прилично, – продолжал Василий. – Место около границы, а погранцов нет. Дома заколочены или просто в окнах света не видать. Вымерли или свалили куда подальше от этих мест. Нашли мы школу местную, развалюху. В наглую вломились туда и думаем: переспим где-нибудь – всё не на природе. Хм! А там, слышь, человек двадцать уже. Все, как на подбор, накаченные, и у каждого на лице одна единственная мысль: «Завтра ещё денег возьмём! Вообще всё отымем!» И с этой радостной мечтой они разлеглись кто на чём. Физкультурный зал наиболее знакомое для них место. Вот он и был весь забит «храпящими» полосатыми матрацами. Мужики лежали в одежде, и мы сразу смекнули, кто здесь кто. Эти из Департамента охраны края, а те из Вильнюсского и Алитуского рэкета.

В углу, у окна, прямо на полу, но на красной тряпке стоял Ленин. Не, не большой. Маленький, по грудь, белый такой, из этого... Из чего гипс делают? А, из гипса... вот! За ним на стене поганого зелёного цвета – школьная доска. Хм! Я как её увидел, меня сразу колыхнуло, будто кто-то затвор на моём автомате передёрнул. Во как действует! Ну, та была вся обшита красным. Над нею, ещё выше, написано «Красный уголок» вот такими огромными буквами, – показывая их размер, Василий развёл руки.

Чтобы успокоиться от неприятных воспоминаний, он наконец-то взял свой стакан с чаем и отпил половину, поморщился и отодвинул подальше от себя холодное пойло с запахом соды. Женщина проявила чуткость и мягко озвучила самую простую мысль: «Да, школы все разные!» Василий оценил участие соседки в его переживаниях и уверенно продолжил.

– Мы пролезли мимо развалившихся литовцев в отдельное помещение. Это для штангистов. Дверь была открыта, и там трое бухали за небольшим столом с бутылками и кольцами местной колбасы. Несло чесноком и по́том.

Один из трёх, тот, что был покрупнее, оторвал свою будку от бутылок и уставился на нас. Прямо как телёнок. Остальные не отвлекались, продолжали пить и жевать.

Телёнок важно спросил: «А это... откуда будете?» – Василий, подражая литовцам, медленно, с паузами между словами, произнёс эти четыре слова.

А я ему, хм: «Из города на Неве, ла́бас ва́карас. Это политовски „Добрый вечер“ ». – Я, стало быть, сразу выступил в качестве переговорщика. И потом всю ночь через слово вставлял что-нибудь на литовском языке. Я зна-а-ю.

Короче, эти бугаи брали дань со всего, что двигалось, с проезжающих автобусов, машин, с торгашей на границе. Как бы охрана. Да ещё и отмазка от польских погранцов. Те пропускали через свой полосатый шлагбаум, не проверяя, автобусы и всяких незаметных баб с велосипедами. Мол, к родственникам ездили, на часок. За что и имели свою долю. Проблема у этих, в чёрных штанах, была в другом. Хм! Не все хотели делиться выручкой. Большинство норовило, как всегда, «на халяву». Таких приходилось воспитывать.

Только мы сошлись с местными, как через чёрную дверь в комнату, где уже полночи шёл базар, ввалился холёный парень в военной форме и с многогранником на башке вместо нормальной фуражки. Он сходу направился к главному из литовцев.

– Ну, як деля, панове рэкетиры? – произнёс этот, не пойми на каком языке и усмехнулся. Похоже, что на русском. Их ведь учили...

А главный рэкетир в ответ выговорил привычную фразу: «Всё согласно обычаям делового оборота», – и протянул в сторону «многогранника» свёрток из просаленной от колбасы старой газеты «Известия».

Хм! Ну, тот запихнул под мундир пакет, двумя пальчиками отдал честь, повернулся и исчез.

– А вы кого кормите на той стороне? – спросил литовец, когда мужик в форме ушёл. – Или не скажете?

– Не скажем, йокио буду. То есть: «ни в коем случае», – это я опять стал играть роль главного. Я тогда понял две вещи. Хм! Если у нас нет никого там, в Польше, то, значит, придётся делиться с этим литовцем. Ведь он взятки зачем даёт? Чтобы поляки пропускали покупателей этих вонючих батареек, утюгов, сигарет и водки. Хм! Хотя почему же вонючих, – вдруг спохватился Василий, – с одной сумки – кусок долларов. И потом нужно уже начать намекать, что у нас не только Юрис, а ещё человек десять, как минимум, из той тысячи, что пряталась по кустам с сумками.

Ты знаешь, утром народ сам попёр к нашим «жигулям»: «Возьмите нас к себе. Возьмите нас... Мы будем платить. А то эти озверели. Почти всё отбирают».

Хм! Ну, мы люди гуманные. Тем более, всё это свалилось нам, как бы невзначай.

Когда вернулись в Питер, приоделись и давай осваивать город на Неве. А здесь, как ты понимаешь, свои «границы», своя «защита». Да и потоки совсем другие. Другая и жизнь. Хм! Я бы сказал, она короче. Всё довольно быстро решается. Кто – кому – сколько? Или кого – когда – за что? Всё примерно, конечно. По принципу трёх «П»: «Пол, потолок, палец». Ведь не в суде.

– Я для чего тебе всё это излагаю? Слышь! Хочу кино про меня. А? Да мы ещё так и не познакомились. Я-то Василий! А ты?

– Марина Эдуардовна...

Василий, будто пьяный, забыл, что нужно сказать в таких случаях, но подумал: «Ну и мымра же ты, Марина Эдуардовна!»

– Чтобы было понятно, я человек прямой. Хм! Терпеть не могу рассусоливать и обсмаковывать. Мне даже больно голове бывает, если я для пользы дела думаю или сижу где-нибудь в театре. Быстро отрубаюсь. Но приходится. Так как тружусь, не покладая... На ниве фармацевтики...

– На какой ниве? – переспросила женщина. – Всё было так интересно и вдруг какая-то фармацевтика.

2.

– А какие временные интервалы вы не помните? Час, день, может, неделю?

– Вы знаете, не пытался рассчитывать, от какого именно момента ничего не помню. И раньше не особенно задумывался над этим. Так, не помню что-то, ну и ладно. Но в последнее время такое ощущение, будто ножом срезали. П-просто нет вчерашнего дня и всё! И при этом никаких следов, никаких п-последствий. Ни, там, голова чтобы болела, ни ещё что...

Сеанс длился больше часа. За ту неделю, что Дворский вместе с Малкиным находился в Амстердаме, он уже третий раз навещал психотерапевта и совершенно определённо отдавал себе отчёт в том, что все эти разговоры, полудрёма на кушетке ничего конкретного ему не приносят, кроме траты денег. «Вот устроилась, – подумал бывший военный медик, – и главное, никакого риска! Не хочешь не приходи. Но, говорят, подсаживаются клиенты, как на наркотики».

– Два примера провала в памяти: про автомобиль и про магазин мы разобрали, – врач всё время пыталась вернуться к выяснению первопричин возникновения амнезии. Детство, юность – тут всё понятно. Отец бил, потом бросил семью. Изолированность от сверстников. Потом ранение, смерть ребёнка, развод. – А в последние месяц-два было что-нибудь такое, что вызывало у вас не просто, как вы говорите, чувство досады за потерянную машину, а по-настоящему тяжёлые переживания, стресс, какие-нибудь проблемы, связанные с вашим бизнесом?

– Раньше, год назад, да. И до этого тоже. Их было п-предостаточно...

– А после?

– Нет. Точно, нет. Я говорю, как масла кусок срезало. Никаких проблем с делами. Я имею в виду мои личные п-проблемы. Те, что связаны с каким-то неумением или нежеланием.

– Да, да, понятно...

Михаил вспомнил давнюю историю с его перелётом в Ванкувер на выставку и решил её тоже рассказать. Врач, казалось, была готова слушать его вечно.

– Я летел один. Вся группа уже была на месте, а я опаздывал. На два дня задержался в Европе. Встречался со своими коллегами. Конечно, выпивали... бессонная ночь. Потом п-перелёт в Нью-Йорк. Опять не заснуть. Эконом-класс, знаете, – ноги не вытянуть. В аэропорту Кеннеди пересадка на Ванкувер. А билет без п-подтверждения. Ждал, ждал. То рейс заполнен под завязку, то отмена рейса. Тем более, это было 4 июля. У них праздник. Да, ещё ночь в аэропорту. А он так устроен, что даже сидеть негде. Следующий день тоже подходил к концу. Наконец, я решился и на такси переехал на другой конец города, в Северный Квинс. Там, в восьми километрах от Манхеттена, у них есть ещё аэропорт. Всего четыре терминала, но зато я успел на ближайший рейс до Сиэтла. Это совсем рядом с Ванкувером. Сел и сразу вырубился.

Вдруг будят, расталкивают, почти выносят из самолёта. К-короче, стою в зале, смотрю по сторонам: электронные доски мигают: отлёт, прилёт, наименования городов, часы, минуты... Вижу, «Сиэтл» написано на табло. То есть, как это? К нему ещё нужно лететь? А я-то где сейчас? Думаю, нужно выйти наружу, в город. Но мне же нужно д-дальше, на Ванкувер. На Ванкувер ничего нет. Я даже в окно стал глядеть, голову вытянул, чтобы хоть на крыше что-нибудь увидеть. Какой аэропорт-то? Спросить? Скажут, ч-чокнутый. Ещё отправят куда. Потом доказывай. У меня было ощущение тревоги, и я почувствовал, что ушёл в какой-то мир, из которого, быть может, не сумею выбраться...

Не помню – как, но узнал, что нахожусь в городе Ц-цинциннати. Ёлки-палки! Где хоть такой? И почему не Сиэтл? В киоске купил карту Соединённых Штатов Америки. Искал, искал, нашёл-таки. Это чёрт знает где. Ещё лететь и лететь.

Психотерапевт сидела в кресле напротив Михаила и время от времени делала какие-то отметки в блокноте. Через минуту она подняла голову, отложила записи в сторону и как-то по-особенному посмотрела на пациента.

– Да! Интересно. Полагаю, это обычная реакция на бессонницу.

– Так-то оно так. Только он ведь тоже не дурак...

– Это вы про кого говорите сейчас, Михаил Николаевич? – ласковым голосом пропела психотерапевт и привычно насторожилась.

– Про кого, про кого. Про него!

– И всё же...

– Да это я про организм ваш.

– В данном случае он ваш, а не мой.

– Ну, да, п-пусть мой. Только он, в отличие от меня, п-память наверняка имеет. Может запомнить, как себя вести в таких случаях. Раз забыл, другой забыл. Глядишь – амнезия! Как начнёт включать эту свою защиту... Да ещё меня не спрашивая...

Врач взялась за виски и потёрла их – сегодня она была не готова к подробному обсуждению проблем отношений конкретного человека и его «я». Вернее, пациент не был готов. В деле расшифровки или построения структуры этого самого «я» психологи и психотерапевты не слишком преуспели. Они обычно перекладывают проблему на плечи своих подопечных – пациентов и испытуемых, предлагая им на ходу придумывать всякие концепции. Фрау психотерапевт была против смешения психофизиологических свойств и механизмов взаимодействия человека с личностью. Они хотя и в личности, но – не личность.

– Господин Дворский, вы в Амстердаме ещё задержитесь?

– Пока не знаю.

– Нам обязательно нужно встретиться через неделю. Вы сможете?

– Конечно, я могу уехать, а через неделю вернуться. Остаться – вряд ли. Я уже здесь вторую неделю ничего не делаю. Надо улетать.

– Не пробовали поездом?

– Это как? Через Польшу, что ли?

– Есть разные поезда. Главное, что там вы сможете отдохнуть, подумать, попытаться вспомнить... Там вся обстановка располагает к обдумыванию сложившейся ситуации. В самолёте тоже можно, но если знаешь, что через два часа этот комфорт закончится, организм не очень-то позволит вам раскрепоститься. А в поезде, знаете, постукивание колёс, покачивание вагона, времени предостаточно, сосед по купе может спать или чем-то быть занятым. Тут важно самому почувствовать обстановку.

– Я в прошлый раз уже рассказывал вам, как реагировал на качку в детстве, да и потом, значительно позже. Поезд, конечно, не такая уж и качка... Боюсь, просто засну...

– А вы старайтесь размышлять, интенсивно думать, вспоминать. И знайте, что ваша потеря памяти может быть и благом. Это исключительное по эффективности лекарство. Иногда оно сохраняет человеку психику. Представьте на минуточку, что с вами снова и снова происходят жуткие события. Они для вас, во-первых, непривычны и, во-вторых, просто противопоказаны. Вы в них захлёбываетесь, тонете, сами собой включаются различные внутренние охранные механизмы: пот, боли в желудке, подёргивание ноги, руки или века. Кстати, я заметила, вы иногда постукиваете ступнёй. С пятки на носок, с пятки на носок... Самому выбраться из таких коллизий невозможно...

– П-похоже на кризисные ситуации в бизнесе, – заметил Дворский. – Там тоже сам себя за волосы не вытащишь из болота...

– Не знаю. Наверное, что-то есть. Но возможен и другой путь. Можно просто забыть все проблемы, и аномалии в поведении исчезнут. Однако важно прояснить вот что. Забываете не вы. Это ваш организм так начинает работать вне зависимости от вашего желания. И нужно ему не противиться. Другое опасно. У людей с подобными нарушениями памяти может происходить подмена провала памяти несуществующими событиями. То есть, вы можете принять совсем чужие поступки за свои. Вот это уже опасно.

3.

– Понимаешь, позвали меня в эту фармацевтику, – Прохоров продолжал поражать воображение соседки по купе, «очкастой мымры» Марины Эдуардовны, – денег дали. Я лекарства с детства не люблю, ну, думаю, отыграюсь. При мне всегда директор конторы. Контора называется «Фарма-2». Может, слышала?

Женщина, сидевшая напротив, молчала. Она уже привыкла к риторическим вопросам «собеседника». А Василий всё говорил и говорил, ощущая себя необыкновенно крутым, в костюме и тапочках, сидящим на длинном диване купе «СВ» ночного поезда. Он то и дело оглядывался по сторонам, силясь отыскать, откуда кислый дым табака, кто же это курит в его купе...

– Я знаю, директор – чей-то хороший знакомый или родственник, проверенный на «наездах» и судебных разборках... Короче, вообще проверенный. Его фамилия была нарисована на всех банковских и налоговых документах, он отвечал за всё. Ну, это перед государством...

– А перед кем ещё? – заинтересованно спросила Марина Эдуардовна.

– Ну ты даёшь! Гораздо важней не чинуши, а совсем другие люди. А покуда директор наш дуб-дубарём, не он распоряжается счетами конторы.

– А кто же?

– Я. Кто ж ещё? – гордо ответил Василий. – Для этого, правда, ещё есть специальный Финансист. Его никто из персонала не видел. Но сотрудники знают, что готовят всякие бумажки именно для меня и для него тоже. Я сначала посмотрю, а потом их отправляю раз в неделю нарочным к

финансовому умнику. Нарочный – то ли приятель Финансиста, то ли от этого... от юриста. Там и подружка его тоже при делах. Юрист этот, Лёня, и меня затащил в этот гадюшник с лекарствами. Никогда их не любил... Я, как бы «за лавкой», а где-то – умники... придумывают, понимаешь, всякие финансовые схемы, контракты, ищут деньги и всё такое. Не слабо?

Василию было совсем не безразлично, кто настоящие владельцы той «конторы», где он каждый день озвучивал судьбоносные решения. Да, есть автор всех патентов – какой-то Дворский. Об этом все знали, но он им как бы ни к чему. «Даже странно, ей Богу», – говорил Прохоров директору-номинальщику. – Так не бывает по жизни. Если я решаю, значит, я и главный. А если я главный, то где деньги? – Ответа на эти вопросы никто не знал. В «конторе», как её с насмешкой называл Василий Фёдорович, таких вопросов даже не задавали.

Прохоров передохнул немного, вспомнил другие моменты своей жизни и продолжил.

– Неделя кончается, и я тю-тю! Руки в ноги – и в деревню. Вот где настоящая жизнь! Выпить, пожрать и в баню! Или сразу в парилку. А потом мне всё до фени!

Он снова замолчал, будто ему напомнили о чём-то хорошем. Достал из-под стола портфель, раскрыл его, вынул оттуда бутылку виски «Гленфиддих-16» и прозрачный стакан.

– Тебе не предлагаю. Всё равно откажешься. А мне надо принять. Не могу иначе. Когда пахнет табаком, я должен пить виски.

– Разве здесь кто-то курит? – пожав плечами, спросила женщина и замахала руками, словно отгораживалась от алкоголя. Под натиском соседского словоблудия она стала вспоминать всё, что знала про фармацевтику...

А Василий выпил залпом один пластиковый стаканчик виски, налил ещё, снова выпил, потом в третий раз наполнил, подождал, пока всё принятое разольётся по организму и станет тепло, выпил, снова налил полный, опрокинул и его, высоко задрав голову. После этой оздоровительной процедуры Прохоров всегда мгновенно засыпал.

Через два дня Василий Фёдорович вернулся в Питер, к себе на Гражданку. Его жильё – нечто среднее: и не квартира, и не номер в гостинице. Можно самому варить еду у себя на кухне, что он обычно и проделывал по утрам, экономно расходуя закупаемые в гастрономе напротив всевозможные стеклянные банки с борщом или рисовой кашей со свининой.

Вздремнув немного после бессонной ночи, Прохоров стал собираться в главный офис. На двенадцать была назначена встреча с руководством немецкого журнала «Шпигель». Как и других иностранных предпринимателей, вытесняющих с российского рынка отечественные лекарственные препараты, их интересовала история создания нового фармацевтического холдинга. Они уже два месяца настойчиво напрашивались на интервью с автором патентов и с владельцем всей компании. «Ишь, чего захотели! Мы свои, и то их не видим, как бы ни хотели», – всё время приговаривал новый начальник службы безопасности «Фармы-2».

Официально таких ходоков принимал директор. Катенька Захарова подносила кофе, медленно, со знанием дела, расхаживала по залу для переговоров, раскладывала печенье, проспекты и всякие там часто используемые для подобных встреч пресс-релизы и справки на различных языках. Василий присутствовал, как будто мафиози. «Пусть думают, что хотят! – произнося эти слова, он всякий раз не то успокаивал, не то вдохновлял себя на очередной подвиг. – Пусть растеряются, пусть завертят башками, не понимая, кого слушать. Директора или какого-то, не имеющего, ни визитки, ни вообще каких-либо координат Васеньки Прохорова. Стол, как всегда круглый. Чёрт его знает, кто тут у русских главный?»

В одиннадцать Прохоров вышел из дома. В стороне, метрах в пятидесяти, его, как всегда, ждал синенький «форд-Орион». Открыв дверь, он развалился в кресле сзади за водителем – самое безопасное место.

– А где Володя? – нехотя спросил Василий у незнакомого ему мужика, сидевшего за рулём.

– Он завтра будет, – не задумываясь и не оборачиваясь к пассажиру, быстро ответил мужчина. – А что с ним, мне не сказали.

Нормально. Контора большая. Обычное дело – один заболел, дали другого, забрали у кого-нибудь из замов, – подумал Прохоров и раскрыл газету, отгородив себя от незнакомца. Машина тронулась, проехала чуть больше квартала и внезапно остановилась. Слева и справа от Василия распахнулись двери, и в салон втиснулись два парня интеллигентного вида в хороших костюмах. Один даже в очках. Тот, что в очках, заговорил первым.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, Василий Фёдорович, мы не причиним вам вреда. Просто нужно срочно проехать к известному вам человеку. Он ждёт.

– Это про кого речь? – начал было куражиться Прохоров, но через секунду-другую сам сообразил, из какого сегмента гражданского общества он удостоился такого внимания. – Петр Михайлович мог бы и позвонить...

Ему никто не ответил. И вообще всю дорогу до личного офиса Филиппова ехали молча. «Интеллигенты» были не уполномочены что-либо произносить дополнительно к уже сказанному. А Василий и сам прекрасно знал правила игры. Он даже не стал интересоваться тем, где же его водитель?

В это время в офисе «Фарма-2» все собрались и ждали «самого главного». Помощник и одновременно секретарь директора, Екатерина Захарова, должна была демонстрировать немцам новые препараты, импортное оборудование, «чистые комнаты» с десятью пылинками на метр кубический и прочие приобретения последних лет. Но её как ветром сдуло. Нет нигде! Директор в это время накручивал телефонный диск, снова и снова набирая номер Прохорова, а потом водителя. Везде было одно и то же – продолжительные гудки.

– Ну, как это, никто не подходит? Уже полчаса, как должны начаться переговоры! – директор нервно расхаживал по приёмной и говорил эти слова всем, кто попадался ему на пути. Он не решался позвать зама по безопасности. Обычно его боялись информировать о чём-либо. Потом обязательно окажешься крайним. Да он и сам должен всё отслеживать. А уж «самого главного» искать – так это его прямая обязанность!

Пока директор мучился рефлексией, «безопасник» уже давно обзвонил всех, кого смог: соседей по «общежитию», знакомых. Узнал, когда Василий вышел из дома, какая машина его ждала и тому подобное. Более того, кишками чувствуя неладное, он уже принял решение и сообщил о случившемся куратору из районного управления ФСБ.

По всему было ясно, что вот-вот что-то произойдёт.

4.

– Держи этого крепче, видишь, рыпается, – спокойным тихим голосом пробубнил Валет своему подмастерью. Он обстоятельно налаживал станок для резки бумаги, будто занимаясь обычным ремеслом, то и дело, переводил взгляд с очухавшегося Василия на своего нового подручного, потом опять на Василия... Вернее, на пальцы его левой руки. Молодой отморозок силился удержать на столе вытянутую руку провинившегося заёмщика, но клиент всё время выворачивался, и рука сползала со стола.

– Бухгалтер, подсоби пацану, – продолжал руководить Валет. – Ты всё мечтаешь, что он так расскажет? Щас! – и мастер на все руки прямо перед носом неуклюжего старика в очках всем известным жестом убедительно подтвердил бесспорный для него факт.

Вдвоём стало сподручнее. Василия разложили на столе, связанные ноги, правую руку и тело крепко притянули к столу промасленными жгутами. Фармацевт расслабился и, почувствовав холодное острое лезвие на коже указательного пальца, заулыбался. Через мгновение палец отскочил в сторону и свалился на пол. Его никто не подобрал. Крови было немного. Прохоров по-прежнему улыбался, продолжая индифферентно смотреть на своих мучителей.

– Ты понял, ты? Я не шучу! Ты понял, ты! – не выдержал и закричал Валет, обычно спокойный и уверенный в

своих недюжинных способностях. – Чего дальше отрезать? – он как бы спрашивал своих коллег. – Выполняю любые заявки телезрителей. – Валет не шутил. Всё это завораживающее действо для отчёта записывалось на видео.

– А давай... – новенький вдруг захихикал и стал тыкать пальцем в сторону Василия, в низ его живота. – Давай, а?

– Петру Михайловичу нужен ответ на главный вопрос: «Где его деньги?» – многозначительно произнёс самый образованный из присутствующих. Стоя у полки, прикреплённой к стене, он поглаживал клавиатуру новенького компьютера. – Хозяин ждёт результата, а не ведро с отрезанными конечностями.

– Много ты от него услышал, – Валет опять стал обосновывать незаменимость своих передовых технологий допроса. – Он или не знает ничего, или оболтус какой-то, или «крыса», и тогда ему не жить! Не так, так этак, но я его добью. Гадом буду!

– Зна-а-ет. Потому и молчит, – подражая своему уверенному во всём начальнику, заключил помощник.

– Так! – вдруг произнёс Валет. Он здесь считал себя за главного, несмотря на то, что Хозяин, как все поняли, в первую очередь будет спрашивать с Бухгалтера. – Перекур. Я не могу так долго без солянки. Пора начинать приём жорева. – Валет, поглаживая свой живот, крикнул помощнику. – Дай-ка, паря, ему пальчик потрогать. Пусть побалдеет ночку с ним наедине. Завтра поутру продолжим.

Они заперли большие железные ворота гаража с круглым столом посередине и с Василием на нём, связанным, окровавленным, с кляпом во рту и, действительно, не имеющим понятия, как и куда ушли деньги уважаемого авторитета Филиппова Петра Михайловича.

На следующий день утром все трое вернулись в гараж. Валет вынул грязную тряпку изо рта Прохорова, тщательно осмотрел и ощупал на нём жгуты, проверяя, не пытался ли их пленник развязаться. Крови на полу на удивление было мало. Место, где раньше был палец, подсохло и почти не кровоточило. Василий по-прежнему лежал на столе. Его глаза не видели, их накрывали набухшие, багрового цвета веки. Руки и ноги затекли. Он их не чувствовал. Его ещё вчера изящный бежевого цвета костюм был весь в крови и моче.

Закрытые изнутри железные двери гаража вдруг распахнулись, будто картонные. В помещение ворвались пять человек с автоматами и в масках. Александр Новгородский – куратор из районного управления ФСБ, сразу бросился к Прохорову. Остальные, прекрасно зная своё дело, действовали по инструкции.

– Василий Фёдорович, не смотри, не смотри на них, – кричал низкого роста белобрысый старший лейтенант, остервенело разрезая ножом крепкие ремни. – В это время его ребята уже выбрали основную мишень и били её прикладами прямо по голове. Валет быстро свалился на пол и затих. Подручный Валета сразу поднял руки и подбежал к стене гаража, чтобы не били со всех сторон. Смышлёный! А Бухгалтер стал метаться из стороны в сторону, надеясь увильнуть от жутких парней с тремя большими белыми буквами на спине.

Пленника освободили, перевязали руку, потом стащили со стола. Он случайно глянул на красный от крови бинт на левой руке, – боли не было, – снова нервно усмехнулся, точно так же, как вчера на столе, потом пошевелил ногами и руками. Вроде цел и вполне может двигаться. Попытался встать, но ноги не держали. Он свалился бы на цементный пол гаража, если бы его не подхватили под руки. Стало щекотно всему телу. Это кровь побежала, расширяя стенки сосудов. Двое в форме принялись растирать ему ноги и руки.

Когда Василий смог самостоятельно стоять, его отвели в микроавтобус, а Валета и его подручного продолжали «дожимать» на месте, пытаясь сходу расколоть и узнать всё, что им было нужно. Зачем? Кто приказал? Где хозяин? Валет, нахлебавшийся собственной крови, молчал, делая вид, что он без сознания. Это не очень получалось. Тогда один за другим на его голову сыпались удары. Но никто не услышал от Валета ни звука. Школа! Давно с Филей.

Бухгалтер сидел прямо на полу, вытирал подолом пиджака вспотевшие стекла очков и давал показания. Мало-

летка ревел. У него была сломана переносица, и он, измазанный своими розовыми от крови соплями, всё время вытирал их рукавом правой руки, пристёгнутой наручниками к чугунной трубе, которая проходила сквозь гараж. Левая, видимо, была сломана или вывихнута и плетью болталась вдоль тела.

Василий Фёдорович находился в автобусе вместе с куратором. После бессонной ночи и этого чудесного спасения он уселся на переднее сидение, раскрепостился, его голова то и дело падала на грудь, и тогда жуткий храп наполнял весь автобус. Потом вздрагивал, просыпался и, делая вид, что напуган, внимательно слушал своего спасителя. На самом деле, после каждого пробуждения его мозг начинал прокручивать одну и ту же мысль: «Что же имел в виду Филя, когда вчера говорил о смене „крыши“ и о подмене реестра?».

Обычно Прохоров, как хорошая собака, заранее чувствовал опасность. А тут произошло что-то такое, что в корне поменяло его отношения с Филипповым, а он так ничего и не знает. А ведь Филя – «крыша» и ещё кредитор! Получалось, что он теперь больше всего был нужен именно Филиппову и совсем не нужен тем, кто прибрал бизнес «Фармы-2». Вполне достаточный набор обстоятельств для поиска места на престижном кладбище.

Несмотря на острую боль в вывихнутой ключице, мокрые брюки и другой дискомфорт, Василий интенсивно морщил лоб, подгоняя мыслительные процессы в своей, непривыкшей к ним голове.

«Нужно немедленно исчезнуть, – размышлял про себя Прохоров, – или... – Что „или“, он ещё не придумал. – Но исчезнуть надо так, – продолжал соображать только что освобождённый пленник, – чтобы уже никто не искал. Конечно, плохо, что неизвестно, где кредитные деньги. Вот когда они пригодились бы! А с другой стороны – это и хорошо. Знал бы – точно рассказал! Чёрт его знает, что бы они принялись отрезать поутру... Может, удастся соединиться с Финансистом? Вот не зря он меня звал на разговор! Хоть бы его не захватили. Вроде не должны. Так запрятан ото всех, что фиг сыщешь!»

Фармацевт застегнул все пуговицы на пиджаке и заложил левую руку за его лацкан. Боль стала меньше.

– Василий Фёдорович, – громче заговорил Новгородский, – ты посиди, подумай, чего говорить на дознании. Ладно? А я на минутку схожу, поинтересуюсь, как там «бантики»? Много ли нового поведали?

Через минуту после того, как куратор исчез за железными воротами гаража, Василий тихонько встал, размял ноги, потянулся и, медленно ковыляя, направился к открытым дверям автобуса. Посматривая по сторонам, будто ища место, где помочиться, он зашёл за угол, протиснулся в расщелину между гаражами, потом громко вскрикнул, чтобы услышал шофёр автобуса, и, выйдя с другой стороны, сразу же припустил в сторону проспекта, прихрамывая на одну ногу.

5.

Что у Василия было отточено всегда и при любых обстоятельствах, так это доступ к зарубежному паспорту с его фамилией и фотографией, да с десятком разных виз, которые обновлялись, чуть ли не раз в полгода. Он не ездил почти никуда. Так, по разу в Финляндию, да Голландию и всё. А паспорт всё равно имел и хранил его в центре города, в маленькой арендуемой квартирке. Совсем не там, где он жил. Если руки-ноги целы, её всегда можно было незаметно посетить, изъять из сейфа документы вместе с деньгами и кредитками.

Не теряя ни минуты, Прохоров пешком добрался до квартиры, умылся, переоделся, уничтожил мобильник и симку. Спускаясь по лестнице, ещё продолжал чисто автоматически соображать. «Теперь главная задача, чтобы все подумали, мол, меня опять украли. Ну, в самом деле, чего мне убегать от спасителей? Хотя все, наверное, уже узнали про нигде не учтённые кредитные деньги Филиппова и теперь наверняка мечтают их найти и забрать».

Василий вспомнил, с каким вожделением один ФСБэшник с тремя белыми буквами на спине, закончив бить

прикладом по голове Валета, аккуратно отключал компьютер, стоявший на полке у стены, брал его нежно, как женщину, и тащил, потом в автобус. И не только компьютер, но и ксерокс, факсимильный аппарат и ещё какую-то штуковину. Ах, да! Вентилятор.

Фармацевт всё правильно предчувствовал. Куратор вернулся на место в автобус и, услышав доклад водителя, решил, что Прохорова снова украли. Он уже знал ответы на вопросы, которые задавались Бухгалтеру, и потому был уверен в своих действиях. Пошли на захват офиса Филиппова. Это давало Василию приличную фору по времени. Лишь бы не догадались его искать на границе.

Выйдя на проспект, Прохоров поправил свою новую одежду и любимый, совсем не пострадавший парик с кучерявыми светлыми волосами. Там он поймал такси и через полтора часа уже был на Финляндском вокзале, в поезде «Санкт-Петербург – Хельсинки».

Прошел ещё час, поезд подошёл к Выборгу. Потом ещё полчаса, и российские пограничники покинули состав. Василий вздохнул с облегчением. Конечно, хорошо бы заехать на дачу, отмыться, как следует, запарить всех паразитов из Филькиного гаража да, ладно, нельзя терять ни минуты. Всё! Теперь, если и достанут, то не сразу. После проверки паспортов на финской территории он сразу же вырубился и не просыпался уже до Хельсинки.

В Финляндии оставаться нельзя. Все туда бегут поначалу. Нужно в Амстердам. Почему? А чёрт его знает! Все дороги туда ведут. Там один аэропорт, будто целый город, со своим метро, эскалаторами, автобусами. Разноцветные стрелки на стенах указывают, куда тебе идти... Василия почему-то тянуло именно туда. Он не знал, почему, да и не искал ответа. Какая-то необъяснимая сила влекла его именно в этот спасительный город. Раз его туда тянет, значит, так тому и быть! Тем более, что он там был однажды. Нигде не был, кроме Финляндии, а Амстердам-таки посетил.

Ночью прилетел. Такси, отель, номер... Спать!

На следующий день прямо в гостинице Прохоров взял напрокат «мерседес». На таком, обычно, не отставая ни на

метр от шефа, ездит охрана. Ему нравился этот автомобиль-кубышка, с плоской высокой крышей, в него можно было залезть, не наклоняясь в три погибели, не рискуя получить прострел в пояснице и не тревожа повреждённую позавчера ключицу. Он направлялся в клинику. После таких передряг самое время подлечиться.

Как всегда разогнался, не учёл, что это не Москва и не Питер. А сразу за поворотом – перекрёсток. Василий резко затормозил на красный свет. Он всегда вёл машину рывками и вообще всё так делал: то пашет, как заведённый, то просто нет его, будто запойный. С крыши автомобиля что-то свалилось, покатилось, подпрыгивая на капоте, и упало на асфальт прямо перед колёсами.

Через мгновение все услышали глухой взрыв. «Мерседес» взлетел метра на два вверх, в воздухе развернулся и громко плюхнулся левой стороной на асфальт. Подбежавшие люди вытащили неподвижное тело водителя. Кровь от удара головой о руль почти не видна. Парик из светлых волос свалился, а на фоне натуральных рыжих её трудно заметить. «Мерседес» загорелся, весь его перёд был разворочен взрывом. Соседние машины быстро, словно действуя по инструкции, отъехали от него подальше, освободив площадку на перекрестке с небольшой воронкой посередине.

Двумя днями раньше, сразу после захвата ФСБ-эшниками гаража, Филиппову доложили о «наезде», об аресте Валета и, главное, Бухгалтера. «Этот, наверняка, всё выболтал!» – сразу решил Филя и немедленно выехал из офиса в неизвестном направлении. По своим каналам он узнал, что Фармацевт ушёл от районных чекистов. В отличие от силовиков, Филя понимал, что единственный правильный шаг для Прохорова – валить ото всех за границу. «Значит всё-таки „крыса“! Значит, свалил, прихватив его „десяточку“. Куда направился? Куда, куда? Да к Академику амнистированному! Куда же ещё! Одна шайка-лейка».

Он сразу это сообразил, как только ему в тот же день, поздно вечером, сообщили о месте пребывания Максимова. Найти Фармацевта теперь стало делом техники. «Пробили» по самолётам и поездам. Так и есть! Укатил Васенька в

Финляндию на «Лёвушке». Прыткий какой! И от бабушки ушёл и от дедушки ушёл... и на поезд «Лев Толстой» поспел. Только вот от лисы-то он не улизнёт! Так нас учит детская сказка. Так и должно быть по жизни. Филиппов достал из ящика стола потаённый необычно большого размера мобильный телефон с устройством для кодирования разговора и медленно набрал номер.

– Лисициан? – Филе приятно было так называть Лисочкина. – Говорю кратко. Фармацевт смылся. Я больше не хочу о нём слышать. Понятно? Ты эту контору мне подтащил, ты и зачищайся.

– Так есть! – зачем-то на польский манер ответил бывший полковник. Он уже давно себя корил за то, что проявил инициативу. Затаскивать конторы под «крышу» – не его специализация. Да это полбеды – «подтаскивать». Он туда ведь поначалу свои деньги вбухал.

Юрий Михайлович Лисочкин уже две недели находился в Польше. Он был занят важным делом. По поручению Филиппова со своими архаровцами «прорезал» безопасный маршрут из Смоленска в Антверпен, через Белоруссию и Польшу. Требовалось погрузить важный товар и вывезти в бельгийский порт. Маршрут в этом предприятии – святое дело! Вывезти нужно аккуратно. Посему бывший чекист сподобился побывать уже на двух «стрелках», столкнуть между собой основных местных смутьянов, а потом оставшихся прижать так, что они с превеликим удовольствием согласились не только не зариться на чужое добро, но и помогать, что было силы «правому» делу.

15 августа 1997 года в Амстердаме Лисочкина ждала команда из пяти человек. За деньги они всё разузнали. Когда, куда прибыл гражданин России Василий Фёдорович Прохоров, в каком он номере, что ел на ужин и кому звонил по телефону. Утром, около парковки отеля уже стояли два одинаковых сереньких «опеля» – ждали клиента. Когда «мерседес» Василия выехал, они двинулись следом. Машины в центре Амстердаме редкость и ездят медленно. Жители, всё больше на велосипедах перемещаются или пешком. На одном из перекрёстков, когда все остановились, невысокий парнишка в светлой курточке и джинсах выскочил из «опеля», протиснулся между стоявшими рядом машинами, помогая себя руками. В одной из них был небольшой предмет. Никто и не заметил, как свёрточек, скрученный прозрачным скотчем, оказался на крыше автомобиля, в котором ехал Прохоров. Машины тронулись «на зелёный», из первого «опеля» наблюдали за предметом, лежавшим наверху следовавшей впереди машины. Лысый мужик в коже и с бородкой всё время держал наготове пульт.

Свернули направо. Опять перекрёсток. Снова «красный».

– Чёрт! Да она свалилась! – закричал тот, что всё время скрипел кожаной курткой.

Водитель не на шутку расстроился. Видимо, в этой «обойме» он был старшим.

– Всё равно. Давай жми! Потом не сумеем.

6.

Про то, что есть такое маленькое государство – Мальта, Дворский узнал ещё в детстве от своего отца. В редкие вечера, когда Николай Петрович был трезв и заканчивал ремонтировать всё, что в доме не работало, Мишка тихонько подкрадывался к севшему пить чай отцу и принимался надоедать ему вопросами о дальних странах. Тогда папаша и поведал сыну историю о том, как в столице Мальты на его глазах с причала в море упал человек, а беспорядочно блуждавшие рядом катера изрубили его тело винтами. Потом на поверхности плавали окровавленные тряпки – куски одежды несчастного. Ужасно! Но маленькому мальчишке запомнилось другое. Никто не искал труп. Почему? «Да просто там сильное придонное течение, – объяснял отец, – оно всё выносило из бухты в открытое море. А там искать – себе дороже! Да и что искать-то?»

Сегодня, во вторник 16 августа, эта история как-то сама всплыла в памяти у Дворского. Он только что побывал у

своего психотерапевта и теперь снова сидел в аэропорту Схипхол и ждал рейс на Кипр, в Ларнаку. Там нужно было многое поменять в схеме перевода кредитных денег. Но ничего не случается просто так. Значит, какие-то внутренние переживания вызвали из закоулков его ущербной памяти эту историю про Мальту. Значит, это зачем-то было нужно...

«Зачем? – Михаил рассуждал чётко, логично, как будто всё это происходило не с ним. – Так, по порядку. Первое. Неделю назад приезжал курьер. В пачке финансовых документов лежало сообщение о странном поведении работников компании. Охрана не пускала курьера в предбанник кабинета Прохорова. Директор два дня отсутствовал, а секретарша всё это время провела в его кабинете и не отвечала на звонки. Второе. Тогда же кто-то настойчиво названивал мне в секретный офис в Лаппеэнранте, хотя этого делать не мог никто. Значит, разыскали и адрес, и номер телефона. Потом, я сам звонил в кипрский оффшор и там меня тоже проинформировали о звонках из Питера от неизвестных им людей.

Ну и последнее. Покушение на Прохорова. В Амстердаме все только и говорили о каком-то русском, которого хотели взорвать. Ему самому об этом только что во всех подробностях рассказывала психотерапевт. Такие совпадения не бывают случайными. При любом раскладе нужно отправляться на Кипр и быстро разбираться, как лучше перенаправить средства от недавно полученного кредита?»

Михаил сидел в аэропорту и ждал рейс на Ларнаку. Он ещё несколько раз звонил в кипрскую компанию из автомата. Оттуда лился непрерывный поток тревоги. Нарушались все оговоренные заранее процедуры коммуникаций. Им уже несколько раз звонили из Санкт-Петербурга, прямо из офиса «Фарма-2» и открытым текстом спрашивали о деньгах.

Если так нагло ищут деньги, то уж его-то самого уже давно обложили со всех сторон. А какие у них возможности? Об этом можно было только догадываться. Дворский, нарушая все мыслимые и немыслимые алгоритмы общения, решился сам позвонить в офис «Фарма-2» в Питере.

Он представился Финансистом и попросил к телефону директора. Сразу же защёлкали переключатели, и Михаилу стало ясно, что его или слушают или номинальный директор включил громкую связь. Тем не менее, не здороваясь и без предисловий, понимая важность и неординарность контакта с самим Финансистом, «номинальщик» выпалил скороговоркой: «Василий Фёдорович исчез два дня назад, в офисе неизвестные люди, они ссылаются на то, что, мол, выкупили все акции. Но мы ведь...» – На том конце зазвучал бойкий молодой голосок: «Директор компании, Захарова Екатерина. Я слушаю вас».

Дворский нажал на рычажок телефонного аппарата и ещё долго оставался стоять в кабине таксофона ошарашенный, растерянный и с трубкой в руке.

Информации было достаточно. Их директор отстранён, идёт перехват управления, «крутые» заняты делом, а та самая секретарша, которую ещё в 93-м притащил Малкин, теперь директор. Но раз это так, значит и раньше Захарова была не только секретаршей и не только... Фу, как всё противно! Лёнька, придурок! Крутил, крутил романчик, вот и докрутился. Небось, всё узнала через постель, а теперь кайфует вместе со своими подельниками. Господа-кредиторы, наверняка, тоже в курсе. А это серьёзные люди. У них теперь одна цель – вернуть деньги! И знают они только Малкина да Прохорова. Причём Прохорова уже достали. Малкин, должно быть, смылся, как всегда. Его, умницу, Мишеньку Дворского, второй год никто толком не видел... А зачем? Подумаешь, автор патента какого-то... Внутренний голос настойчиво твердил: «Ещё немного, и они вышлют в оффшор оригиналы документов о назначении нового директора и об отзыве всех доверенностей. Нужно торопиться. Потом Цюрих, и исчезать. Нужно срочно исчезать...».

Дворский снова опустил монеты в таксофон и набрал номер.

– Это Дворский. Здравствуйте. – Затем прозвучало парольное слово и какие-то цифры. Михаил говорил с представителем оффшорной компании, поэтому старался быть

спокойным и не выдавать своей тревоги. – Вы помните условия нашего договора?

– Конечно, господин Дворский, – ответили из офиса в Ларнаке. Там все говорили по-русски. – Мы исключаем вашу доверенность только после приезда к нам действующего директора основного офиса в Петербурге, представления им при нашем нотариусе всех правоустанавливающих документов, подтверждающих его полномочия. Вы не беспокойтесь, господин Дворский. Мы всё выполним, как положено. Документы о назначении нового директора к нам уже поступили из Петербурга экспресс-почтой. Но всё это ещё следует перевести, заверить, апостилировать и только потом читать.

– Спасибо. Наверняка, р-рейдерский захват. У нас это обычное явление. Включайте, пожалуйста, установленную процедуру проверки, а я буду у вас, – Михаил посмотрел на огромное светящееся табло на стене, – через пять часов.

К вечеру Дворский был в Ларнаке. Несмотря на поздний час его ждали. Сотрудники оффшора в установленном порядке перевёли все средства дочерней компании «Фармы-2» на личный счёт Михаила. Почему нет? Это возврат лишь малой доли от всей суммы займа, полученного кипрским оффшором именно от Дворского. Дело в том, что все так называемые инвестиции Лисочкина и Филиппова он сначала размещал на счёте своей личной компании, а уж потом по мере необходимости «сбрасывал» в кипрскую «дочку» «Фармы-2». И тем и другим счётом по доверенности Дворского распоряжались местные сотрудники. Михаил тут же дал им указание перевести из своей фирмы двадцать процентов на счёт Малкина, а остальное отправить на номерной счёт в Credit Suisse в Цюрихе. Потом он открыл свой личный сейф, хранившийся в офисе его компании, забрал всё, что там было, распрощался с сотрудниками и вылетел на Мальту.

«Вот теперь всё! – с каким-то сладким чувством удовлетворения от проделанной работы, подумал Михаил. – Теперь быстро на Мальту... А потом снова Цюрих и в Бразилию».

7.

Пять дней спустя все газеты столицы Мальты наперебой кричали о жуткой смерти российского туриста с документами на имя Василия Прохорова. Упал с причала под винты катеров местных хулиганов, не признающих никаких правил навигации. Тело погибшего не искали. Ещё через день после этого трагического происшествия, уже в Цюрихе, гражданин Чехии с документами на имя Збигнева Хорешовски выписал поручение о переводе средств с номерного счёта в Credit Suisse на его личный счёт в Бразильском частном банке.

Большая часть дел была сделана. Такой активности Дворский-Хорешовски от себя даже не ожидал. Теперь он мог раскрепоститься. Как будто с него сняли тяжкий груз ответственности. Ему предстояло только одно – убраться из Европы. Туда, куда звал Сойфер.

Мелочи приятно отвлекали его внимание, как всегда, не позволяя принимать никаких решений. Только теперь эти мелочи почти ни на что не влияли и лишь ласково щекотали психику. «Чешский учёный» Збигнев Хорешовски сидел в аэропорту Цюриха и ждал рейс на Сан-Пауло. До отлёта оставалось три часа. Он сидел в баре основного зала и ждал, когда принесут виски. Захотелось всем передать смс-ки о том, как ему здорово.

Что-то мелькнуло внизу под столом. «Кошка», – проскочило в голове у Дворского. Ну, что ещё может прийти в голову нормальному человеку с рудиментами советских рефлексов? Присмотрелся. Куда же она делась? Кошка-то. Оказывается, стена рядом с его столом стеклянная, за ней лестница вниз, наверное, ещё в какой-нибудь зал. А по ней изредка шныряют туда-сюда одиночные пассажиры. Вдруг Михаил сообразил, что не нужно никому посылать сообщения. После всех последних событий это было бы опрометчиво. Теперь какая-то неведомая сила влекла его туда, вниз, вслед за несуществующей кошкой. Он выпил виски, расплатился и стал медленно спускаться вниз по лестнице.

Этажом ниже было маленькое уютное кафе. Дворский вошёл. Идиллия лопнула как мыльный пузырь. Напротив – рядом с входом – сидел Малкин. Он понемногу отхлёбывал из бокала светло-зелёную жидкость и, время от времени чтобы забить приторный вкус ликёра «Шартрёз», запивал его горячим чаем и бросал в рот солёные дольки арахиса. Михаил оставил свои вещи у дверей и, будто под гипнозом, направился к приятелю. Не дойдя двух метров, он остановился в растерянности. Первым движением души была радость. Наконец-то, после такой нервотрёпки встреча с близким человеком. Но он не ждал здесь увидеть кого-нибудь из знакомых. Малкина – тем более. Когда случались проблемы, его чаще всего не было рядом. Сейчас проблемы почти закончились, все вопросы решены. Хотя, всё верно: теперь вот он, Малкин, сразу тут как тут.

Они были не только партнёрами, но и в каком-то смысле даже друзьями. Ведь это Леонид в самое трудное для Дворского время вернул его к активной жизни. Когда окончательно накрылось офицерство, умер ребёнок, ушла жена, а все друганы из академии разбежались по своим дурным бизнесам, именно Малкин заставил его искать коллег по науке и с нуля возрождать развалившийся бизнес Академика. Леонид уже всё понял. И про реестр акционеров, и про Екатерину Захарову. Он даже успел свыкнуться с мыслью о том, что по чьей-то наводке его «кинула» любовница, почти невеста, что бизнес потерян безвозвратно и что никакие затейливые уловки Дворского его не уберегли. Он только что получил свои деньги и теперь искал Михаила. Зачем? Пока он и сам не знал.

Вечный пациент их клиники, бывший полковник Службы внешней разведки как всегда был в курсе и сразу сказал Малкину, что Дворского нужно искать в Цюрихе. Полковнику верили. Он обычно не ошибался. Ему в своё время кололи всё, что только было нового в «Фарме-2». Всё годилось, всё шло впрок. В Афгане вертолёт, на котором его везли в Ташкент, упал прямо в горах, все остались целы, но у резидента от удара опустились почки, и круто пошёл хозяйничать диабет...

Конечно, в Цюрихе. Поэтому, разыскивая Михаила, Малкин прилетел в Швейцарию правильно. Только о чешском учёном никому не было известно. О покушении на Прохорова в Амстердаме и о случившемся на Мальте узнал уже здесь из газет. Он сразу смекнул, что «гибель» Прохорова – очередная Мишкина затея. Инсценировка, не иначе. Где-нибудь сейчас гуляют вместе и в ус не дуют. Какие, к чёрту, причалы и катера! Да, Дворский и весь этот набор атрибутов дурацкой гибели – абсолютно несовместимые вещи. Заставлять Ваську шляться по причалам не решится. Этот оболтус обязательно понаделает ошибок. Нужно самому всё рассчитать, походить, посмотреть, поплавать... Нет! Не станет. Да и сам не пойдёт! Хотя бы из-за жутких воспоминаний о баржах с мандаринами и взорванном причале в Сухуми.

Это Малкин знал наверняка. Не знал он только новой фамилии своего приятеля.

– Миша, – тихо произнёс Леонид, оглядываясь по сторонам, – это ты?

– Нет, не я.

– Как, не ты?

– Так, не я... Ты-то чего здесь?

Казалось, что Малкин вообще не в курсе последних событий. Такой лёгкий, ненапряжённый. «Не может быть! – мелькнуло в голове у Дворского. – Не может быть, что он вместе с этой Катькой». Но через мгновение Михаил прогнал эту плохую мысль и, не дождавшись ответа, продолжил:

– Если ты ещё Малкин, то напрасно мы здесь светимся...

– А ты уже не Дворский, как я понял. Почему? Боимся преследований новой директрисы.

– Ей-Богу, для встречи можно было выбрать и более укромный уголок.

– Ну, это ж ты встал и ринулся ко мне, как хрен знает кто. Я же тебе говорю: всё чисто.

– Не уверен, – уже начиная испытывать опасения, произнёс Михаил. Он покраснел, на лбу выступила испарина.

– Нашёл чем удивить. Это твоё свойство всем известно.

– Деньги п-получил?

– Да. Весьма признателен. Очень кстати.

Со стороны всё выглядело необычно. Один сидел, опустив голову и попивал ликёр, а другой, остановившись на полпути к столику и совсем не глядя на Малкина, что-то бубнил себе под нос.

Стоявшая рядом с ними молодая особа в коротеньком, цветастом сарафанчике, вообще не понимая ничего на других языках, кроме русского, как всегда, с ходу решила, что мужик, который всё время что-то лопочет сам себе, конечно, тронулся. Она видела таких и знала по собственному опыту, что сначала нужно их попытаться вернуть к реальности. Глядишь, опомнится...

Толкая растерявшегося Дворского в разные стороны и не видя результата, женщина сообразила, что это бесполезно, бросила «пациента» и тут же уверенно двинулась к стойке бара, где на русском языке громко стала требовать врача. Она размахивала руками, показывала то на Дворского, то на свою голову, пытаясь «ввинтить» в неё указательный палец. Потом, не выдержав тупости местного персонала, вернулась к русскому, продолжавшему бесконтактный диалог с приятелем, и сама насильно усадила его в свободное кресло рядом с Малкиным. Михаил неуклюже плюхнулся в него и от неожиданности заулыбался. Это движение души только усугубило диагноз, который поставила ему молодая и чересчур уверенная в себе женщина. Однако, удовлетворившись содеянным, она благоразумно отошла в сторону.

– Стесняюсь спросить, а что там за матрёшка? – не выдержал Малкин, почувствовав напор этой русской.

– Лётчик-космонавт Терешкова! Чего ты спрашиваешь? Или снова потянуло на баб? Мало тебе Катеньки Захаровой? Может, эта из той же команды? – Малкин изменился в лице и напрягся. Видимо, вся эта история сильно по нему ударила. Он принялся рассказывать Михаилу, как сразу же после захвата вспомнил про анкету своей Катеньки. Тогда он ясно понял, кто стоит за всей этой чехардой: и с реестром акционеров, и со срочным внесением изменений в учредительные документы, и с заменой директора, и отзывом всех доверенностей.

– Вот баба! – в сердцах почти крикнул Леонид. – Как сейчас перед глазами в документе – графа: «члены семьи» и справа корявыми буквами: «Родная сестра Неля Захарова проживает в Москве». – Он замолчал, словно ждал, когда этот жуткий факт ещё раз с болью пройдёт через его сердце, а потом быстро произнёс: – Миша... Это Администрация президента.

– Где? – Дворский, не врубаясь, даже закрутил головой, будто искал кого-то. – Эта баба в сарафане?

– Кончай придуриваться! Я знаю даже, кто конкретно это сделал. Я с ним встречался в 90-м. Он ещё у Горбачёва трудился, мидовский маменькин сыночек. Я его знаю, это твой тёзка, Алябьев. Знаю и сестру Катькину. Ясно тебе? Вот уж пригрел змею! Виноват! Первый раз в жизни поленился, не собрал всю информацию.

Малкин опять замолчал, видимо, о чём-то подумал и уже спокойным голосом закончил: «А ничего у них не выйдет. Подавятся! Вот увидишь».

– А мне всё равно: Алябьев это или какой другой «соловей». Я сваливаю и безмерно этому рад, Лёня. Н-н-надоело! Может так и к лучшему. А то ждал бы, да ждал, когда всё р-рассосётся. Оно само по себе никак не рассасывается. Сойфер мне сразу сказал, что если я решу уйти к нему, то придётся всё порвать. Все отношения. Тем более, с этими охламонами: Лисочкиным и Филипповым!

Леонид, может, впервые посмотрел на своего приятеля с завистью. Он представил себе новую Мишкину жизнь. Как раз то, что ему было надо. Никаких тревог и рисков! Знай, молекулы подсчитывай... Денег, небось, отвалят прилично.

– Давай вместе, а? – тихо произнёс Дворский. – Что тебя держит? Ни жены, ни стариков, тётки тоже уже нет... Что там делать, а? Всё десятки раз поделено-переделено. Не отнимать же, действительно, всё это обратно. Нужно было сразу всё п-продать! Уже через год после создания бизнеса. Так нет! Всё жалко, ведь «несёт», каждый квартал «несёт». П-приятно! – Дворский повернулся на стуле, посмотрел по сторонам и, успокоившись окончательно, продолжил:

– Какой-то злой рок вселился в эту фармацевтику. Наверно, понимают чиновнички, что лучше прачечной для отмывки денег не сыщешь во всей стране. И потом, Филя ведь не слезет. Будет до конца тебя трясти, пока все жилы не вытянет. Вон Прохорова – нет. И никто не знает, где он. Может, уже червей кормит, – Михаил замолчал, потом почему-то заулыбался. Одного зуба не было, и поэтому улыбка Дворского выглядела непривычной и даже чуть-чуть зловещей. – Хотя нет, скорее рыб... Хорошо, что наш номинальный «настоящий владелец» не знал ничего толком. А то бы все денежки давно уже испарились. И так-то я еле успел.

Малкин, не перебивая, слушал тонкие намёки партнёра о смерти Прохорова. В это время Леонид был занят совсем другим. В нём всё больше и больше разгоралась мечта вернуть бизнес. Ему не терпелось включить привычную схему восстановления справедливости в отношениях с плохими клиентами. Не привык он, чтобы его покидали любовницы. Тем более так изощрённо.

– Знаешь, Мишка, я останусь. В конце концов это всё из-за меня... Попытаюсь исправить. Деньги у меня теперь есть приличные. Спасибо тебе... А потом куда я без наших, так горячо любимых мною судов? Когда-нибудь... Когда ты разбогатеешь на науке, дай знать. Я прибегу, и снова заварим какую-нибудь кашу. А если не пофартит, милости прошу к моему шалашу. Ты знаешь, в случае чего, ищи меня в судах, на худой конец в Стокгольме, или в Тель-Авиве. И там, и там меня ждут бывшие питерские судьи женского пола. Адресов пока не знаю, но в самой главной газете и там, и там будем ждать объявление. Будем?

Михаил пожал плечами и ничего не ответил. Он помнил об их давнишней договорённости: сообщать свои координаты только одним способом, – написав в рубрике «объявления» о продаже панкагена.

– Чего искал-то?

– Попрощаться, – быстро, как будто проглотил что-то, выпалил Малкин. Он не терпел душевных разговоров и теперь даже испугался вдруг нахлынувшего и непривычного для него искреннего чувства. Только сейчас Леонид понял, как много значила для него привязанность к этому моряку-неудачнику и такому же, как он сам, бизнесмену, рыжему, уже начинавшему лысеть и смертельно уставшему от того, что каждый день занимался не тем, что умел. Он, скорее по привычке, чем осознанно поспешил улизнуть от лирики в их отношениях и лишь с грустью взглянул на приятеля.

Михаил Дворский сидел напротив и, подперев голову обеими руками, неподвижными глазами уставился на чашку с холодным недопитым чаем.

– На эту «Терешкову» обрати внимание. Такая тебе в масть, – Малкин весело кивнул головой в сторону молодой женщины в сарафанчике.

«Матрёшка» сидела поодаль, за другим столиком, пила кофе и уже позабыла о ненормальном русском, бубнящим себе под нос какую-то чушь. Он ей показался симпатичным, хоть и совсем не похожим на Алена Делона.

Малкин и Дворский простились без лишних слов и разошлись в разные стороны. Один пошёл на посадку на Сан-Пауло, второй – совсем на другой этаж, откуда вылетали самолёты в Россию, Казахстан и на Украину.

8.

Местный аэропорт «Клотен» быстро испортил настроение новоиспечённому чешскому химику, говорящему только на французском. Рейс на Сан-Пауло задерживался. Нужно было ждать ещё пять часов. «Збигнев» сразу понял в чём великое преимущество сумок с ручками и колесами. Таких, как у него, с ремнём через плечо, не было ни у одного пассажира. Он немедленно отыскал тележку и сгрузил туда все свои пожитки. Однако это не решило проблемы. При переходе из зала в зал на длинном пути к 38-му выходу его всё время о чём-то настойчиво спрашивали, а он уверенно отвечал «Ноу». Он был уверен, что их интересует, есть ли у него что-нибудь запрещённое. На самом деле, как выяснилось позже, мест-

ные служащие, приписанные к каждому из залов, требовали оставить их тележку. Услышав жёсткое многократное «Ноу», они чуть-чуть «тормозили», но потом просто хватали телегу руками и тащили её к себе. Псевдочеху оставалось лишь выдёргивать оттуда сумки и сходу вешать их себе на правое плечо, приходилось напоминать себе – не перепутать его с левым, вообще не способным не только что-либо на себе нести, но и каждое мгновение напоминающим о себе острой, непроходящей болью.

В третьем зале на втором этаже было очень мало людей и много закрытых бутиков. Должно быть, потому и закрытых. «Хорешовски» взял другую тележку и снова с облегчением сложил на неё свои вещи. Наконец-то, последний зал. Нужно поесть. Не тут-то было! Открыты только бары с бутербродами, кофе и алкоголем. Не выдержала душа горе-путешественника. «Збигнев» уверенно подошёл к бармену и взял двойную порцию виски на вересковом мёде. Сидел, отходил от суеты и глупых переживаний. Ничего ему не надо: ни тележки, ни горячей пиццы, ни бандитов, ни чекистов... Ничего! Он вытащил свой новый мобильный телефон, включил музыку из кинофильма «Неукротимый» с Аленом Делоном, поместил его в нагрудный карман пиджака и стал слушать.

Открылся бутик. «Збигнев» встал и направился туда, продолжая время от времени нажимать на мобильнике кнопку «воспроизведение». Он выбрал сумочку на шею для самого дорогого, что у него было – для паспорта советского... ой, чешского учёного, и подошёл к кассе. Перед ним стояла та самая «Терешкова», она обернулась, услышав знакомую мелодию, увидела за собой «чокнутого», улыбнулась, вновь посмотрела на продавца и, держа в одной руке шарф, а другой, касаясь волос на голове, громко заговорила, почти закричала: «Шерстяной, не понятно, что ли, я же говорю, мне нужен шер-стя-ной!».

«Какая непосредственность и уверенность в себе! Эта выживет, где угодно», – подумал Дворский.

Ещё немного, час-другой – и он в самолете. Теперь ещё полсуток – и всё закончится! Место в проходе. Это плюс. Рядом, у иллюминатора, опять та самая деваха. «Это уже судьба!» – решил Михаил. Странно, но она из Голландии, как он понял по её паспорту. Ей на вид лет двадцать пять. Руку протягивает: «Здрасьте, а я думала, что вы того». «Збигнев», как истинный джентльмен чешского покроя, умудрился втолкнуть её разноцветный модный рюкзак в багажный отсек наверху, где уже всё было занято его сумками с длинными ремнями.

Так началось общение «чеха» и подданной королевы Нидерландов. Голландка оказалась русской, той самой Марией, Машей, о которой говорил Томас Сойфер. Незамужем, вернее разведённая, есть маленький сын, который родился в Амстердаме год назад и там пока остался в пансионате. Рассказ про мытарства русской девушки потряс Михаила. Но ещё сильнее его привлекала сама Маша. Чем-то она напомнила его бывшую жену. Такие же голубые, даже синие, глаза, тоже блондинка. Но видно по всему, добрая, решительная, немного взбалмошная и фантазёрка. Она рассказывала, что любит мечтать и особенно не переживает, если потом ничего не получается. Опять мечтает и, мечтая, радуется ещё сильнее, чем, если бы это была реальность. То ей очень хочется увидеть кайманову ящерицу, которая глотает раковины с моллюсками целиком, может, даже вместе с жемчужинами, то ей вообще ничего не нужно – только бы скатиться с горы на санках. Богатое воображение. Дворский долго потом не мог уснуть, вспоминая яркие картины приключений новой знакомой.

Да, это была та самая Маша. В Голландии миллиардер вспомнил о ней только для того, чтобы вот так изощрённо, но доходчиво подготовить учёного-бизнесмена к мысли, что иногда бывает правильно и выгодно продать себя и своё умение. Теперь он, Михаил Дворский, именно для этого летел в Бразилию с документами никому не известного Збигнева Хорешовски, а рядом сидела та самая русская, которая всё вытерпела, умудрилась выбраться из баржи и не побоялась выступить свидетелем обвинения на суде!

А зачем Маша летела в Бразилию? Никто бы не догадался. В Голландии, чтобы получать пособие для безработной

матери-одиночки, нужно каждую неделю стоять в очереди и отмечаться на бирже труда, потом приносить справки от свидетелей, что ты, мол, искала работу, и заполнять формуляр из кучи страниц о расходовании получаемого пособия. Там всё: размеры окна, расстояние от пола до дверной ручки, от окна до противоположной стены комнаты, где ты живёшь, из чего сделана дверь, из чего стена, какая ширина туалетной бумаги... Вдруг ты транжиришь выделяемые тебе средства! В Бразилии всего этого не нужно. А ещё там тепло и каймановая ящерица.

В салоне жарко. Кондиционеры работают плохо. Как будто самолёт не на высоте десять тысяч метров, а стоит уже целый час рядом со взлётной полосой и ждёт своей очереди. Кресло перед «чешским учёным» наклонено, телевизор, устроенный в его спинке, тоже, и потому ничего не видно. Соседка часа два промучилась, даже вспотела, прежде чем нашла какой-то мультик и удобную позу для сна. Только после этого успокоилась. Так с наушниками и заснула, скрючившись в своём уголке, рядом с иллюминатором. После событий двухлетней давности она всегда просила место только у окна.

Дворский не мог заснуть. Он смотрел на безмятежно спящую Машу, чувствовал горьковатый запах её волос и ровное дыхание, видел несколько солёных капель пота на белой шее. На ней было тоненькое платьице, чуть удерживающее соблазнительные формы... Михаила охватило уже забытое им щемящее ощущение исходящей от неё женственности. Оно вдруг проснулось в нём и заставило нежно-нежно поправить прядь волос, накрывавшую глаза Марии.

Перед паспортным контролем соседка скрылась. Несмотря на увлечённость новой знакомой, Дворский инстинктивно глянул на свои сумки. Убедился, что всё на месте. Потом сообразил: это, как в метро. Если будешь вести себя не как все, к примеру, стоять, а не двигаться – сразу подойдут и будут что-то просить. Кто-то денег попросит, кто-то предложит купить новенький рашпиль... Здесь – то же самое. Когда часто летаешь, вырабатывается стереотип поведения. Любые отклонения увеличивают вероятность нежелательных ситуаций. Не стоит перед проверкой быть рядом с совсем незнакомым человеком, с которым только что очень долго сидел и о чём-то болтал. Вдруг он какой-нибудь невъездной или что-то тащит с собой запрещённое? Тогда ведь и соседу может достаться. Исчезла. Жаль, конечно! Михаил к ней прикипел.

Но он не сомневался, что, если уж они вместе столько часов, скрючив ноги, летели в далёкую Бразилию, на другой берег огромного океана, то куда же она там денется? Океан большой, а вот любая страна вокруг него всегда кажется маленькой. Если по телевизору говорят о наводнении в Бразилии, то сразу начинаешь переживать за твоих знакомых, живущих в Сан-Пауло. При этом никак не хочешь чуть-чуть подумать и понять, что это наводнение за тысячи километров, где-нибудь в бассейне реки Амазонки. Всем известно, что происходит с предметом, когда он удаляется: он уменьшается в размерах. Вот так и Бразилия.

На открытом воздухе, снаружи, температура тридцать два градуса! Двадцать километров – и центр Сан-Пауло. Но «чешский учёный» разместился в небольшом отеле у самого аэропорта и стал ждать. Он потом целую неделю чего-то ждал.

Дворский ждал сигнала от своей матери. И вот наконец-то на имя Збигнева Хорешовски, прямо в отель, пришла телеграмма совершенно глупого содержания: «В мае никто не летает ни из Лондона, ни из Цюриха. Целую, Аня». Ему не нужно было ничего объяснять. Он всегда всё готовил заранее, предусмотрительно и обстоятельно, как когда-то в школе перед любимым уроком химии. Это значило, что его мать прилетит в Сан-Пауло до конца мая рейсом из Барселоны. Москва и Амстердам исключались сразу. А до июня оставалось всего три дня.

Сегодня в зале ожидания пассажиров, прибывающих в Сан-Пауло, было мало людей. Основной поток летит либо на «Франс-Эйр», либо на «Бритиш Эйрвейз». Рейс из Барселоны редко используют, хотя он и самый дешёвый. Дворский ждал свою мать и немного нервничал. Иногда он вы-

нимал левую руку из-за лацкана лёгкой куртки без рукавов. На месте указательного пальца белела свежая повязка из бинта и пластыря.

9.

Ровно неделю назад, пятнадцатого августа, через час после взрыва на перекрёстке пострадавшего водителя привезли в клинику. Казалось, всё, что у него сломано или поцарапано – прямое следствие покушения. Только не оторванный, а отрезанный палец никак не находил у врачей объяснений.

Да. Именно покушения! Так и было записано в протоколе полиции. Они нашли остатки взрывного устройства, которое включалось по радио.

– Этому русскому повезло, – говорили друг другу полицейские, осматривавшие место взрыва и документы Василия Прохорова. – Если бы взорвалось на крыше, всё разлетелось бы на кусочки. А уж от него бы точно ничего не осталось.

– Ну, да. Затормозил «на красный», мина и свалилась. Но когда положили?

– Должно быть, совсем недавно. Ведь не могли не понимать, что свалится...

Больной приходил в себя и что-то бормотал в бреду. Что – никто не слышал, да и всё равно не понял бы.

– Полиция Амстердама. Как вас зовут? – спросил стоявший у кровати пожилой сухощавый полицейский с включённым диктофоном.

Пациент немигающими глазами смотрел на человека в форме и молчал. Он не понимал, что лопочет этот «артист» с микрофоном в руке. Но увидев его лицо и слушая одну и ту же дежурную мелодию его голоса, вдруг вспомнил, как в каком-то фильме полицейский тупо и усердно приставал к пострадавшему: «Где и когда вы родились?» Не получая ответа, он повторял одно и то же, видимо считая, что если повторить эти слова несколько раз, то результат непременно сам выдавится из лежащего человека: «Где и когда вы родились?»

– Вы меня слышите? Как вас зовут?

Пострадавший тихо, чуть заикаясь, произнёс какое-то слово.

– Как? Повторите. Кто может подтвердить вашу личность здесь, в Амстердаме? При вас нашли документы на имя Василия Прохорова из России.

Раненый не понимал, где он и почему у него болит всё тело. То, что у него наверняка сотрясение мозга, вывихнута ключица, и на месте указательного пальца окровавленный бинт – это не осознать было трудно. Но произошло это с ним вчера или может быть неделю назад, он не знал. Попробовал было вспомнить – так голова загудела, что он счёл за благо вообще ни о чём не думать.

Только одна мысль, как он ни старался, всё не уходила, вцепилась в него, словно клещ, и теперь отравляла сознание: «Значит, я снова в Голландии. Если назваться, то через день-другой это станет известно всем, сообщат в газетах, по телевизору. А это не входит в мои планы. Мне нужно срочно лететь в Ларнаку. И причём тут Прохоров? Причём тут его документы?»

– Вальта... П-психоаналитик... Русская, – наконец-то произнёс по-английски больной и добавил: – Найдите...

Практикующего врача-психотерапевта с редкой фамилией в Амстердаме знали многие. Поэтому полиции не составило особого труда её отыскать и привезти в клинику для опознания пострадавшего.

– Да, это русский, из России, мой пациент, – скороговоркой выпалила Вальта, не называя его фамилии. – Я могу взять к себе? Там ему будет лучше. У меня хранится его медкарта, все данные, адрес проживания, родственники... и тому подобное. Если понадобится, я предоставлю.

Полицейские не возражали.

Русского перевезли в офис психотерапевта, уложили на кушетку. Боли в голове постепенно утихли, общее состояние постепенно улучшилось. Полицейские с удовольствием удалились. Их смена закончилась. Придут другие – пусть они и разбираются.

А на следующий день в том же кабинете доктор Вальта сидела за столом и просматривала свои записи, сделанные во время только что завершившегося последнего сеанса с пациентом. Она записывала на диктофон анамнез его болезни. Кушетка напротив уже была пуста. В этот раз больной ушёл так быстро, что даже не попрощался.

Пациент, Михаил Д., 1960 года рождения, из России, учёный и предприниматель, наблюдается в течение полутора лет. Обратился с жалобами на частую потерю памяти. Такое психическое состояние связано с целым рядом нарастающих со временем расстройств, в особенности тех, которые относились к психической травме, полученной пациентом в детстве в связи с уходом отца, и позднее – в результате резко повысившейся общей тревожности при принятии сложных решений в критических ситуациях. Посредством амнезии клиент получал возможность вытеснять воспоминания травматических событий или проблемного периода жизни.

Проведено тридцать семь сеансов психотерапии и гипноза. На лицо феномен диссоциативного расстройства идентичности. Пациентом явно демонстрируется раздвоение личности. Каждая альтернативная личность имеет собственные механизмы восприятия и взаимодействия с окружающей средой.

В настоящее время возможность суицида исключена, но клиент до сих пор не способен себя идентифицировать. Сегодня он Михаил Д. Но во время одного сеанса, после «включения» запускающей ингаммы, Михаил становится Василием П. и наоборот. Сразу меняются выражение лица, мимика, голос, речь. Пациент начинает лихорадочно искать какой-то парик, то и дело, проводя рукой по волосам. Обилие нюансов нереальной биографии Василия П. подтверждает полностью сформировавшееся расстройство психики Михаила Д.

Вне психотерапевтических сеансов переходы «Михаил Д. – Василий П.» происходили каждую неделю. Ровно такие же интервалы времени полностью исчезали из памяти соответственно, Михаила Д. и его альтер-личности, Василия П. Ключом для запуска еженедельных переходов являлось резкое изменение температурного режима, вызываемого, вероятнее всего, в процессе банных процедур. Михаил Д. в целях закаливания более двадцати лет каждую неделю парится при высоких температурах и затем обливается холодной водой.

Реже случались кратковременные переходы. Они вызывались, в основном, двумя закрепившимися у пациента ингаммами. Первая связана с реакцией на качку или даже на лёгкое покачивание. Во время сеансов применялся гипноз, и пациент, уже как «Василий П.», начинал представлять себя в поезде, в купе спального вагона. Вторая ингамма, менее закреплённая – на всё острое, колючее и даже на простое упоминание об острой пище, видимо, связана с воспоминаниями пациента о разговоре врачей об иглах, услышанного им в полузабытьи пять лет назад во время операции на руке под общим наркозом.

15 августа 1997 года Михаил Д. поступил после психической и физической травмы, связанной с покушением на его альтер-личность, то есть, на Василия П. Организм в такого рода ситуациях, обычно всеми силами сопротивляется внешним угрозам, личность резко интегрируется: в психотерапевтическую клинику поступил уже не Василий П., а сам носитель расстроенной психики, Михаил Д. Он не знал, как оказался в Амстердаме, ничего не знал ни о взрыве, ни об отрезанном пальце на левой руке, ни о вывихнутой ключице.

Пациент планирует бросить бизнес и заняться наукой, создать семью, вести здоровый образ жизни. Учитывая, что это решение Михаила Д. окончательное, и оно позволит ему исключить в будущем ситуации, подобные тем, что имели место в проблемный период его жизни, пациенту даны подробные разъяснения о сути его заболевания. Обращено внимание Михаила Д. на то, что даже при благоприятных условиях его вторая личность по-прежнему будет проявлять себя, но, вероятнее всего, уже не так систематически, как это было прежде.

Пациенту рекомендовано продолжить лечение психотерапией.

После этого последнего сеанса у Вальты Дворский долго не мог успокоиться. Про себя и про свою болезнь он теперь знал всё, но почему-то продолжал молча сидеть напротив Марины Эдуардовны. Он внимательно рассматривал её кабинет. Глаза всё время что-то искали: то парик, то паспорт Прохорова, то чашку с недопитым холодным чаем... Вопросительный взгляд иногда задерживался на враче, будто ища у неё подсказки. Мыслей было много, но все они не отвечали на простой и одновременно главный сейчас для Михаила вопрос: «Что Прохорову-то теперь делать?»

Дворский медленно встал, прошёл в соседнюю комнату, там постоял с минуту у окна, потом вдруг быстро повернулся, сбежал по лестнице на первый этаж и незаметно покинул офис психотерапевта.

Он вышел свободным человеком. Свободным и физически, и психически. Настолько свободным, что не имел даже документов. Они оставались в комнате отдыха в бане, рядом со старым финским домиком под Выборгом, где жила его мать.

Для покупки билета в Ларнаку пришлось воспользоваться зарубежным паспортом на имя Прохорова. Их фотографии были похожи. Только у одного парик со светлыми кудрями, а другой с рыжеватыми короткими волосами и уже приличной лысиной.

10.

В Архангельский городской народный суд обратился некто Перминов Николай Николаевич. Он подал заявление о взыскании с гражданки Захаровой Екатерины Петровны ста пятидесяти тысяч долларов. Перминов, а вернее, его адвокат, заявил, что заявитель был знаком с Захаровой по совместной работе. Год назад он, Перминов, будучи проездом в Санкт-Петербурге, по просьбе Захаровой дал ей в долг означенную сумму денег. Договор был заключён в бездокументарной форме. Имеется расписка и два свидетеля. Копии их паспортов прилагаются. Заявитель просит суд принять решение о взыскании долга. У гражданки Захаровой имеется собственность в виде ста процентов долей фармацевтической компании «Фарма-2». Стоимость указанной компании приблизительно соответствует долговым обязательствам ответчика. Оценка стоимости компании независимым экспертом прилагается. Суд выбран заявителем по месту его регистрации. То есть, в Архангельске.

Приглашение на первое заседание было отправлено заказным письмом по адресу прописки Захаровой. Но отправить – это не значит вручить. Достаточно кому-нибудь вынуть из почтового ящика уведомление почтового отделения о поступлении заказного письма, и дело сделано. Через десять дней уведомление возвращается обратно.

Первое заседание суда ответчик «проигнорировал». Может, не успел, может, заболел... Через месяц – второе заседание. К нему заявитель подготовил просьбу: в качестве превентивной меры наложить арест на имущество Захаровой. А именно, на доли в уставном капитале вышеуказанной компании. Ответчик снова не явился. Суд удовлетворил просьбу Перминова. Прошёл ещё месяц, потом ещё. Суду стало всё ясно. А через две недели в Регистрационную палату Санкт-Петербурга поступило решение Архангельского городского суда, вступившее в законную силу, о переоформлении права собственности на доли в компании «Фарма-2» на Перминова Николая Николаевича.

На следующий день Перминов подарил компанию кипрскому оффшору, принадлежащему неким гражданам Республики Кипр Кусидесу и Фотиадису. Те, завершив добросовестную сделку, приехали в Питер, и, пригласив милицию да заодно консула республики Кипр, сменили директора, счета и охрану на производстве.

Так злополучный бизнес вернулся к Малкину и Лисочкину.

Перминова, от имени которого выступали адвокаты в Архангельске, а также обоих питерских свидетелей «подтащил» Филя. Он пригнал тамошних бомжей с погашенной судимостью и с оформленной на полгода пропиской.

Истец за всю свою жизнь никогда не выезжал из родного города и гордился тем, что на новой, полюбившейся многим «пятихатке» изображён с детства привычный для него Соловецкий монастырь. Два свидетеля обитали в Ленобласти и в других местах, «не столь отдалённых», но в Петербурге никогда не были.

Спорить с судами никто не стал. Как-то сразу всем стало ясно, что «закрутить» бизнес компании будет нереально. Без авторов патентов с новыми владельцами никто даже не разговаривал. Екатерину Захарову вернули на прежнюю работу, помощником судьи. А Михаил Алябьев, с лёгкой руки которого почти исчез архиважный для страны фармацевтический бизнес, как ни в чём не бывало, продолжал свою карьеру на Старой площади. Сейчас не получилось. «Что ж, это жизнь, – то и дело повторял он слова Ницше. – Всё, что не убивает, делает нас только сильнее». Он, по-прежнему, как и раньше, ежегодно выезжал в Сен-Пьер-де-Шартрёз и в красивом, дорогом обмундировании стоял на верхушке заснеженной горы, внимательно рассматривая оттуда всех, кто спускался по склону, падал, поднимался, опять спускался...

Филиппов, который в детстве считался вундеркиндом, играл на скрипке и даже успел доучиться до седьмого класса ленинградской французской школы, часто подчёркивал своё трепетное чувство ко всему французскому. На этот раз Пётр Михайлович решил, что вся эта история – не «комильфо». Его на глазах у подчинённых безнаказанно кинули. Так в деловом мире не бывает в принципе, и девиз Ницше-Алябьева даже случайно не может забрести в головы таких людей, как он. Наоборот, после исчезновения Прохорова, Филя всё чаще и чаще на публике повторял более известные всем слова детской загадки: «А» и «Б» сидели на трубе. «А» упало, «Б» пропало. Кто остался на трубе? – и сам же отвечал:

– Малкин – партнёр этого умника, Дворского! Деньги мои наверняка распилили. Что тут непонятного? Дворского нет, Василия – тоже. Бегать за ними или искать их трупы – себе дороже! – Филиппов повернулся в Лисочкину и спросил, – Лисициан, дружище! Этот юристик помог тебе вернуть то, что осталось после беспредела чиновников из Москвы?

– Вроде, как получилось, – ответил Лисочкин. – Не всё, конечно. Уже слито прилично. А помог или не помог – тут ещё нужно разобраться. Без авторов патентов можно года два пососать бизнес и ку-ку. Дальше вряд ли что получится. Там всё так устроено. Да! А директором-то была баба этого Малкина...

– Во как!

Филя внимательно посмотрел на Лисочкина, покачал головой, мол, ну, ты и простой, Юрий Михайлович, и заговорил совсем о другом. Этот взгляд приближённые Филиппова понимали сразу, и дополнительных разъяснений обычно не требовалось.

А Малкин был теперь не номинальным, как когда-то Прохоров, а настоящим собственником оффшора, владеющим всё теми же двадцатью процентами компании «Фармы-2». Ничуть не опасаясь своей новой роли, Леонид по-прежнему разъезжал на «тойоте камри». От суда к суду, от суда к суду... Он уже успел отвыкнуть от своего бывшего партнёра-неудачника. У него была доля в «Фарме-2», и эта доля в бизнесе «несла» ему каждый месяц совсем «нехило».

«Тойота» двигалась по проспекту. Машин было мало. На перекрёстке Лермонтовского проспекта и 13-й Красноармейской автомобиль свернул направо. Уже при подъезде к зданию Ленинского нарсуда, внезапно наперерез выскочили «жигули-шестёрка». Раздался глухой хлопок, будто лопнула шина. «Тойота» проехала ещё немного, уткнулась в поребрик и заглохла. За рулём, как ни чём не бывало, сидел Малкин. Его левая рука с засученным чуть ниже локтя рукавом белоснежной сорочки так и осталась висеть на окне с опущенным стеклом. А валявшийся на полу мобильный телефон, продолжал что-то журчать нежным женским голосом. Леонид сидел прямо, не наклоняясь. Только подбородок некрасиво касался его галстука. На голове, в области виска виднелась еле заметная чёрная точка.

Эпилог

В беседке, увитой лианами маракуйи, слегка покачивается гамак. В нём лежит мужчина. Его лицо загорело, глаза полузакрыты. После утренней прогулки по длинному песчаному пляжу и купания – полежать, вытянуть ноги... Хорошо!

Внизу, у самой земли, где поменьше солнца, на тонких стеблях ещё остались цветы. Там зависли крошечные, словно пчёлы, разноцветные колибри. Видно, как они своими длинными язычками высасывают сладкий нектар из ярких, слегка фиолетовых тычинок. Свежий ветерок с океана еле добирается сюда через песчаные дюны и невысокие холмы, засаженные плантациями бергамота. Он безразлично перелистывает исчирканные страницы монографии «Геронтологические аспекты пептидной регуляции». На столе лежат большие конверты, украшенные репродукциями Малевича. Спелые, ровно нарезанные плоды гуавы на блюде издают нежный, но сильный аромат.

На кухне осторожно движется – хлопочет, готовит обед, светловолосая женщина в коротком сарафане-распашонке, чуть вздёрнутом на животе. Там же, на полу мальчишка возится с игрушечным, пластмассовым кортиком. Из соседней комнаты слышен бодрый голос его бабушки, повторяющей вслед за диктофоном слова на португальском языке. На комоде между ровно сложенными стопками книг стоит старая фотография в рамочке. На ней – женщина в строгом платье и мужчина в форме подполковника Красной Армии, они улыбаются друг другу.

Постепенно дрёма обволакивает сознание мужчины и отключает рассудок. Совсем как тогда, в детстве. Он парится в деревенской бане. Пока тело разгоряченное – сразу в ручей. Потом вылезает и сидит на берегу на зеленой траве, ни о чём не думая. От холодной воды сосуды сжимаются, голова начинает чуть-чуть кружиться, и сразу забываешь всё на свете...

Покачивания гамака почему-то усилились. Улетучились все запахи. Кроме одного. Он преследует мужчину повсюду и, наверное, останется с ним навсегда. Это жуткая смесь из приторного аромата спелых мандаринов, тяжёлого перегара от пьяных и потных человеческих тел, смрада от свежей крови и кислого дыма кубинских сигарет “Ligeros”.

Приморск, Манола (РФ, Ленинградская область),
Флорианополис (Бразилия), 2011–2012

Историческая справка

1985, март – генеральным секретарём ЦК КПСС избран М. Горбачёв, начало политики «перестройки».
1989, февраль – завершён вывод советских войск из Афганистана.
1990, март – провозглашена независимость Литвы.
1990, июль – заключён договор между СССР и ФРГ об объединении Германии.
1991, апрель – провозглашена независимость Грузии. Автономные республики Абхазия и Южная Осетия объявили о непризнании независимости Грузии.
1991, апрель – распущены военные структуры Варшавского договора.
1991, август – образован ГКЧП, путч.
1991, декабрь – подписаны Беловежские соглашения, прекращено существование СССР.
1992, январь – начало либерализации цен.
1992, август – 1993, июль – Грузино-абхазская война.
1993, октябрь – расстрел парламента Российской Федерации.
1996, июнь – избрание Б. Ельцина президентом РФ всенародным голосованием.
1996, октябрь – Б. Березовский назначен заместителем секретаря Совета безопасности РФ.

2011, февраль – Постановление правительства РФ (№ 91 от 17. 02. 2011 г.) О федеральной целевой программе «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу»...

Содержание

От автора 5
Пролог 7
Часть I 15
Часть II 106
Часть III 189
Эпилог 236
Историческая справка 238

КОРНЕВ
Борис Фёдорович

Тандем
Роман

Редактор Е.Г. Шабалова
Художник А.В. Спиридонов
Технический редактор А.В. Слободин
Фотограф Г.М. Кургин

Главный редактор Н.В. Кирющенко

Издательство «Историческая иллюстрация»
192019, Санкт-Петербург, ул Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: (812) 412 0737

Подписано в печать 10.12.2012. Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Объем 15 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 193

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 38